АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ В ДОКУМЕНТАХ КУРСКИХ АРХИВОВ

Сборник статей

Выпуск XIII

КУРСК 2015 УДК 908

ББК 63.3 (2 Рус - 4 Курск) С 55

С 55 События и люди в документах курских архивов. Сб. статей. Вып. XIII [Текст] / под ред. В.Л. Богданова. Курск: ООО «Центр рекламы «Лоцман», 2015. 154 с.

Редакционная коллегия: Богданов В.Л. (гл. редактор) — начальник архивного управления Курской обл., Карманова Л.Б. (зам. гл. редактора) — зам. начальника архивного управления Курской обл., Елагина Н.А. — директор ОКУ «Госархив Курской области», Пешехонова О.В. — зам. директора ОКУ «Госархив Курской области», Раков В.В. — зам. директора-начальник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: Раков В.В., канд. ист. наук. **Технический редактор:** Аргунов О.Н.,

В сборник вошли исследования ученых-историков, преподавателей, аспирантов и студентов курских вузов, сотрудников архивов, посвященные различным проблемам истории края XVIII-XX вв. Опубликованные в сборнике работы будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся нашей историей. Все материалы опубликованы в авторской редакции.

На первой странице обложке дворовый фасад и фонтан бывшего дома Денисьева. Фото Литошенко Л.А. 1938.

[©] Архивное управление Курской области, 2015

[©] ОКУ «Госархив Курской области», 2015

[©] Авторы статей, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Курская область в годы Великой Отечественной войны

Аргунов О.Н.	О фактах нарушений «революционной законности» на начальном этапе военного восстановления сельского хозяйства в курском регионе в 1943 г	5-11
Бутенко Е.Н.	Последствия немецко-фашистской оккупации (на материалах Медвенского района Курской области)	12-17
Коровин В.В.	Русин в отряде курских партизан (страницы боевой биографии А.И. Кривуляка)	18-25
Масуфранова Е.А.	«Так же работать, как трудится лучший» (использование передовых методов труда в работе коллективапаровозного депо Курск в 1945 году)	26-31
Немцев А.Д.	Оборонительные бои танковых соединений в восточных районах Курской области (июнь – июль 1942 г.)	31-39
Пилишвили Г.Д.	Роль штаба истребительных батальонов Курской области накануне проведения Курской битвы	40-41
Цуканов И.П.	Курские солдаты, пропавшие без вести в 1941 году, вернулись домой	44-48
Социально-экономич	еское развитие курского региона	
Вородюхин С.Е.	Роль казенных палат в системе гербового налогообложения в Российской Империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии)	49-53
Головин Е.А.	Архивные документы о тенденциях развития местной промышленности Курской области в 1950-е годы	53-60
Голубицкий М.С.	Документы государственного архива Курской области о роли колхозных Советов социального обеспечения в реализации закона о пенсиях и пособиях членам колхозов от 15 июля 1964 года.	61-64
Лобынцев Н.А.	Экологические проблемы Курской области начала 1990-х гг.: причины и последствия	64-68
Островский И.В.	Становление и развитие экологического движения на территории Курской области в 1991-1997 гг.: проблемы и перспективы	69-73

Сахаров А.В.	Трудности строительства шлюзов при реализации проекта по приведению реки Сейм в судоходное состояние в 1830-е гг.	73-77
Сахневич И.В.	Кризисные явления в лесной торговле Курской губернии в результате Февральской революции	77-83
Харсеева О.В.	Борьба духовенства с алкоголизацией населения Курской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.)	83-90
Хмелевской А.В.	Проявление стахановского движения на предприятиях легкой промышленности г. Курска	91-95
Чубаров А.И.	Благотворительные мероприятия в Курской губернии во время русско-японской войны	95-97
Культурно-историчес	ское наследие курского края	
Палий Л.В.	Развитие городского садового хозяйства в уездных центрах Курской губернии в начале XX в. (на примере г. Старый Оскол)	98-103
Холодова Е.В.	Церковная летопись села Кострова	103-115
Биографистика и пр	оосопография	
Борисов А.М.	Кадровая работа в органах безопасности и её результаты в судьбах курских чекистов: служебный путь М.И. Круподёрова	116-122
Долгов Н.Н.	Из истории населенных мест Курской губернии. Опыт просопографии однодворцев Курского уезда	123-129
Ласочко Л.С.	Забытые имена: этнограф, путешественник Юрий Иванович Кушелевский (1825–1873 гг.)	129-132
Раков В.В.	О Пимене Ивановиче Карпове	133-137
Рожковская И.О.	Архитектор Карл Густович Шольц	137-140
Источниковедение		
Раздорский А.И.	Таможенные книги Курска и Коренной ярмарки XVIII века	141-151
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		152-153

КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

О.Н. Аргунов

О ФАКТАХ НАРУШЕНИЙ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ» НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КУРСКОМ РЕГИОНЕ В 1943 г.

После частичного освобождения от немецко-фашистской оккупации Курской области в феврале 1943 г., на повестку дня стал вопрос о скорейшем восстановлении экономического потенциала пострадавшего от боевых действий и политики германских властей региона, в том числе и сельского хозяйства, как ключевой отрасли экономики области. Поэтому на выполнение этой установки были направлены практически все имеющиеся силы.

Ключевыми задачами, которые ставило перед собой руководство области в решении вышеуказанного вопроса, были: восстановление колхозно-совхозного строя на территории пострадавших районов, организация и проведение весеннего сева 1943 г., организация первичных заготовок сельскохозяйственных продуктов для обеспечения населения и армии продуктами питания, колхозов и совхозов посевным материалом, а также контрактация скота для комплектования животноводческих ферм. Однако данный процесс был затруднен в связи со следующими объективными причинами. Во-первых, страшная разруха, как одно из следствий оккупационной политики гитлеровцев. Во-вторых, прифронтовое положение большинства освобожденных в ходе зимнего наступления 1943 г. районов. В-третьих, нежелание определенной части сельского населения заново вступать в колхозы, что было следствием отчасти негативной стороны политики коллективизации, проводившейся в деревне в конце 1920-1930-е гг., отчасти активной работы немецких пропагандистов. Так, к примеру, из докладной записки председателю облисполкома В.В. Волчкову от начальника УНКВД по Курской области узнаем, что в одном из колхозов Бесединского района некий Беседин активно призывал к срыву весеннего сева, группируя вокруг себя единоличников, ведет среди них агитацию против засыпки семян, говоря: «что семена не засыпайте и на работу в колхоз не ходите, скорее придет конец этой жизни» [3, Л. 153 об.].

Подобные случаи не были единичными и происходили с достаточной регулярностью на всей территории Курской области. Так, 23 ноября 1943 г. в колхозе «им. Ленина» Грайворонского района проводилось колхозное собрание по вопросу о продаже хлеба государству в порядке государственных закупок. На этом собрании выступал бригадир колхоза Лошаков Алексей Ефимович, который призывал колхозников принять план хлебозакупок, при этом он критиковал отдельных колхозников, в том числе и колхозницу Лошакову Наталью Тихоновну, как дезорганизатора колхозных работ. Присутствующая на этом собрании Лошакова Наталья, не дав закончить выступленгие бригадира Лошакова, набросилась на последнего и нанесла ему побои.

Лошакова была арестована 26 ноября 1943 г. и осуждена 7 декабря к 3 годам лишения свободы. В ходе следствия было выяснено, что в период оккупации она сожительствовала с полицейским, от которого родила ребенка. При этом, два ее брата находились на службе в Красной Армии [2, Л. 71].

Помимо объективных причин, тормозящих ход восстановления колхозно-совхозной сети на территории Курской области, в документах архивного фонда «Исполнительный комитет Курского областного Совета депутатов трудящихся» Государственного архива Курской области хранятся документы, свидетельствующие о том, что и субъективные факторы также сыграли немаловажную роль в процессе замедления темпов восстановления. К этому стоит отнести, в первую очередь, нерадивое, а иногда и откровенное членовредительское, отношение к делу восстановления со стороны партийно-государственных работников, а также некоторых руководителей сельскохозяйственных артелей.

Например, председатель исполнительного комитета Суджанского районного Совета депутатов трудящихся Бочаров и председатель Райуполнаркомзага Ильченко допустили грубейшие политические извращения в области политики заготовок. По прямой установке Бочарова на совещании работников районных организаций, руководителей сельсоветов и колхозов, председатели сельсоветов выделили специальные комиссии и приступили к массовым обыскам и изъятиям скота, семян и других продуктов.

Получив такую установку на совещании от Бочарова, председатель Улановского сельского Совета Чертков (позже был переведен на должность заместителя председателя Райсовета по гособеспечению) с бригадой 5 человек, вооружившись лопатами, кирками и железными палками, организовали сплошную проверку и обыски во всех домах колхозников колхоза «З-й год ЦЧО», так например: у гражданки Проценко Марии Поликарповны (муж и сын которой находились в РККА) и в течение двух дней производили обыск на предмет обнаружения зерна. Изрыв пол в хате и не обнаружив ничего, он изъял у нее послед-

ний центнер хлеба, причем заявил Проценко: «Перепрячь хлеб в другое место, иначе мы его все равно заберем». Это было сделано Чертковым с целью, спровоцировать Проценко на открытие зерна. На следующий день он снова явился с бригадой для продолжения обыска, который продолжался с утра до вечера, но ничего не обнаружил.

Такие же обыски и изъятия им были произведены у семей военнослужащих Безкишкина Давыда Максимовича, Колиненко Софии Карповны, Матюховой Александры Прокофьевны и др. Незаконное производство обысков было закончено «банкетом» (организованной пьянкой в помещении правления колхоза «3-й год ЦЧО») [4, Л. 19 об. – 20].

Кроме указанного выше, по установке Черткова по Улановскому сельскому Совету изъято 23 коровы у населения, причем 3 коровы изъято у семей военнослужащих по мотивам «малосемейности». Оплата за изъятых коров не произведена. То же по мотивам «малосемейности» были изъяты 35 коров по Гуевскому сельсовету (председатель Коновалов), причем 23 коровы были изъяты у семей военнослужащих.

По Пушкарскому сельсовету (председатель Куденцов) было произведено массовое изъятие коров и другого скота, так например: 5 мая 1943 года им за один день было изъято 7 коров, причем изъяты коровы у Мануйлова Тимофея Михайловича, Кузнецова, Гавриловой изъяты коровы и телки при наличии того, что эти граждане уже полностью рассчитались с выполнением мясопоставок и других сельскохозяйственных продуктов. Всего, по неполным данным, по Пушкарскому сельскому Совету изъято 43 коровы. Куденцов также занимался вымогательством водки и за это отдельным лицам обещал освободить их от мясопоставок. Куденцов был арестован и дело о нем передано Военному Трибуналу.

Изъятие коров у семей военнослужащих по Суджанскому району было введено в систему, так например: по Черкасско-Пореченскому сельскому Совету было изъято 12 коров у семей военнослужащих, Плеховскому — 13 коров, Заолешенскому 18 коров и т. д. [4, Л. 20—20 об.].

Аналогичная ситуация была и в Солнцевском районе. 23 марта 1943 года, в ночное время заместитель председателя райсовета Венедиктов при участии военнослужащего Русакова, заместителя председателя РПС Сороколетова и некого Бочарова, в настоящее время арестованного органами НКВД, без всяких на то оснований произвел обыск на квартире Строкова Андрея Федоровича, проживавшего в селе Зуевка Солнцевского района, и при этом угрожал Строкову расправой. При обыске было изъято все имущество Строкова, как-то: носильные вещи, домашняя утварь и мелкие вещи, вплоть до зубного порошка и носовых платков, а также 2 000 руб. денег.

Из изъятых вещей часть была и разбазарена без оплаты. Так Венедиктов и капитан Русаков взяли себе по 2-е часов и по плащу. Председатель райсовета Волобуев взял себе ковер. Венедиктов и Волобуев взяли себе белье и другие вещи. Остальные вещи были переданы в магазин Райпотребсоюза и продавались по распоряжению Венедиктова рай. работникам. Венедиктов купил себе кожаную тужурку. Волобуев купил 2 одеяла, хромовые сапоги. 45 кусков хозяйственного мыла и 8 кусков туалетного мыла поделили между собой Венедиктов, Волобуев и другие работники. Большая часть вещей — 8 метров тюли, 5 простыней, 10 полотенцев, пуховый платок, скатерть и другие вещи, в количестве 74 предмета Венедиктовым никуда не переданы. Изъятые деньги в сумме 2 000 руб. Венедиктов растратил.

Необходимо отметить, что в числе изъятых вещей находились вещи квартиранта Тимошкина, призванного в Красную Армию: сапоги, пальто, костюм и брюки. Несмотря на заявления самого Тимошкина, а также подтверждения председателя сельсовета о принадлежности этих вещей Тимошкину, вещи ему возвращены не были.

Лишь после реализации вещей Венедиктов и Волобуев сфабриковали задним числом решение исполкома райсовета о реализации этих вещей, за яко бы, имеющуюся недостачу Струкова. В исполкоме райсовета обнаружены два экземпляра этого решения. Один датирован 30 марта, второй 31 марта. Ни 30-го, ни 31-го марта заседание исполкома Райсовета не проходило [4, Л. 23].

24 апреля 1943 г. тот же Венедиктов, по распоряжению Волобуева, произвел обыск в квартире гражданки с. Зуевки Дороховой Прасковыи. При обыске им изъято 12 кг соли, 2 пуда пшена, полтора пуда конопляного семя, 4 катушки ниток и 5 коробок спичек. После обыска Венедиктов послал работников Райсовета Кузнецову Ольгу и Медведеву Софию с запиской Дороховой, чтобы та отдала имеющийся у неё ковер и часы. Изъятые часы Венедиктов передал секретарю РК ВКП(б) Жилину [4, Л. 23].

В марте 1943 г. председатель РИКа Волобуев, узнав о том, что у гражданина с. Шумакова, Алябьева имеется мед, приказал изъять этот мед. Когда Алябьев отказался от выдачи меда, Волобуев вызвал его в сельсовет, посадил под арест, где он просидел до 8 часов утра, а в это время у него изъяли 3,5 пуда меда из собственной пасеки, корову и дорожные часы. Утром Волобуев предложил Алябьеву подписать расписку о том, что он обязуется сдать 30 пудов хлеба в семенной фонд. После того, что Алябьев подписал такую расписку, ему была возвращена корова, и он был отпущен домой. Часы Волобуев повесил у себя в кабинете. Мед был увезен братом Волобуева, который по его же предложению изымал этот мед, в неизвестном направлении [4, Л. 23].

Заместитель председателя РИКа Венедиктов проводил массовые обыски у семей, члены которых работали при немцах полицейскими или сотскими по с. Княжное, независимо от того арестованы ли эти полицейские или призваны в Красную Армию. При обыске изымал личные вещи, которые присваивал. Так у Нехороших Ольги изъято 5 кг соли и 20 кусков мыла. Соль и мыло никуда не сданы и где делись неизвестно. После обыска Венедиктов сам пришел в квартиру, забрал фуражку ее сына, которую присвоил себе. У Нехороших Татьяны изъято, приблизительно, 3–4 кг соли. У Нехороших Пелагеи Венедиктов пытался изъять плащ. При изъятии он тянул плащ себе, а старуха-мать Нехороших тянула плащ к себе. Тогда Венедиктов бросил ей плащ и уехал [4, Л. 23–24].

Также в районе имело место грубое извращение Советского законодательства в области мясопоставки. Вопросом организации мясосдачи, в порядке выполнения обязательств перед государством, не занимались. Выполнение плана мясопоставки, по указаниям председателя РИКа Волобуева проводилось путем массового изъятия коров у семей бывших полицейских, старост, сотских и даже чернорабочих, работавших у немцев, только по мотивам семейного родства, независимо от того, является ли тот полицейский членом данной семьи или нет, и независимо от того арестован ли он или призван в Красную Армию. Имеется масса случаев изъятия коров у семей, которых младший сын 1925 года рождения был сотским, а 3 старших сына находились в Красной Армии.

Для выполнения мясопоставки коровы также изымались у разных граждан по мотивам малосемейности. Только по одному селу Бунино изъято 9 коров. Изъятие коров проводилось не только для выполнения мясопоставки, а имеется ряд случаев передачи коров воинским частям без соответствующих нарядов.

Из сданных на 10 мая 1943 г. 1 134 ц мяса, только 83 ц заготовлено заготовительными организациями. Остальные 1 051 ц в порядке «самозаготовки» изъяты у разных граждан. Имеются также случаи изъятия коров у одних граждан и передачи другим. Так у гражданина Халина Феоктиста изъята корова в связи с тем, что его сын был полицейским, сын этот был призван в Красную Армию и вернулся домой раненый. Корову его передали в с. Коровино некому Шеховцову.

Одну из изъятых коров пред. РИКа Волобуев передал Промкомбинату якобы для переработки на колбасу для райпартактива. В действительности, ею на протяжении 20 дней пользовался заместитель управляющего Промкомбината после чего Райотдел НКВД изъял ее [4, Л. 24].

В Зуевском, Коровинском и других сельсоветах Солнцевского района имеется масса случаев производства обысков и изъятия хлеба в

семенной фонд. Во многих случаях это изъятие проводилось у семей красноармейцев и семей командиров Красной Армии. Так хлеб изымался у Леонтьевой, Поляковой и других. Причем, после того, что хлеб изъятый у Алексеева по предложению прокурора был ему возвращен, Волобуев и Венедиктов дважды предлагали вторично изъять у Алексеева хлеб и сдать в семенной фонд [4, Л. 24].

Иногда подобные грубые нарушения «революционной законности» со стороны руководящих районных работников были следствием личных обид. Так, старшим инспектором по гособеспечению семей военнослужащих при СНК СССР Волковым, во время нахождения его в командировкев Касторенском районе, выявил возмутительный факт. Начальником административно-хозяйственной части райвоенкомата Селютиным послана повестка Хонжалову Ивану Анатольевичу (Горяиновский сельсовет, колхоз «Имени Димитрова») о явке в Касторенский райвоенкомат, с запасом продуктов питания на 10 суток и другими принадлежностями. Повестка о вызове, вместо военкома, подписана самим начальником административно-хозяйственной части Салютиным. Вызываемому Хонжалову было 65 лет. В райвоенкомате продержали его целый день и только при вмешательстве исполкома райсовета, отпустили домой. По сообщению Волкова, эту издевательскую процедуру Селютин сделал потому, что Хонжалов, как животновод колхоза, настаивал на том, чтобы законтрактованная у Селютина телка была сведена на колхозный двор [1, Л. 137].

Также подобные случаи нарушения «революционной законности» не были редкостью и со стороны военных властей и рядового состава частей Красной Армии, расположенных на территории Курской области. В ходе анализа архивных источников нами было установлено, что наибольший ущерб от бесчинств, творимых различными группами военных и отдельными бойцами и командирами войсковых частей, был нанесен прифронтовым районам.

Так, исполнительный комитет Корочанского районного Совета депутатов трудящихся неоднократно обращался к начальнику гарнизона командиру 169 полка и к командованию отдельных воинских частей с просьбой прекращения бесчинств, однако никаких мер принято не было. Только за период с 19 по 28 марта 1943 г. имели место следующие случаи нарушения «революционной законности»: 19 марта 1943 г. в колхозах Соколовского сельсовета группой бойцов РККА было изъято 15 центнеров семенного зерна и 4 лошади.

21 марта в колхозе «Зеленый Гай» Городищенского сельсовета бойцами 810 артполка 465 с/п забрано из амбаров колхоза 52 центнера семенного зерна. 22 марта группой солдат воинской части, которой командовал Ясаков, в колхозе «Имени Ворошилова» Кащаевского сельсо-

вета в ночное время были сбиты замки с амбаров, после чего они забрали 100 центнеров семенного зерна.

Группой бойцов неизвестной воинской части в ночное время в колхозе «Новая жизнь» Ламовского сельсовета было похищено 17 центнеров семенного зерна. Этой же группой у колхозниц села Ломово Сериковой, Воробьевой и Ореховой были изъяты коровы. В колхозе «Красный партизан» Сетнянского сельсовета был изъят племенной бык. В селе Фощеватом лейтенантом Ерохиным Константином Сергеевичем было изъято у колхозников 2 телки и корова [3, Л. 62].

По состоянию на 28 марта 1943 г. всего по Корочанскому району без каких-либо разрешений военными было изъято 870 ц семенного зерна, 172 лошади, 7 коров, 17 телок, 18 овец, 5 быков, из них 3 племенных и 1 вол [3, Π . 62].

Похожую ситуацию можно было наблюдать и в Больше-Троицком районе: 21 марта 1943 г. в колхозе «Красный Октябрь» Стариковского сельсовета под угрозой оружия военными была изъята племенная тельная корова. А в колхозах «Имени Молотова» и «Памяти Кирова» Стрелицкого сельсовета проходившей воинской частью были забраны корова, 2 племенных быка, 3 телки, а 21 марта 5 военнослужащих вооруженные автоматами подъехали на 8 подводах к складу колхозов, разоружили двух сторожей, взломали замок и изъяли 30 ц семенного ячменя. В Сурковском сельсовете расположенная воинская часть 69 армии самоуправно разобрала бурт семенных маточников сахарной свеклы, которую скормили лошадям [3, Л. 83].

Причинами такого отношения к имуществу колхозов и колхозников могли быть в первую очередь, неудовлетворительное снабжение отдельных воинских частей, а, во-вторых, отсутствие должной дисциплины.

Таким образом, начальный этап восстановления сельского хозяйства Курской области проходил в тяжелейших условиях, когда восстановлению отрасли мешали не только объективные причины (разруха, прифронтовое положение, отсутствие должной материальнотехнической базы), но и действия отдельных руководящих работников и солдат и командиров отдельных войсковых частей, а именно: грабеж, изъятие продуктов питания, семенного материала и скота, порча имущества колхозов.

Источники и литература:

- 1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р 3322. Оп. 10. Д. 4.
 - 2. ГАКО. Ф. Р 3322. Оп. 10. Д. 5.
 - 3. ГАКО. Ф. Р 3322. Оп. 10. Д. 6.
 - 4. ГАКО. Ф. Р 3322. Оп. 10. Д. 16.

Е.Н. Бутенко

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ МЕДВЕНСКОГО РАЙОНА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

3 апреля 1942 г. вышло решение Курского облисполкома о сборе, хранении и использовании документов о зверствах фашистских властей в оккупированных районах области. Согласно этому документу в целях обеспечения сбора, учета, сохранности и организации использования в интересах Советского государства документальных материалов о зверствах, разрушениях, грабежах и насилиях германских властей во временно оккупированных ими районах Курской области, и в соответствии с положение о государственном архивном фонде Союза ССР, утвержденным постановлением СНК СССР 20 марта 1941 г. № 723, исполком Курского обловета депутатов трудящихся решил [1, Л. 11–11 об.]: «Обязать все советские, общественные организации, учреждения и предприятия на все без исключения факты произведенных немецкими фашистами зверств, грабежей и насилий над советскими гражданами, разрушения предприятий, колхозов, школ, больниц, жилищ и других ценностей, принадлежащих государственным, общественным и кооперативным организациям и отдельным гражданам, составлять акты, а при наличии возможностей производить документальные кино- и фотосъемки. Акты и фотодокументы заверяются специально выделенными для этой цели ответственными лицами [7, С. 146]. Обязать учреждения, организации, предприятия и отдельных граждан все документальные материалы (акты, кино- и фотосъемки, различного рода письма, дневники, записи, плакаты, печатные издания, приказы и распоряжения фашистского командования и т.п.), отражающие зверства, насилия, грабежи, разрушения памятников национальной культуры, учиненные фашистскими оккупантами на временно занятой территории Курской области или учиненные путем диверсий и бомбардировок, немедленно передавать по актам в подлинниках областному архивному отделу (пос. Олым Касторенского района) или начальникам РО НКВД. В акте передачи следует указывать: время, место (село, район), обстоятельства составления документа и кем он составлен [1, Л. 11–11 об.]. Обязать руководителей предприятий, организаций и учреждений, впредь до передачи органам НКВД документов о зверствах фашистов, организовать первичный учет их в специальных книгах или тетрадях, одновременно руководители несут полную ответственность за сохранность документов...» [7, С. 146].

9 марта 1943 г. секретарю Медвенского РК ВКП(б) Ф. Жидину поступило постановление председателя областной Чрезвычайной Ко-

миссии по учету ущерба, причиненного фашистскими захватчиками, секретаря Курского обкома ВКП(б) П.И. Доронина о предоставлении фактического материала о зверствах, которые чинили немецкофашистские захватчики в районе, согласно этому распоряжению требовалось предоставить сведения о количестве убитых, замученных, искалеченных, а также угнанных в немецкое рабство советских граждан; следовало предъявить в письменном виде фактические сведения о всякого рода материальном ущербе, нанесенном оккупантами государственным и общественным организациям и отдельным гражданам, предоставить фактические сведения о расхищении и уничтожении художественных и культурных ценностей, зданий и оборудования церквей. Документы, которые следовало отправить в Курскую областную Чрезвычайную Комиссию, должны были быть подтверждены копиями актов, показаниями свидетелей, заявлениями, фотодокументами, различными приказами и распоряжениями немецких властей [4, Л. 1].

Позднее секретарю Медвенского РК ВКП(б) и председателю исполкома райсовета депутатов трудящихся была направлена от председателя областной Чрезвычайной Комиссии по учету ущерба, причиненного фашистскими захватчиками, П.И. Доронина инструкция, которая требовала немедленного созыва совещания руководителей всех районных органов, учреждений и предприятий для проведения инструктажа по составлению актов ущерба, причиненных немецко-фашистскими захватчиками. Согласно инструкции, секретарю Медвенского РК ВКП(б) и председателю исполкома райсовета депутатов трудящихся следовало подобрать и утвердить на исполкоме райсовета состав комиссий по учету материального ущерба по каждому колхозу, для проведения работ в помощь комиссии нужно было выделить ответственных руководителей на каждый сельсовет из состава райпартактива, при этом комиссии следовало обратить особое внимание на составление полного и правильного учета материального ущерба. Согласно инструкции, секретарь Медвенского РК ВКП(б) и председатель исполкома райсовета депутатов трудящихся лично были ответственны за предоставление отчета в установленный срок и за полноту и правильность учета материального ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками [4, Л. 15].

За время оккупации Медвенского района с 9 ноября 1941 г. по 9 февраля 1943 г., согласно официальному отчету от 31 марта 1943 года, направленного в обком ВКП(б), было убито 153 человека, замучено – 25 человек, искалечено – 71 человек, 357 человек советских граждан было угнано в рабство [4, Л. 10]. Говоря о зверствах, чинимых немецкофашистскими захватчиками, важно отметить и тот факт, что «...для запугивания населения была поставлена виселица в райцентре, на которой был повешен как партизан Канунников Трофим Максимович, 38

лет. Немцы издевались над нашими людьми, свирепствовала нагайка, пощечина, расстрел...» [3, Л. 8]. Говоря о расправе оккупантов над теми, кто был заподозрен в партизанстве, следует привести в пример следующий факт. 4 ноября 1941 г., ворвавшись в слободу Медвенка, гитлеровцы арестовали 60 мужчин и 2 женщин. Обвинив в связи с партизанами, их расстреляли на глазах у всех жителей, трупы не разрешали хоронить трое суток. Захватив с. Паники Медвенского района, немецкие каратели расстреляли 50 женщин, обвиненных в пособничестве партизанам, а 17 мужчин затравили собаками [5, Л. 4].

Неопровержимыми доказательствами злодеяний немецкофашистских оккупантов выступают акты, составленные местными жителями того или иного сельского совета. Вот что писали жители Нижнереутчанского сельского совета: «Фашистско-немецкая армия заняла нашу территорию Нижнереутчанского сельского совета 11 ноября 1941 года и пробыла до 9 февраля 1943 года, в этот период они оставили ужасные следы своего зверства, а именно в этот период было зверское избиение крестьян: в колхозе «1-е Мая» комендант Медвенки избил 18 человек, в колхозе «Путь к социализму» около молочного пункта избил 12 человек, около мельницы — 5 человек, в колхозе «15 год Октября» 7 человек и в других колхозах происходили избиения» [4, Л. 3].

Звериную жестокость по отношению к мирному населению немцы проявили и в Панинском сельсовете: убили 27 человек, из них в колхозе «1-е Мая» убили 7 человек. Вот как описывают неимоверные зверства оккупантов над советскими людьми жители Панинского сельсовета: «...Соломонова Александра Тимофеевича 27 лет, избивали, вырывали тело, потом свели в лог и расстреляли» [3, Л. 8]. В колхозе «Красный Октябрь» за связь с партизанами убили 9 чел., в колхозе «Большевик» убито 11 чел. По Липовскому сельсовету было убито 10 человек, из них 3 женщины, по 1-му Любицкому сельсовету убито – 13 чел., по Гостомлянскому – 13 чел., Сталинскому сельскому Совету – 8 чел. [3, Л. 8]. Согласно предоставленному в областную Чрезвычайную Комиссию документу из Гаховского сельского совета, немецкие захватчики совершили зверства: убито 7 человек, ранено 15 человек, истерзано – 4 человека, 23 человека угнаны на каторжные работы [4, Л. 6].

Особо следует отметить, следующий факт: ущерб жителям Медвенского района причинили не только немецкие оккупанты, но и венгерские каратели. Согласно акту, составленному жителями с. Панино, «12 июня 1942 г. в село был прислан карательный отряд венгерской полевой жандармерии, численностью 20–30 человек под командованием офицера-капитана Кароль, унтер-офицера Гурба. Каратели ходили по домам и забирали всех мужчин, в этот день был праздник, многие были в церкви, каратели стали всех выводить из церкви, мужчин вывели и расстреляли, трупы ночью зарыли в землю, расстреляны были: Музалев

Сидор, Ивлецкий Василий, Гречухин Сергей, Шашохина Евдокия, Абросимов Михаил, Саламонов Александр, Ковалев Илларион, Комарицкий Николай, Коряев Василий и др. В этот же день каратели привязали гражданина Белоусова Афанасия Петровича к телеге, на которой ехали два жандарма, ехали быстро, а Белоусов бежал за телегой, жандармы в это время били его палкой, выбили глаз, перебили переносицу, когда Белоусов выбился из сил и упал, его волокли за телегой через всю деревню» [3, Л. 23–23 об.].

Были установлены имена всех тех, кто непосредственно руководил и организовывал злодеяния, направленные на истребление советских граждан. Согласно отчету Комиссии, это были немецкие коменданты Рюшер, Хелфих и Бруно. Непосредственными исполнителями были их ставленники: начальник полиции И.И. Ильющенко, старшина района Буткевич, старшина района А.И. Ильющенко, полицейские — Стороженко, Бубликов, Апрыжкин, Еременко, Куценко, Конева и др. [3, Л. 45].

Захватчики причинили ущерб сфере здравоохранения и образованию. Так, согласно официальному отчету, из 72 районных школ: 1 средней школы, 5 неполных средних школ и 66 начальных — не работают три школы — две начальных школы в Тарасовском сельсовете и одна начальная школа в Гостомлянском сельсовете. Из докладной записки следует, что условия работы школ неудовлетворительны: вовсе уничтожено оккупантами 11 крупных школьных зданий, 4 здания неполных средних школ и 7 начальных школ, уничтожено 20 физических и химических кабинетов, из сохранившихся 56 школьных зданий требуют капитального ремонта — 38, текущего ремонта — 18, сильно пострадали школьная мебель и оборудование [4, Л. 8].

Немцы сожгли районную среднюю школу, рассчитанную на 440 мест, отдельные школы и клуб райцентра превращали в конюшни для своих лошадей. Уничтожено и сожжено школьное оборудование: столы, стулья, шкафы, парты ученические. Уничтожены библиотечные книги — 15 400 шт. Только в Медвенской средней школе, со слов директора, из 2 600 экземпляров книг школьной библиотеки немецкие захватчики оставили нетронутыми 148 книг, все 20 портретов вождей были уничтожены [4, Л. 2]. В Сталинском сельсовете за то, что на территории данного сельсовета была разбита партизанами грузовая машина, немцы сожгли следующие здания: неполную среднюю школу, клуб, сельсовет, почтовое отделение [3, Л. 8].

Было полностью уничтожено 2 больничных здания и 1 здание колхозного роддома. Из 31 клуба, которые принадлежали колхозам, немцы оставили 18, до войны в районе было 17 детских яслей и 1 детский сад, после 15 месячной оккупации осталось 7 детских яслей, детский сад был полностью уничтожен [4, Л.10–11].

Немецко-фашистский режим нанес ощутимый урон общественному хозяйству колхозов. Уничтожено 101 жилой дом, принадлежащий колхозам, 52 скотных двора, 162 конюшни, 77 свинарников, 53 овчарни, 120 зернохранилищ, 53 птичника, 65 амбаров, 2 385 плугов, 3 099 борон, 240 культиваторов, 210 сеялок, 560 веялок, 373 жатки, 122 молотилки. Ущерб по общественному хозяйству колхозов составил 262 573 тыс. рублей [2, Л. 20]. Следует отметить, что за время оккупации только Гаховского сельского совета немцы вывезли: 1 960 ц хлеба, 167 ц овощей, 11 ц грубого фуража, 10 ц конопли, 8 ц пеньки, 95 кг шерсти, а всего по району оккупанты отобрали 5 294 ц зернопродуктов, 2 824 ц картофеля [4, Л. 6; 2, Л. 20].

Ущерб, причиненный гражданам Медвенского района в денежном выражении составил 48 057 980 руб. [3, Л. 8 об.]. Судя по письменным свидетельствам очевидцев, оккупанты «...накладывали денежные налоги на население, облагали лошадей, коров, усадьбы и трудоспособное население обоего пола в возрасте от 14 до 65 лет, накладывали налог на собак...» [4, Л. 4].

Проанализировав материалы о зверствах фашистов и причиненном ими ущербе во время оккупации Медвенского района, приходишь к выводу о бесчеловечности политики оккупантов: «...ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна... ни один дом не должен остаться целым...», — это требование идеологов фашизма и оккупационных властей, о котором свидетельствуют документы, приведенные на Нюрнбергском процессе, реализовалось и в Медвенском районе.

Нельзя не отметить, что преступления немецко-фашистских пособников, совершенные в Медвенском районе были отмщены. В с. 1-е Любицкое 9 января 1942 г. партизанами уничтожен агроном С.П. Курячий, выдавший немцам комсомолку-секретаря сельсовета П.И. Ефремову, которую по указанию оккупантов расстреляли. 10 января 1942 г. в с. Китаевка уничтожены два полицейских Плохих Федор Егорович и Воронцов Михаил Васильевич, выдававшие немцам семьи партизан, 17 января 1942 г. в с. 2-е Любицкое расстрелян партизанами сын полицейского, Плохих Николай Федорович, за то, что вел антисоветскую работу и выдавал себя за партизан, в провокационных целях грабил население [6, Л. 9]. В 1953 году был вынесен и исполнен приговор в отношении начальника Медвенской полиции И.И. Илющенко [8, С. 23].

И.И. Ильющенко, будучи рядовым полицейским, участвовал в аресте жителей с. Нижний Реутец Г. Ларикова, В. Еремина, Д. Бычихина, С. Казлитина, Н. Звягинцева, вскоре они были расстреляны, а через три месяца за усердную службу И.И. Ильющенко был назначен начальником Медвенской районной полиции [9, С. 36]. Полицейский отдел, которым руководил И.И. Ильющенко снискал себе зловещую славу

кровавого карателя [10, С. 58]. Начальник районной полиции лично участвовал в допросах и избиении пленных [11, С. 57]. Под его руководством и с его личным участием в Медвенском районе проводились многочисленные карательные операции против партизан, арестовывались и уничтожались советские патриоты. Так проводя карательную операцию против партизан в с. Любицком, И.И. Ильющенко ранил Т.В. Фильчакова [сотрудника РО НКВД, командира партизанского отряда — прим. автора.]. Над партизаном долго издевались, а затем его по приказанию начальника Медвенской районной полиции передали фашистам. Т.В. Фильчаков был повешен гитлеровцами в Медвенке [29, с. 37].

В заключение хотелось бы отметить, что Чрезвычайная Государственная Комиссия рассмотрела около 4 млн актов об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками, который составлял 679 млрд рублей, Комиссия Медвенского района, также как и другие Чрезвычайные Комиссии внесла весомый вклад в предоставлении документов, обличающих преступления, совершенные немецко-фашистскими захватчиками.

Источники и литература

- 1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р 3322. Оп. 9. Д. 100.
 - 2. ГАКО. Ф. Р 3605. Оп. 1. Д. 3.
 - 3. ГАКО. Ф. Р 3605. Оп. 1. Д. 270.
- 4. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. Π 2. Оп. 1. Д. 316.
- 5. Архив УФСБ Курской области (далее: А УФСБ КО). Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 47.
 - 6. А УФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 137.
- 7. Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле. Ч. 2. Сб. док-тов. Курск, 2004.
- 8. Никифоров С.А., Манжосов А.Н., Крамаренко А.Д. «И верно служили врагу…» // Курский край. Научно-исторический журнал. 1999. № 5(8).
- 9. Кравченко М.И. «Розыск не прекращать…» // Курский край. Научно-исторический журнал. 1999. № 5(8).
- 10. Звягин В.А. Наш Медвенский край // Очерки об истории Медвенского района / ред. А. В. Боровлев. Курск , 2008.
- 11. Труфанов С.В. о привлечении к ответственности военных преступников-коллаборационистов 1941 года судебными органами курской области // Историческая память о событиях 1941 года: Курский военно-исторический сборник. Вып. 6. Сб. науч. стат.: в 2 ч. Ч. 2.
 - 12. Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975.

В.В. Коровин

РУСИН В ОТРЯДЕ КУРСКИХ ПАРТИЗАН (СТРАНИЦЫ БОЕВОЙ БИОГРАФИИ А.И. КРИВУЛЯКА)

В год 70-летия окончания Второй мировой войны особую актуальность приобретает тезис об интернациональном характере борьбы против фашизма. Противостояли нацистским захватчикам все столкнувшиеся с их агрессией народы: в составе действующей армии на фронте, а также в рядах партизан и подпольщиков на оккупированных территориях, с оружием в руках и используя невооруженные формы сопротивления.

Сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории Курской области имело ряд особенностей. Оно велось в прифронтовой полосе, где размещались крупные войсковые группировки врага, имелась разветвленная сеть контрразведывательных и карательных органов. Мобильность партизанских формирований ограничивали естественно-географические условия среднерусской лесостепи. В значительной мере названные факторы осложняли развертывание антифашистского сопротивления.

В то же время указанные обстоятельства способствовали вовлечению в партизанское движение не только патриотов из числа местного населения, но и военнослужащих, оказавшихся в окружении войск противника на территории Курской области. Отсюда многонациональный состав партизанских отрядов: наряду с русскими и украинцами, в них сражались выходцы из Средней Азии и Закавказья. В целом, несмотря на наличие серьезных препятствий объективного и субъективного характера, партизаны и подпольщики являлись вторым фронтом Красной Армии, который постоянно вел борьбу в экстремальных условиях вражеской оккупации.

Одним из активно действующих добровольческих военизированных формирований на территории временно оккупированных районов северо-запада Курской области стал Дмитриевский партизанский отряд. Распоряжением 10 августа 1942 начальник ЦШПД П.К. Пономаренко потребовал от начальника БШПД А.П. Матвеева установить связь с партизанскими отрядами, действующими в северозападных районах Курской области и поставить перед ними конкретные задачи по организации крушений поездов и взрыву железнодорожных мостов на участках Навля – Льгов и Карачев – Орел [7, Л. 52]. Создав 18 августа 1942 г. штаб объединенных партизанских отрядов Курской области, БШПД взял на себя руководство их деятельностью. Прибывший в расположение отрядов в ночь с 13 на 14 сентября 1942 г. Брянского представитель штаба партизанского движения И.Г. Хорошавин докладывал начальнику БШПД, что для выполнения плана диверсионной работы по выводу из строя железной дороги есть все условия [9, Л. 186].

15 сентября 1942 г. в соединение поступил приказ № 0012 начальника БШПД. Перед партизанскими отрядами Курской области была поставлена задача взять под контроль железную дорогу Брянск – Льгов — Курск, которую противник использовал для перемещения войск и техники. Для выполнения поставленной задачи требовалось организовать диверсионные группы, которые и должны парализовать работу железных дорог путем крушения поездов и взрыва мостов через реки Свапа, Псел, Усожа, Полевая Снова [3, Л. 37].

17–18 сентября на участки железных дорог Орел – Курск, Брянск – Льгов – Готня, Воронеж – Курск – Льгов вышли 74 диверсионные группы, вооруженные полученными накануне с «Большой земли» взрывчатыми веществами и боеприпасами. Подрывниками была избрана тактика диверсий мелкими группами, из зон дислокации отрядов им приходилось продвигаться на 100–150 км. Результатом их деятельности стало крушение 24 воинских эшелонов врага в сентябре и 30 эшелонов в октябре 1942 г. В итоге было уничтожено 54 паровоза, 1 100 вагонов, из них 306 с живой силой, 586 с боеприпасами, 62 с военной техникой врага [5, Л. 40, 62].

Как следует из подготовленной сотрудниками 4-го отдела Управления НКВД по Курской области сводки агентурных данных: «Железная дорога Льгов — Брянск на всем протяжении усиленно охраняется. На каждом километре установлены посты численностью до 18 человек, имеющих на вооружении станковые и ручные пулеметы. Охрану этого участка несут, в основном, чехи, имеющие административные взыскания (штрафные). Характерно, что чешские солдаты, охраняющие линию Льгов — Брянск, допускают партизан свободно минировать дорогу, но после ухода партизан, извлекают мины, дабы не нести ответственности перед немецким командованием за последствия. В стычки с партизанами чехи обычно не вступают...» [1, Л. 9].

Дмитриевским партизанам стало известно, что в немецком батальоне, охраняющем участок железной дороги Брянск — Харьков, много чехов и словаков, насильно мобилизованных в немецкую армию и под угрозой расстрела направленных на Восточный фронт. Связной Дмитриевского партизанского отряда А.И. Дрючиной удалось привлечь внимание вражеского унтер-офицера. Им оказался Андрей Иванович Кривуляк. По национальности русин, родился в 1909 г. в закарпатском городе Севлюше [11, Л. 163–166].

Обстоятельства вербовки унтер-офицера вражеской армии отражены в воспоминаниях бывшего заместителя командира по разведке Первой Курской партизанской бригады А.Т. Москаленко: «Каждый

удобный случай использовался нами для переброски через линию дороги товарищей, отправлявшихся для выполнения боевых заданий. От подпольщиков, проживающих в селе Бычки и поселке Первоавгустовский Дмитриевского района, стало известно, что в дом гражданки Дрючиной Александры Ивановны часто ходит военнослужащий из немецкого охранного батальона. Из разговоров с этой женщиной удалось выяснить, что, судя по настрою, ее новый знакомый службой в немецкой армии не доволен» [6, Л. 35].

А.И. Дрючина получила задание детальнее изучить взгляды, настроения и отношение к службе этого немецкого унтер-офицера, одновременно, подготовив его к встрече с партизанами. Связная продумала содержание предстоящего разговора. Решила начать с вопроса о родине собеседника. Как педагог, она понимала, что воспоминания об этом способствуют духовному сближению. Кривуляк рассказал, как процветала его родина до войны, и как благодаря предателям она попала в рабство к немцам. Говорил он по-русски плохо, но его мысли были понятны собеседнице. Во время общения она впервые обратилась к гостю по имени-отчеству, вместо привычного «господин унтерофицер». С большой осторожностью А.И. Дрючина перевела тему разговора на негативное отношение к войне и желание бороться за свободу. Собеседник, восприняв эти слова как провокацию, потребовал замолчать и выхватил пистолет из кобуры. На вопрос о том, кто ее подослал, женщина откровенно поведала о партизанах, которые готовы с ним встретиться. Кривуляк признался, что ищет связи с партизанами, которых неоднократно видел на охраняемом участке, но опасался первым пойти на контакт из-за боязни расправы над женой и малолетними дочерьми, оставшимися на родине.

20 сентября 1942 г. на квартире А.И. Дрючиной состоялась встреча А.И. Кривуляка с представителем командования Дмитриевского партизанского отряда В.Н. Ермаковым. В ходе беседы выяснилось, что еще в 1929 г. девятнадцатилетним рабочим он вступил в Коммунистическую партию, затем его призвали в армию. После увольнения в запас Андрей Кривуляк трудился на строительстве бетонированной дороги, а в 1937 г. в поисках лучшей жизни уехал в Бельгию, где устроился работать на шахту. По заданию партии Кривуляк занимался набором добровольцев для поездки в борющуюся Испанию. Тайная полиция узнала о «неблаговидной деятельности» иностранного рабочего и выслала его из страны. По возвращении на родину, его заключили в тюрьму. Затем он был призван в венгерскую армию и направлен в Будапешт. Здесь Кривуляка насильно мобилизовали в немецкую армию и отправили на Восточный фронт. Так в начале августа 1942 г. он оказался в охранных войсках на станции Дерюгино. Немецкий унтер-офицер сообщил, что готов покинуть пост и уйти к партизанам, но опасается их недоверия и возможной расправы над ним как врагом. Была достигнута договоренность, что он останется служить у немцев, и одновременно будет помогать патриотам всеми доступными способами.

Через несколько дней после состоявшейся встречи А.И. Кривуляк передал в отряд письмо с обращением «Дорогая товаришка!». В нем сообщалось о том, с какой радостью воспринял «чешский друг» предоставленную ему возможность участвовать в посильной борьбе с фашизмом. Письмо содержало нарисованную Кривуляком схему охраняемого им участка железной дороги с указанием мест безопасного передвижения партизан. Для обеспечения успешного выполнения диверсий немецкий унтер-офицер инсценировал боевые столкновения с партизанами. Перестрелка, как правило, устраивалась вдали от намеченных заранее мест закладки партизанских мин. Причем подобные операции отвлекали значительное число служащих охранных подразделений, чаще всего, с других участков железнодорожной линии. По воспоминаниям А.Т. Москаленко, «иногда такая затея длилась несколько часов подряд, в нее втягивались все силы батальона. При этом бесцельно расходовалось значительное число боеприпасов, на уничтожение которых перед страхом партизан ни один солдат не скупился».

Чешский патриот передавал партизанам гранаты, патроны, взрывчатку. С его слов командование отряда знало расписание движения поездов и график смены караулов. Используя представленный А.И. Кривуляком план участка железной дороги, сведения о расположении огневых средств, штаб Первой Курской бригады осуществил дерзкую операцию: 13 октября 1942 г. было подорвано железнодорожное полотно на протяжении шести километров, а также взорваны два железнодорожных моста. В результате на данном участке в период с 14 по 25 октября было полностью парализовано движение поездов, после чего противнику удалось восстановить лишь один путь. Дорога стала пропускать поезда только днем [10, Л. 15]. После этой диверсии А.И. Кривуляку оставаться в охране становилось опасно. Перед уходом он решил дезинформировать гитлеровцев, подложив в карман убитого начальника караула записку: «Унтер-офицер Кривуляк геройски погиб, защищаясь от партизан».

Став бойцом Дмитриевского партизанского отряда, А.И. Кривуляк стал принимать непосредственное участие в осуществлении диверсий. Вскоре в дневнике командира отряда И.И. Свирина появились записи: «17 октября. Группа во главе с товарищами Ермаковым, Шершневым и Кривуляком направлена на диверсию. 24 октября. Этой группой пущен под откос недалеко от станции Дерюгино немецкий эшелон. Разбиты три вагона, убиты пятнадцать гитлеровцев. 25 октября. На мине, установленной Неугомоновым, Ермаковым и Кривуляком, возле станции Дерюгино подорвалась дрезина. Убито восемь фа-

шистов. 3 ноября. На мине, поставленной в котловане, недалеко от станции Дмитриев, подорвался немецкий эшелон. Разбит вагон, около двадцати немцев убито, несколько ранено» [16, Л. 93–94].

Вылазки партизан осенью 1942 г. носили частый и дерзкий характер. Противник был встревожен почти ежедневными диверсиями на железной дороге, имевшей стратегическое значение в критический момент Сталинградской битвы. Успех большинства диверсионных актов, совершенных в этот период дмитриевскими партизанами, напрямую был связан с участием в их проведении А.И. Кривуляка. Андрей Иванович умело манипулировал действиями бывших сослуживцев, вводя их в заблуждение командами, отдаваемыми на немецком, венгерском и чешском языках.

После того, как партизанские отряды развернули широкомасштабную диверсионную деятельность на основных коммуникациях врага, немецкое командование в октябре – ноябре 1942 г. приняло меры к организации против них крупных наступательных операций. А.И. Кривуляк вовремя информировал партизан о готовящихся против них карательных экспедициях. Так, с 20 октября по 2 ноября 1942 г. противник, сосредоточив свои гарнизоны в г. Дмитровск, сл. Михайловка и с. Тросна, вел воздушную и наземную разведку расположения партизан в лесах «Жерновец» и «Сухая Хотынь». Наступление карательной экспедиции началось 3 ноября в районе урочища «Жерновец».

Бойцы объединенных отрядов в течение дня отражали вражеские атаки, а ночью передислоцировались в лес «Сухая Хотынь». 6 ноября противник возобновил активные боевые действия, но прорвать круговую оборону партизанских отрядов и войти в урочище ему не удалось. Объединенные отряды, совершив ночной 25-километровый марш, сосредоточились в лесу «Воскресная Дача». Не достигнув поставленной цели, каратели сожгли населенные пункты Новая жизнь, Ново-Колодезь, Никольский, Лобаново, Ново-Михайловский, расстреляв при этом десятки мирных жителей.

17 ноября 1942 г. против объединенных партизанских отрядов была направлена карательная экспедиция общей численностью 3 500 человек, состоящая из полицейских Комаричского, Дмитриевского, Дмитровского, Михайловского, Севского и Локотского гарнизонов и мадьярского пехотного батальона. В ночь на 18 ноября все отряды совершили очередной маневр, перебазировавшись с территории Дмитриевского на территорию Михайловского района, заняли исходную, по положению на сентябрь месяц, зону дислокации.

Последствия предпринятых против партизан осенью 1942 г. карательных экспедиций были противоречивы. С одной стороны, объединенные партизанские отряды сохранили свою боеспособность, нанеся

при этом урон живой силе и технике противника, выразившийся в 320 убитых солдатах и полицейских, а также уничтоженных 8 автомашинах и 6 единицах бронетехники. С другой стороны, проводя активную борьбу с партизанскими отрядами, только в октябре-ноябре 1942 г. каратели истребили 870 мирных жителей и уничтожили 32 населенных пункта северо-западных районов области [4, Л. 2–7], перекладывая, таким образом, ответственность за действия партизан на гражданское население, а ответственность за страдания и смерть местных жителей – соответственно на партизанские формирования.

Начало 1943 года было ознаменовано проведением крупной операции по разгрому гарнизона и выводу из строя железнодорожного хозяйства станции Дерюгино. В соответствии с планом операции, разработанным с использованием сведений, полученных от А.И. Кривуляка, перед Дмитриевским партизанским отрядом ставилась задача захватить станцию и уничтожить все объекты. Батальон Дмитровского отряда выполнял задачу заслона от совхоза «1 Мая» до села Дерюгино; Кавалерийский отряд занял оборону в двух километрах восточнее станции Дерюгино, отряд им. Железняка — на перекрестке железнодорожной линии и дороги с. Бычки — ст. Дерюгино.

После двухчасового перехода по глубокому снежному покрову из базового лагеря к боевым позициям в 0 час. 05 мин. 2 января 1943 г. начался штурм станции. Уничтожение постов охраны сопровождалось подрывом стрелочных переводов, семафоров, водонапорной башни, запасных путей. Через 30 минут после начала атаки территория станции была полностью занята партизанами. Впоследствии боевые действия продолжились на подступах к станции, в засаду начали попадать подразделения противника, выдвинувшиеся из соседних населенных пунктов на помощь гарнизону ст. Дерюгино. В результате операции было истреблено около 100 немецких солдат и офицеров, подобрано большое количество трофеев, движение вражеских эшелонов к фронту остановилось на трое суток [8, Л. 71].

В феврале 1943 г. в штаб Центрального фронта поступила партизанская радиограмма: «10 февраля сего года в районе станции Дерюгино захвачен экипаж самолета «Юнкерс-88», совершивший вынужденную посадку. Захваченный нами экипаж входит в 1-й дальнеразведывательный отряд 100-й восточной группы. Группа из трех отрядов подчинена генералу авиации Риттер фон Грейму. Штаб находится в Смоленске. Экипаж вел разведку по маршруту на Пензу. В захвате принимал участие чех Кривуляк Андрей Иванович...»

Эта телеграмма заинтересовала командование фронта. На допросе пленные летчики сообщили важные сведения о немецких военных аэродромах в Смоленске, Шаталовке, Орле, Бобруйске, Гомеле и Вязьме. От них была получена характеристика нового тогда истребителя

«Фокке-Вульф-190», чекисты узнали и о других разработках в области авиастроения люфтваффе, а также школах и системе подготовки летчиков-наблюдателей в ряде городов Германии, военных объектах, заслуживающих внимания советской разведки.

Группой захвата в этой операции командовал А.Т. Москаленко. Впоследствии он так описывал детали ее проведения: «День уже был на исходе, мы осторожно приблизились к самолету, но он оказался пуст, а пулеметы демонтированы. Следы вели к лесу — замысел гитлеровцев ясен: выйти к железнодорожному полотну и присоединиться к своим. Мы начали преследование. Ночной лес партизану не страшен, а врагу помеха. Как и предполагали, гитлеровские летчики в одной из заброшенных землянок дожидались рассвета. Услышав наше приближение, они открыли беспорядочный огонь. Критическую ситуацию разрядил Кривуляк. Он подполз к землянке и на чистом немецком языке обратился к летчикам. Увидев человека в немецкой форме, те решили: пришла помощь. Этим замешательством и воспользовались партизаны...» [15, Л. 120].

Впоследствии А.И. Кривуляк принял участие в рейдах и боевых операциях по освобождению населенных пунктов Курской области. После освобождения от немецко-фашистских захватчиков города Дмитриева А.И. Кривуляк был назначен начальником отдела мобилизационной работы райисполкома. В фонде облисполкома государственного архива Курской области сохранились письма областного управления НКВД Дмитриевскому райисполкому «о недопустимости и нецелесообразности оставления на должности заместителя председателя райисполкома Кривуляка Андрея Ивановича, чеха, служившего до октября 1942 г. в Германской армии, с октября 1942 г. добровольно перешедшего в Дмитриевский партизанский отряд». В связи с тем, что А.И. Кривуляк не являлся гражданином СССР и вообще не имел гражданства, УНКВД поставило вопрос об освобождении его от должности, что и было сделано в июле 1944 года [2, Л. 145—149].

Вскоре А.И. Кривуляк был избран председателем одного из колхозов Дмитриевского района. Затем он вынужден был покинуть территорию Курской области и пределы СССР, вступил в Корпус генерала Людвига Свободы, участвовал в освобождении Чехословакии. Когда Закарпатская Украина была включена в состав УССР, А.И. Кривуляк вернулся на родину. В послевоенные годы Кривуляк, будучи инспектором по заготовкам продовольствия, не раз сталкивался с бандеровцами [13, С. 115–116].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1946 г. бывший разведчик Дмитриевского партизанского отряда А.И. Кривуляк был награжден медалью «За Отвагу» [12]. Андрей Иванович Кривуляк умер 28 августа 1956 года. О его мужестве и гражданской позиции рас-

сказывают экспозиции нескольких курских музеев. В 1966 г. писатель Н.С. Краснов посвятил повесть «Рус Марья» истории взаимоотношений А.И. Кривуляка и А.И. Дрючиной, сын которых, родившийся в 1943 г., до сих пор проживает в городе Дмитриеве Курской области [14]. К сожалению, курянам практически ничего не известно о послевоенной жизни отважного партизана-антифашиста.

Источники и литература:

- 1. Архив Управления ФСБ РФ по Курской области. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 29.
 - 2. Государственный архив Курской области. Ф. Р 3322. Оп. 10. Д. 46.
- 3. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее: ГАОПИКО). Ф. П 2. Оп. 1. Д. 18.
 - 4. ГАОПИКО. Ф. П 2. Оп. 1. Д. 47.
 - 5. ГАОПИКО. Ф. П 2. Оп. 1. Д. 77.
 - 6. ГАОПИКО. Ф. П 2. Оп. 1. Д. 441.
- 7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 197.
- 8. Центр новейшей истории Брянской области (далее: ЦНИБО). Φ . $\Pi-1650$. Оп. 1. Д. 13.
 - 9. ЦНИБО. Ф. П 1650. Оп. 1. Д. 49.
 - 10. ЦНИБО. Ф. П 1650. Оп. 1. Д. 51.
- 11. Народные мстители: Воспоминания курских и белгородских партизан и подпольщиков. Воронеж: Центр.-Черноз. кн. изд-во, 1966. 264 с.
 - 12. Курская правда. 1946. 24 июля.
- 13. Баранчиков В.В. Бесстрашный партизан // Книга Памяти. Т. 13. Курск: Φ ГУИПП «Курск», 2002. С. 115–116.
- 14. Краснов Н.С. Рус Марья. Воронеж: Центр.-Черноз. кн. изд-во, 1966. 136 с.
- 15. Москаленко А.Т. Без права на ошибку // Противостояние. Рассказы о курских чекистах: Сборник очерков. Воронеж: Центр.-Черноз. кн. изд-во, 1991. С. 111–124.
- 16. Свирин И.И. Воспоминания. Рукопись // НВФ Дмитриевского районного краеведческого музея.

Е.А. Масуфранова

«ТАК ЖЕ РАБОТАТЬ, КАК ТРУДИТСЯ ЛУЧШИЙ» (ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРЕДОВЫХ МЕТОДОВ ТРУДА В РАБОТЕ КОЛЛЕКТИВА ПАРОВОЗНОГО ДЕПО КУРСК В 1945 ГОДУ)

Я пожелаю тебе и себе Так же работать, Как трудится лучший. В. Азаров.

Весна – лето 1945 года, т. е. период, ознаменованный общественным подъемом, связанным с победоносным окончанием Великой Отечественной войны, характерен увеличением числа участников отраслевого соревнования. Оно играло ведущую роль в увеличении объема работы железнодорожного транспорта, в повышении производительности труда, увеличении рентабельности перевозок и снижении экономических затрат, направленных перевозку воинских и народнохозяйственных грузов.

17 мая 1945 г. газета «Курский железнодорожник» в передовой статье «В честь 10-летнего юбилея Сталинского Дня железнодорожника» писала: «Товарищи железнодорожники Курского узла и отделений! Дружно подхватывайте призыв коллектива станции Курск и включайтесь в социалистическое соревнование... Множьте ряды стахановцев, коробковцев, филипповцев! Завоевывайте первенство в соревновании!».

В этой же газете было опубликовано и обращение коллектива железнодорожников станции Курск «Мы готовы на новые трудовые подвиги!» Коллектив станции Курск, в ходе предмайского социалистического соревнования завоевавший Красное Знамя Управления и дорпрофсожа Московско-Курской дороги, призвал рабочих и служащих Курского узла активнее включаться в развернувшееся отраслевое соревнование.

По поручению коллективов единых смен станции Курск это обращение подписали: Герой Социалистического Труда, начальник станции П.А. Шубин, секретарь партийного бюро П.Г. Березников, председатель местного (профсоюзного) комитета А.А. Козина, секретарь комсомольской организации М.Д. Курихина, заместители начальника станции А.П. Белоусов, П.Т. Бибик, М.Н. Власов, дежурный по станции Н.М. Арепьев, начальник товарного двора И.Т. Тимофеев, машинистинструктор маневрового парка паровозного депо Курск В.А. Власов, машинист маневрового паровоза И.И. Золотухин (всего 29 человек). О

массовости форм социалистического соревнования, развернувшегося в первом полугодии 1945 года на Курском железнодорожном узле, свидетельствуют цифры, приводимые в отчете заведующего отделом промышленности и транспорта Курского горкома ВКП(б) А.М. Вострова, X городской отчетно-выборной партийной конференции (сентябрь 1946 г.). Так, на всех предприятиях Курского железнодорожного узла работало 6 346 человек (из них 429 членов ВКП(б)).

Среди участников социалистического соревнования в различных производственных коллективах в тот период было 2 756 (43,4 %) стахановцев, 1 816 (28,6 %) ударников и 46 лунинцев [12, С. 4–6]. Было заключено 14 общеузловых (т. е. между предприятиями), 56 сменных, 94 бригадных, 68 цеховых и 4126 индивидуальных договоров по соревнованию за достойную встречу Всесоюзного Дня железнодорожника (август 1945 г.) и 28-й годовщины Октябрьской революции (ноябрь 1945 г.) [2, Л. 57].

Активное участие в совершенствовании форм соревнования принимали паровозные бригады и ремонтные цеха паровозного депо Курск Московско-Курской железной дороги. Стал более широко применяться перевод прикрепленных бригад на хозяйственный расчет. Это приносило большую экономию всему предприятию. Так, паровозным бригадам старшего машиниста М.А. Арепьева удалось добиться экономии в 31,13 тыс. рублей, старшего машиниста Ф.И. Бережнева — в 14,27 тыс. рублей, а А.С. Храмова — в 17,78 тыс. рублей [2, Л. 58].

В этот период на железных дорогах страны распространение получала инициатива машиниста паровоза Э^у 628-77 паровозного депо Тула-I М.К. железной дороги Д.А. Коробкова по экономии топлива и успешному вождению паровозов на «тощих» подмосковных углях. Работая на низкосортном угле, со своей бригадой Д.А. Коробков достиг скорости, которая на 6,5 км/час превышала среднюю скорость большинства машинистов депо Тула [13, С. 295].

Если в январе 1945 г. в депо Курск только 6 машинистов были последователями метода Д.А. Коробкова, то в феврале 1945 – уже 11 локомотивных бригад водили поезда по-коробковски. Но уже в мае 1945 г. число курян, ставших последователями тульского машиниста, увеличилось более чем втрое [7, 8].

В числе лидеров этого соревнования, дававшего значительную экономию потребляемого угля, были передовые машинисты И.К. Рябуха,П.Г. Дугинов, М.Н. Коровин, Н.Д. Михайлов, Г.В. Насонов и другие. Так, за первую декаду мая 1945 г. бригады паровоза Э^у 699-90, возглавляемые машинистами Ф.Д. Довгером и М.Н. Коровиным, провели 9 тяжеловесных поездов, дополнительно перевозя 1050 тонн грузов из экономии 19,7 тонн угля. Так, в День Победы – 9 мая 1945 г. машинист М.Н. Коровин вместе с помощником И.Н. Селиховым и ко-

чегаром И.Д. Маханьковым провели тяжеловесный поезд, вес которого превысил 600 тонн, с технической скоростью на 12 км/час выше нормы [7, 8].

Последние дни мая 1945 г. были ознаменованы новым этапом в развитии соревнования курских железнодорожников. 31 мая 1945 г. «Курский железнодорожник» опубликовал заметку старшего машиниста паровоза Э^у 699-90 Ф.Д. Довгера о том, что «мы решили со своими бригадами в честь 10-летнего юбилея Сталинского Дня железнодорожника вступить в соревнование с бригадой тульского машиниста Д.А. Коробкова». Паровозные бригады машинистов Ф.Д. Довгера и М.Н. Коровина брали обязательство: довести среднесуточный пробег паровоза до 300 км, перевыполнять средне-техническую скорость на 4 км от заданной нормы, экономить ежемесячно до 30 тонн топлива, и провести не менее 6 тяжеловесных поездов за месяц. В заключение содержались такие строчки: «Вызываем вас, т. Коробков и ваши спаренные бригады на соревнование по этим показателям. Встретим праздник железнодорожников новыми производственными успехами!» 10 июня 1945 г. газета «Курский железнодорожник» сообщила читателям о том, что в Курске была получена телеграмма, адресованная редакции газеты, а также старшему машинисту Ф.Д. Довгеру.

Тульские бригады под руководством старшего машиниста Д.А. Коробкова принимали условия курских локомотивщиков и вступали в социалистическое соревнование. Отметим, что тульские паровозники взяли на себя повышенные обязательства: довести среднесуточный пробег локомотива до 330 км, повысить норму технической скорости на 4 км/час, водить ежемесячно по 7 тяжеловесных поездов.

Газета «Курский железнодорожник» выступала арбитром в этом соревновании. Так, в номере за 10 июня 1945 г. она отмечала, что 1 июня 1945 г. машинист Ф.Д. Довгер провел тяжеловесный поезд № 946, нагнал в пути 1 час 16 минут и перевез сверх нормы 201 тонну груза. 8 июля 1945 г. газета сообщала о том, что бригады Д.А. Коробкова и Ф.Д. Довгера, добившись уравнивания технической и участковой скоростей, значительно перевыполнили нормативы по обеспечению скорости движения и весу водимых поездов.

Газета «Курский железнодорожник» помещал материалы о достигнутых производственных успехах и других курских последователей Д.А. Коробкова. Так, 2 августа 1945 г., встречая День железнодорожника, машинист В.А. Михайлов депо Курск на паровозе Э^у 701-64 провел поезд № 951 с нагоном времени в пути до 80 минут и превышением участковой и технической скоростей на 200,0 % и 122,0 % соответственно [9]. Машинист М.Н. Коровин водил поезда с превышением участковой скорости на 210,0 %, а технической — на 125,0 %, и при значительной экономии сжигаемого угля [8].

Придавая важное значение информационному обеспечению развернувшегося соревнования, изучению материалов, опубликованных в газете «Гудок» за 11 и 13 июля 1945 г., начальник паровозного депо Курск А.Д. Шведов приказом от 30 июля 1945 г. обязал провести с 27 по 29 июля 1945 г. «широкие беседы по материалам газеты «Гудок» ежедневно с 8 до 9 часов утра, за счет чего в депо удлинить рабочий день до 18 часов вечера» [3, Л. 17]. Было сформировано три группы слушателей из числа рабочих и служащих паровозной мастерской. Здесь объединялись рабочие инструментального, котельного, механического, электро – и столярного цехов (руководитель группы – И.А. Сотников), автоматного, 1-3 – й комплексных бригад промывочного цехов, центральной котельной, группы жестянщиков и рабочих коменданта депо (руководитель группы – Я.С. Судаков). В состав группы, которую возглавил инженер техбюро К.И. Чередниченко, входили работники заготовительного, хозяйственного, электросварочного цехов, служащие техбюро, табельщики и нормировщики депо. Приказ начальника паровозного депо Курск обязывал всех мастеров, бригадиров цехов, отмеченных в приказе, «под личную ответственность обеспечивать явку рабочих на занятия к 8 часов утра...» [3, Л. 18].

В канун Дня железнодорожника руководство, партийное бюро и местный комитет паровозного депо Курск подвели итоги соревнования. Фотографии 15 лучших локомотивщиков были помещены на деповскую Доску почета: (ст. машиниста И.Я. Солянина, машиниста инструктора В.В. Табачкова, машинистов Ф.Д. Довгера, А.М. Бородавченко, Ф.И. Николаенко, К.И. Воробьева, Г.А. Болдырева, помощника машиниста В.Я. Солянина, кочегара паровоза К.М. Гончарова и других). 15 человек также занесены были на Доску почета цеха паровозных бригад. В их числе были машинисты Г.С. Гуторов, М.С. Козьменкова, Н.А. Алипов, М.Н. Коровин, И.П. Солянин, машинист-инструктор Ф.Я. Солянин, помощник машиниста И.И. Агенков, кочегар паровоза И.Д. Маханьков, дежурный по депо А.Д. Михайлов и другие [3, Л. 19–19 об.].

5 августа 1945 г. в газете «Курская правда», отмечалось: «Трудовая доблесть железнодорожников в немалой степени проявилась в восстановлении разрушенного врагом железнодорожного хозяйства... Сейчас вступив в полосу мирного развития, страна ждет от железнодорожников новых трудовых подвигов. Все восстановительные работы, которые идут в стране, зависят от слаженной работы всех звеньев транспорта...». «Курская правда» особо отмечала, что покоробковски работают курские машинисты И.П. Зикеев, И.К. Рябуха, льговчане А.П. Зуев и Ф.А. Нифонтов.

Железнодорожники, подводя итоги соревнования, по-особому чествовали знатных людей. В числе работников Московско-Курской же-

лезной дороги 31 июля 1945 г., награжденных Указом Президиума Верховного Совета СССР орденами и медалями Советского Союза, было 11 курян [4, 9].

За успешное выполнение заданий правительства и военного командования по перевозкам оборонных и народно-хозяйственных грузов были награждены: орденом «Знак Почета» — машинист-инструктор паровозного депо Курск В.В. Табачков, медалью «За боевые заслуги» — машинист И.К. Рябуха, медалью «За трудовое отличие» — кузнец паровозного депо А.А. Кореневский. 5 августа 1945 г. приказом Народного комиссара путей сообщения СССР № 833 9 работников Курского железнодорожного узла удостоились значков «Почетному железнодорожнику» [1, Л. 192–204].

В числе награжденных были дежурный по паровозному депо Курск И.Я. Солянин и слесарь Н.И. Гладилин (ранее, 21 июля 1944 г. приказом НКПС № 685 слесарь депо Курск Н.И. Гладилин был удостоен первого значка «Почетному железнодорожнику»). Ведь кузнец А.А. Кореневский, слесари К.К. Бутов и Н.И. Гладилин стали застрельщиками соревнования в ремонтных цехах рабочих паровозного депо [5].

5 августа 1945 г., выступая на торжественном собрании Курских железнодорожников, заместитель секретаря обкома ВКП(б) по транспорту, почетный железнодорожник С.И. Черников указал, что за первое полугодие 1945 г. локомотивные бригады паровозного депо Курск провели 287 тяжеловесных поездов, дополнительно перевезли 53 025 тонн грузов, доставили 500 тяжеловесных поездов. Регулярно тяжеловесные поезда водили машинисты И.П. Зикеев (паровоз Э^у 703-34), Ф.Д. Довгер (Э^у 699-90), И.К. Рябуха (Э^у 701-55), А.М. Бородавченко (С^у 203-39). Только за июнь 1945 г. машинисты Ф.Д. Довгер и М.Н. Коровин провели 6 тяжеловесных поездов, дополнительно перевезли 10 тысяч тонн грузов, сэкономили 13 тонн топлива [9, 10]. Например, комсомольский паровоз Э^у 701-55 машиниста И.К. Рябухи получил переходящее Красное знамя обкома партии [6].

Как подчеркивала «Курская правда», С.И. Черников, обращаясь к собравшимся, справедливо заметил, что они должны достойно нести эстафету «передового отряда великой семьи железнодорожников Советского Союза».

Эти слова в полной мере относились к трудовым свершениям коллектива паровозного депо Курск. Он стал истинным застрельщиком социалистического соревнования на Курском железнодорожном узле летом 1945 года первого мирного года, наступившего после великой Победы Советского Союза над фашистской Германией.

Источники и литература:

- 1. Российский государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 113. Д. 305.
- 2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. Π 2878. Оп. 1. Д. 870.
- 3. Объединенный архив Московской железной дороги (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1- л. Д. 14.
 - 4. Курская правда. 1945. 4 авг.
 - 5. Курская правда. 1945. 5 авг.
 - 6. Курская правда. 1945. 7 авг.
 - 7. Курский железнодорожник. 1945. 17 мая.
 - 8. Курский железнодорожник. 1945. 20 мая.
 - 9. Курский железнодорожник. 1945. 24 мая.
 - 10. Курский железнодорожник. 1945. 5 авг.
 - 11. Курский железнодорожник. 1945. 10 авг.
- 12. Багаев С.И. Шире развернем массовое социалистическое соревнование железнодорожников // Железнодорожный транспорт. 1942. № 4–5.
- 13. Куманев Г.А. На службе фронта и тыла // Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 1976.

А.Д. Немцев

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ ТАНКОВЫХ СОЕДИНЕНИЙ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ (ИЮНЬ – ИЮЛЬ 1942 г.)

28 июня 1942 г. после 40-минутной артиллерийской подготовки гитлеровские войска из группы «Вейхс» перешли в наступление на стыке 13-й и 40-й армий Брянского фронта. Главный удар наносила 4-я танковая армия генерал-полковника Г. Гота вдоль от железной дороги Курск-Воронеж. Южнее войска 2-й венгерской армии под командованием генерал-полковника И. Яны готовились к удару на Старый Оскол. Севернее в полосе 13-й армии наступали 45, 95, 299 пехотные дивизии из LV армейского корпуса.

В связи с наступлением группы «Вейхс» советские войска начали Воронежско-Ворошиловградскую стратегическую оборонительную операцию, длившуюся 27 суток. В рамках этой операции были проведены Касторенская (28.06—10.07.1942 г.), Валуйско-Россошанская (30.06—12.07. 1942 г.) оборонительные операции. Она проводилась силами левого крыла Брянского фронта (13-я и 40-я армии) и правого крыла Юго-Западного фронта (21-я, 28-я и 38-я армии). С 9 июля 1942

г. в указанных операциях принимали участие и войска Воронежского фронта (6-я, 40-я, 60-я и 2-я воздушные армии) [13, С. 272–273].

28 июня 1942 года после артиллерийской подготовки и удара авиацией немецко-фашистские войска перешли в наступление и в полосе 13-й армии. На участке обороны 15-й стрелковой дивизии, занимавшей оборону на стыке Должанского и Черемисиновского районов Орловской и Курской областей, противник форсировал реку Тим и начал наступать в восточном направлении.

Командование 13-й армии силами 129-й танковой бригады полковника Ф.Г. Аникушкина решило нанести контрудар и восстановить положение. Но к началу контратаки 129-й танковой бригады противник смог захватить хутор Красный (Лески). При этом появилась угроза обхода частей 143-й стрелковой дивизии. В районе Красный танковой бригаде удалось остановить немецкое наступление, обеспечив защиту флангов 143-й стрелковой дивизии, которая дралась за Старотимский плацдарм [1, Л. 13].

До 60 танков противника, сосредоточившись на юго-восточной окраине села Панское перешли в наступление на Бородаевку и Кшень. От села Сенчуковка в наступлении участвовало еще 100 танков противника. Их поддерживали до 100 самолетов, которые ожесточенно бомбили села Кшень, Гвоздевку. Части 6-й стрелковой дивизии вступили в бой. С началом вражеского наступления полки отошли на западную окраину села Панское. Сломив сопротивление боевого охранения, у села Пожидаево гитлеровские танки переправились через реку Кшень и вышли в тыл первого эшелона обороны дивизии $[4, \Pi. 25–26; 5, \Pi. 89 \text{ об.} – 90]$.

В оперативных документах штаба 40-й армии о боях 14-й танковой бригады в течение 28 июня 1942 г. значится: «14-я тбр в составе двух танковых батальонов и мспб во взаимодействии с частями 121-й сд, получила задачу контрударом в направлении Переволочное - Сенчуковка отбросить прорвавшиеся танки противника в исходное положение. Во исполнение этого приказа 14-я тбр выступила в направлении Переволочное, но в связи с изменившейся обстановкой в полосе обороны 121-й сд бригада получила новую задачу и во второй половине дня 2-й тб занял оборону на ст. Мармыжи, где принял бой с танками противника. В результате боя 2-й тб уничтожил 13 танков противника, имея свои потери – 2 танка. 1-й тб и мспб во второй половине дня 28.6. заняли оборону западнее и северо-западнее Средний Расховец. К исходу дня 28.6. 2-й тб, прикрывая отход частей 121-й сд, занял переправы на р. Кшень, где и находился в обороне до второй половины дня 29.6. .. В результате боя под Расховец уничтожено 7 танков противника, 3 автомашины и 5 мотоциклов» [5, Л. 88; 6, Л. 48].

Для ликвидации прорвавшихся дивизий 4-й танковой армии генерал-полковника Г. Гота согласно директив Ставки ВГК в распоряжение командования фронта передавались 4-й и 24-й танковые корпуса из состава Юго-Западного фронта (336 танков) и 17-й танковый корпус из резерва Ставки ВГК (168 танков) [10, С. 265–266].

4-й танковый корпус, которым командовал Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск В.А. Мишулин, перебрасывался в район Старого Оскола по маршруту Короча — Скородное. 24-й танковый корпус, генерал-майора танковых войск В.М. Баданова, двигался к Старому Осколу тем же маршрутом, что и 4-й танковый корпус. 17-й танковый корпус, предназначенный для обеспечения обороны войск Брянского фронта, на станции Воронеж грузился срочным порядком в эшелоны, 31-я мотострелковая бригада корпуса своим ходом направлялась от Воронежа к Касторной. Прибытие трех танковых корпусов предполагалось к утру 29 июня 1942 г. [10, С. 266].

К участку прорыва направлялись и другие резервы Брянского фронта: 336 танков 1-го и 16-го танковых корпусов (командиры – генерал-майоры танковых войск М.Е. Катуков и М.И. Павелкин). В составе 6 танковых бригад (14-я и 170-я 40-й армии, 80-я и 201-я 13-й армии, 115-я и 116-я из резерва фронта) и двух танковых батальонов 8-й мотострелковой дивизии НКВД насчитывалось 412 боевых машин. В составе танковых резервов, прибывающих на Брянский фронт, насчитывалось почти 1 300 боевых машин, из них 366 танков Т-34 и 178 КВ. Но преобладали легкие танки — из них 440 Т-60 с малокалиберной пушкой и слабой броней, и остальные 360 «представляли сбор разных типов, включая снятые с вооружения Т-26 и БТ-7» [14, С. 9–10].

Утром 29 июня 1942 г. в полосе действий 13-й армии противник силой до двух пехотных и одной танковой дивизии вышел в район сел Алексеевка, Никольское, Вышне-Кобылье (на правом берегу реки Кшень) [1, Л. 15]. Командующий фронтом генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, выслушав доклад генерала Н.П. Пухова, отметил, что «обстановку перед фронтом вашей армии не считаю плохой. Вы сохранили управление войсками...» [3, Л. 160].

Войска 40-й армии правым крылом и центром продолжали вести бои с противником. Вражеские войска, прорвав фронт в полосе 121-й и 160-й дивизий, стремились выйти в направлении Касторного.

14-я танковая бригада оборонялась на восточном берегу реки Кшень, продолжая прикрывать отход стрелковых частей на рубеж Кшень – Нижняя Грайворонка [5, Л. 89об.].

170-я танковая бригада, поддерживавшая части 212-й дивизии, вела ожесточенный бой со 120 вражескими танками. Во взаимодействии с 4-м гвардейским артполком было отбито 7 гитлеровских атак. В

бою противник потерял 91 танк и до 1 000 человек мотопехоты убитыми и ранеными [4, Л. 27; 5, Л. 90; 7, Л. 44].

29 июня 1942 г. 31-я моторизованная бригада 17-го танкового корпуса вышла в район сосредоточения к станции Горшечное и с хода вступила в бой с передовыми частями гитлеровцев. На этом участке других частей 40-й армии не было. Подошедшая 66-я танковая бригада полковника Д.А. Роганина отбила танковую атаку в районе села Кулев-ка [2, Л. 54].

Оценивая события дня 29 июня 1942 г., генерал армии М.И. Казаков вспоминал: «Вечером 29 июня стало ясно, что дальнейшее продвижение противника в направлении на Касторное поведет к серьезному осложнению обстановки. Нарастала реальная угроза обхода войск левого крыла 40-й армии... Генерал Парсегов и его штаб полностью утратили управление войсками....» [15, С. 106]. Командный пункт 40-й армии подвергся удару авиации противника и был перенесен в Нижнедевицк. Командующий армией генерал-лейтенант М.А. Парсегов и начальник штаба армии генерал-майор 3.3. Рогозный потеряли управление армией. Была нарушена связь штаба 40-й армии со штабом Брянского фронта.

30 июня 1942 г. 40-я армия продолжала вести ожесточенные бои с немецко-фашистскими войсками, наступавшими в направлении Касторное, Горшечное и Старый Оскол. Войска левого крыла армии (45-я и 62-я стрелковые дивизии) занимали оборону на территории Тимского, Солнцевского и Пристенского районов Курской области.

14-я танковая бригада оборонялась на реке Кшень. За два дня боев танкисты бригады уничтожили 37 немецких танка. Командный пункт бригады в селе Платовец подвергся массированному налету вражеской авиации. Погибли командир бригады полковник С.И. Семенников, заместитель начальника штаба капитан Яковлев, был тяжело ранен начальник политотдела ст. батальонный комиссар Галкин. В командование 14-й танковой бригадой вступил подполковник Стызик [4, Л. 29; 5, Л. 90 об.; 8, Л. 131]. Вечером 30 июня 1942 г. Тим был оставлен частями Красной армии [5, Л. 90 об. – 91].

Для обеспечения стабильности обороны в полосе 13-й армии намечалось нанести удар силами 143-й стрелковой дивизии, 109-й стрелковой бригады, 129-й танковой бригады и частей 1-го и 16-го танковых корпусов. Части 1-го танкового корпуса и 109-й стрелковой бригады начали сосредотачиваться в исходных районах [1, Л. 15].

За два дня наступления (28 и 29 июня) 4-й танковой армии Г. Гота удалось прорвать оборону войск Брянского фронта на стыке 13-й и 40-й армий на 40-километровом фронте и продвинуться в глубину до 35–40 км. Этот прорыв усложнил обстановку на левом крыле фронта, но еще не представлял особой угрозы. Однако сосредоточение 4-го и

24-го корпусов в районе севернее Старого Оскола проходило очень медленно. У 17-го танкового корпуса, перевозившегося по железной дороге, отстали тылы и части остались без горючего.

16-й танковый корпус вел бой с пехотой противника на рубеже реки Кшень, а к западу от него вели бой с пехотой части 1-го танкового корпуса. Считая, что на своевременный ввод корпусов нельзя рассчитывать, командующий фронтом попросил разрешения на отвод войск левого крыла 40-й армии на вторую оборонительную полосу Быстрец – Екатериновка – Архангельское [10, С. 269]. Однако танковым корпусам было приказано сосредоточиться в Горшечном и нанести удар по острию танкового клина противника.

Штаб Брянского фронта со вниманием отнесся к указаниям по переносу усилий танковых корпусов с фланга танковой группировки противника на острие клина в район Горшечное — Старый Оскол. Сюда устремились XXIV танковая дивизия Б. фон Хауеншильда и основные силы VII армейского корпуса. Но осуществление контрмер осложнялось рассредоточенностью советских танковых корпусов и необеспеченностью их горючим. На фронтовом вспомогательном пункте управления, развернутом на станции Касторная — Восточная, с 27 июня находился командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генерал-лейтенант Я.Н. Федоренко.

В целях разгрома частей XXXXVIII танкового корпуса генерала Р. Фейеля, прорвавшихся в направлении Горшечное, была создана специальная оперативная группа под руководством генерал-лейтенанта танковых войск Я.Н.Федоренко. В группу вошли 4-й, 24-й и 17-й танковые корпуса. Задачей группы было нанести контрудары 24-м и 4-м танковыми корпусами из района Старого Оскола на север, а 17-м танковым корпусом из района Касторное в южном направлении.

Но ввод танковых корпусов в бой проводился в лучших традициях лета 1941 года: корпуса вступали в сражение разновременно и по частям, без взаимодействия с артиллерией и авиацией, без разведки и связи, при этом использовались они не столько для решения активных задач по уничтожению противника, сколько для затыкания брешей в обороне общевойсковых армий.

Например, 16-й танковый корпус генерал-майора М.И. Павелкина завязал упорные бои с целью ликвидации плацдарма противника на левом берегу реки Кшень в районе Волово. На другой день, 30 июня из района южнее Ливны перешел в наступление 1-й танковый корпус генерал-майора М.Е. Катукова. В междуречье Кшени и Олыма развернулись ожесточенные бои. Корпусу М.Е. Катукова, оттеснившему передовые фашистские части, удалось продвинуться на юг всего на 5 км, затем он был остановлен немецкой артиллерией и ударами авиации и занял оборону на стыке 13-й и 40-й армий [16, С.153].

Танковые бригады 16-го корпуса генерала М.И. Павелкина противник обошел с юга и отрезал от тыловых коммуникаций. За три дня боев 16-й танковый корпус потерял более 100 (15,0 %) боевых машин (при этом немецкие потери составили лишь 18 танков). Попытка атаковать немецкие войска, переправившись через реку Кшень, к успеху не привели, а 109-я танковая бригада даже оказалась окруженной противником.

Наступление противника на Касторенско-Воронежском направлении начатое 28 июня 1942 г. развивалось успешно. На направлении главного удара дивизии 13-й и 40-й армий Брянского фронта не смогли отразить натиск танковых и моторизованных соединения противника, и были вынуждены отступать.

Принятые Ставкой Верховного Главнокомандования и командованием Брянского фронта меры по усилению обороны были, прежде всего, направлены на орловское направление. 40-я армия не могла остановить продвижение вражеских войск. Обстановка изменялась настолько быстро, что не только Ставка, но и командующие 13-й и 40-й армиями и Брянским фронтом не всегда располагали достоверной информацией о состоянии войск. Массированного удара тремя танковыми корпусами (4, 17, 24) в районе Горшечное — Старый Оскол не получилось. 16-й и 1-й танковые корпуса вели затяжные бои с пехотой на рубежах реки Кшень севернее Касторной. Корпуса не успевали в срок прибывать в указанные районы, поэтому командующий войсками фронта вынужден был вводить их в сражение не одновременно, что снижало результат их боевого использования [12, С. 163–164].

Во второй половине дня 30 июня 1942 г. на левом фланге 40-й армии развернулись танковые бои между дивизиями XXXXVIII танкового корпуса противника и танковыми корпусами из оперативной группы генерала Я.Н. Федоренко. 4-й танковый корпус генерала В.А. Мишулина, перейдя из района Старого Оскола в наступление, к исходу 30 июня достиг Горшечного, разгромив передовые части противника. 17-й танковый корпус генерала Н.В. Фекленко также нанес удар силами одной бригады в направлении на Горшечное.

К сожалению, контрудар 4-го и 17-го танковых корпусов пришелся не по флангам и тылу XXXXVIII танкового корпуса противника, а по его разведывательным и передовым частям. Это поставило советские танковые корпуса в районе Горшечного в тяжелое положение. Они сами оказались под угрозой окружения. 1 июля 4-й танковый корпус одной бригадой вел бой в районе Березово (северо-западнее Горшечного), а двумя бригадами – под Герасимово (на трассе Горшечное – Старый Оскол, в 18 километрах севернее Старого Оскола). Мотострелковая бригада корпуса обороняла рубеж Рындино – Максимовка, выдвинув

заслон к станции Роговое. Против 4-го корпуса действовало до 300–350 вражеских танков [10, С. 273, 277].

1 июля 1942 г. противник, обходя главными силами Горшечное с севера и юга, вышел к исходу дня в район Орехово, Ясенки, Богородицкое. Под Горшечным оказались в окружении 102-я танковая бригада 4-го танкового корпуса и главные силы 17-го танкового корпуса. В течение двух дней окруженные части вели бои с превосходящими силами противника в условиях полного господства его авиации. Но в Ставке ВГК сложилось впечатление, что командир 17-го корпуса генерал Н.В. Фекленко «подло себя ведет, все время лукавит», не оказывая достаточной помощи корпусу В.А. Мишулина.

Но, как указывают архивные документы, бойцы 17-го танкового корпуса, против которого действовало 200–250 танков, в районе Горшечного проявили настоящий героизм. Слабый в артиллерийском отношении 17-й танковый корпус был вынужден атаковать элитную моторизованную дивизию «Великая Германия», САУ которой свободно могли расстреливать советские танки из длинных 75-мм пушек. Появление новой техники отмечалось командирами советских танковых соединений. В частности, командир 17-го танкового корпуса генерал И.П.Корчагин об итогах июльских боев писал: «...Противник наиболее эффективно применил подвижную противотанковую оборону, использовав для этой цели самоходные бронированные машины, вооруженные 75-мм орудиями, стреляющими болванкой с зажигательной смесью. Эта болванка пробивает броню всех марок наших машин. Подвижные орудия противник применяет не только в обороне, но и при наступлении, сопровождая ими пехоту и танки» [10, С. 586].

67-я танковая бригада при подходе к Горшечному была атакована 97 танками противника. Совместно с 31-й мотострелковой бригадой атака была отбита. 66-я танковая бригада вела бой в районе села Кулевка. 174-я танковая бригада обороняла западные и юго-западные окраины Горшечного [2, Л. 2, 54].

1 июля. В районе совхоза «Красный Луч» был получен приказ командира 17-го танкового корпуса: овладеть Березовка, в дальнейшем наступать в направлении Быково, Жерновец, Вторая Никола... В 6.00 разведкой, а затем уже и главными силами бригады обнаружено движение колонны противника, насчитывающей до пятидесяти танков с артиллерией и мотопехотой, в направлении сосредоточения соседней 66-й танковой бригады. Танкисты 66-й танковой бригады огнем с места ударили по этой колонне.

2 июля. Начавшийся 1 июля бой не затих, он перешел в ночной бой. Противник превосходящими силами теснил бригаду. Им уже заняты Кулевка и Ясенки. Он вышел в тыл бригады, перерезав тем самым ей пути отхода и эвакуации. Связь со штабом корпуса отсутствовала. К

утру бригада осталась без запасов горючего и снарядов. В окружение попали еще три бригады: две танковые (67-я и 12-я) и одна мотострелковая.

174-я танковая бригада, имея в своем составе 11 танков и три противотанковых орудия, до 15.00 вела неравный бой с противником, нащупала разрывы в боевом построении противника и остатками сил вырвалась из окружения, присоединившись к главным силам корпуса в районе Богородицкое» [9, Л. 1–6].

24-й танковый корпус, вступивший в бой с противником в районе Старого Оскола, также отходил к Дону. Непрерывные марши его частей отрицательно отразились на состоянии материальной части и боеспособности корпуса. Из строя вышло много танков, не поспевали тылы и вторые эшелоны. В начале июля 24-й танковый корпус вышел к Дону из окружения в районе Урыва, имея 84 танка (15 КВ, 30 Т-34, 22 Т-60 и 17 МЗл) [18, С. 66].

Как показали бои в районе Горшечного — Старого Оскола, командующий фронтом генерал Ф.И. Голиков и его штаб не сумели организовать массированного танкового удара по флангам ударной группировки Вейхса [11, C. 220].

Первые боевые успехи немецких войск в полосе Юго-Западного фронта поставили в крайне тяжелое положение войска 40-й армии. Угроза окружения левого крыла армии становилась все более реальной. Боевые действия танковых корпусов велись обособленно, имели место случаи, когда танковые группы не знали обстановки на фронте армии и выполняемых ею задач [7, Л. 47–48].

Несмотря на частичный успех под Касторной, обстановка в полосе 40-й армии продолжала осложняться. 2 июля 1942 г. крупные силы пехоты и танков противника, заняв Горшечное, перехватили пути отхода войск левого крыла 40-й армии.

В первые же дни начавшегося немецкого наступления советское командование попыталось нанести контрудары значительными силами танков. Было создано значительное превосходство в силах за счет подготовленных к наступлению танковых корпусов но, тем не менее, остановить немецкие подвижные соединения не удалось. Советские танковые корпуса вводились в бой несогласованно и не одновременно. Командование не имело устойчивой связи с корпусами, поступавшие отрывочные сведения были противоречивы, о противнике информации обычно не было. Вместо того чтобы создать мощную ударную группировку и одним ударом уничтожить прорвавший оборону XXXXVIII немецкий моторизованный корпус, все танковые части были введены в бой по мере прибытия. В результате этого превосходства в силах создать не удавалось. В ходе боев имели место столкновения новых немецких танков с советскими Т-34, показавшими превосходство пер-

вых. Однако немецкие танкисты старались не вступать в танковые дуэли, предоставляя расправляться с советскими танками своей противотанковой артиллерии и авиации.

Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский прямо указывал на безграмотность, продемонстрированную советским командованием при проведении Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции: «Повторилась ошибка начального периода войны, когда издавались не соответствующие обстановке директивы, что было только на руку врагу. Поспешно выдвигаемые ему навстречу войска, не успев сосредоточиться, с ходу неорганизованно вступали в бой...» [17, С. 182—183].

В результате нескоординированных действий различных родов войск Брянского и Юго-Западного фронтов, ошибок высшего военного командования, советские войска понесли значительные потери в людях, боевой технике и, отступив далеко на левобережье Дона, оставили врагу значительную часть территории Курской и Воронежской областей.

Источники и литература:

- 1. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее: ЦАМО РФ). Ф. 202. Оп. 5. Д. 322.
 - 2. ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2847. Д. 24.
 - 3. ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 6079. Д. 105.
 - 4. ЦАМО РФ. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 34.
 - 5. ЦАМО РФ. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 47.
 - 6. ЦАМО РФ. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 98.
 - 7. ЦАМО РФ. Ф. 395. Оп. 9136. Д. 100.
 - 8. ЦАМО РФ. Ф. 395. Оп. 9153. Д. 13.
 - 9. ЦАМО РФ. Ф. 3089. Оп. 1. Д. 4.
- 10. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: док-ты и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). М., 1996.
 - 11. Василевский А.М. Дело всей жизни. Изд. 2-е, доп. М., 1976.
- 12. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история. М., 1965.
 - 13. Военная энциклопедия: В 8-и т. Т. 2. М., 1994.
- 14. Голиков Ф.И. В боях за Воронеж // Воронежское сражение. Воронеж, 1968.
 - 15. Казаков М.И. Над картой былых сражений. М., 1971.
 - 16. Катуков М.Е. На острие главного удара. М., 1976.
 - 17. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1997.
 - 18. Сталинград: Забытое сражение. М.; СПб, 2005.

Г.Д. Пилишвили

РОЛЬ ШТАБА ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ ПРОВЕДЕНИЯ КУРСКОЙ БИТВЫ

Весь 1942 г. практически две трети Курской области были оккупированы (часть районов – 16 месяцев, некоторые – 8 месяцев) противником. После стабилизации советско-германского фронта в конце марта 1943 г. область по-прежнему оставалась прифронтовой. Оборонительная линия войск Центрального и Воронежского фронтов проходила весной по ее северной, западной и южной окраинам (к концу зимы из 66 районов 16 – оставались частично или полностью оккупированными) [1, Л. 4]. Расформирование истребительных батальонов в период с осени 1941 по 1942 гг. явилось мерой временного характера, и было вызвано в первую очередь оккупацией области. По намеченным планам восстановление батальонов было намечено на середину января 1943 г. (костяк Штаба истребительных батальонов был сохранен, из 9 человек было оставлено 4, а именно – один зам. начальника и три инструктора, оставшийся же личный состав Штаба по поручению из центра был направлен на службу в особые отделы) [2, Л. 42].

Процесс восстановления начался преимущественно с марта 1943 года штаб батальонов начал руководствоваться директивой заместителя Наркома внутренних дел СССР И.А. Серова № 1612 от 16 декабря 1941 г. В этом документе речь шла о том, что в районах подвергшихся освобождению от захватчиков истребительные батальоны следовало восстанавливать, в первую очередь, за счет партизанских отрядов, ранее функционировавших на данной территории, или возвратившегося из эвакуации населения, а также частично за счет местных жителей, которые не покидали свои районы в оккупационный период и, безусловно, положительно проявивших себя в отношении Советской власти. С учетом задач, поставленных еще в начале войны приказом НКВД № 00804, вновь воссозданным батальонам вменялось в обязанность участие в организации охраны и поддержания порядка в населенных пунктах, а также оказывать помощь районным отделам НКВД по очистке территорий от предателей и антисоветского элемента [8, С. 187].

С января — февраля 1943 г. Управлением НКВД в освобождаемые районы от противника Курской области начали командироваться оперативные группы, в которые были включены работники сохраненного Штаба, для оказания помощи в подготовительной работе по формированию батальонов. 19 марта 1943 г. начальником Управления НКВД по Курской области был издан приказ № 0010 о начале их воссоздания в районах области и двух — в г. Курске (в Дзержинском и Ленинском

районах, с привлечением рабочих Сталинского и Кировского районов). В каждом районе стали проводиться показательные занятия с бойцами и их интенсивная подготовка. В этот же день для организации борьбы с парашютистами противника, его авиадесантами и выполнения других боевых задач был издан ещё один приказ Управления НКВД: организовать истребительных батальонов при всех районных отделах НКВД. Численный состав батальонов должен был зависеть от местных условий и варьироваться от 100 до 200 человек [5, Л. 11].

Для контроля за исполнением этих решений в течение всего 1943 г. сотрудниками Штабам было совершено 127 выездов на места для проверок работы и оказания помощи командному составу по приведению батальонов в боевую готовность. Помимо подбора и подготовки кадров, его работники уделяли внимание широкому кругу вопросов, в частности, формированию групп содействия, укреплению дисциплины, организация боевой и политической подготовки бойцов и пр. По мере ознакомления с оперативной обстановкой на месте, ими оказывалась существенная помощь и непосредственно командирам батальонов в налаживании основной боевой деятельности.

О том, как начинался процесс создания батальонов, наглядно свидетельствуют недавно обнаруженные архивные документы. Из распоряжения, полученного 21 марта секретарём Глушковского района Курской области РК ВКП(б) Дуровым: «...Отобрать из числа старших возрастов военнообязанных для организации истребительного батальона при райцентре в количестве 50 чел. и перевести их на казарменное положение. Руководство этой группой возложить на начальника РО НКВД тов. Глущенко. Создать при каждом с/с группы истребительного батальона для несения караульной службы в селах по 10–11 чел., для чего привлечь военнообязанных старших возрастов. Руководство истребительными группами поручить тов. Глущенко» [6, Л. 3].

Для усиления этой работы на состоявшимся в первых числах апреля 1943 г. Х пленуме Курского обком ВКП(б) было принято постановление обязать все партийные и советские организации помимо хозяйственных мер, являвшихся первоочередными, уделять пристальное внимание процессу создания в районах и селах истребительных батальонов и отрядов для охраны порядка и борьбы с возможными воздушными авиадесантами противника. Также было предложено местным органам власти совместно с представителями НКВД, прокуратуры и военкоматов расширить борьбу с дезертирами, шпионами в тыловых районах Центрального и Воронежского фронтов, а также наведении в освобождаемых их войсками населенных пунктах порядка и обеспечения безопасности подразделений тыла расположенных в них [7, Л. 3 об.].

В самом Курске, который в это время стал главной базой снабжения Центрального фронта и самым крупным узлом коммуникаций для всех войск, оборонявших Курскую дугу, создавались два истребительных батальона по 150 человек в каждом. Первый — был организован при отделении милиции № 1 из бойцов, которые проживали на территории обслуживания первого и третьего отделений милиции. Второй — при втором отделении милиции из бойцов, находившихся на территории второго и четвертого отделений.

Как правило, батальоны комплектовались из партийно-советского актива, который проживал рядом с районным центром (примерно в радиусе 7–8 км) за счет мужчин, не призывавшихся в армию (лица 1893–1925 годов рождения, а так же имевших отсрочку, «бронь» или непригодных к службе), но без физических недостатков, а также старше 50 лет. Кроме того, в состав батальонов можно было зачислять небольшой процент женщин, которые были способны или уже имели навыки обращения с оружием. На должность командира батальона рекомендовалось назначать только сотрудника НКВД, который имел определенную военную подготовку. Его кандидатура в обязательном порядке согласовывалась с районным комитетом ВКП(б), затем его личное дело передавалось в УНКВД по Курской области для окончательного утверждения [5, Л. 12].

Обучение рядового состава восстановленных истребительных батальонов на местах шло комплексно, по новым учебным программам, которые были крайне насыщенны, содержательны и опирались на приобретенный боевой опыт. В ходе обучения бойцам давались и необходимые теоретические знания, и прививались на учениях практические навыки [3, Л. 8]. Учить предполагалось и командиров батальонов. Для их подготовки тоже была разработана новая программа, рассчитанная на 6 месяцев. Занятия проводились и контролировались сотрудниками Штаба истребительных батальонов Управления НКВД Курской области [4, Л. 71].

Тем не менее, благодаря большой и системной работе всех органной власти Курской области к началу мая 1943 г. удалось создать и укомплектовать 34 батальона общей численностью 2 303 бойца. Через месяц уже функционировало 53 батальона (из 66 районов), насчитывавших в своих рядах 3 590 человек, а в начале июля их число выросло до 3 968.

С начала лета 1943 г. органы власти и командование батальонов развернули широкую и активную работу, как по их укреплению, так и по выполнению служебно-боевых задач. Существенный объем этой работы пришелся на долю Штаба. В условиях нехватки в районах компетентных военных кадров, важную роль сыграли командировки на места работников этой структуры. Для того чтобы упорядочить учет и от-

четность по состоянию боевой деятельности всем штабам истребительных батальонов (начиная с 23 марта 1943 г.) было предложено предоставлять ежемесячные сведения по движению и наличию личного состава батальона по утвержденной форме (форма № 1) и сведения по оперативной, служебной и боевой деятельности (форма № 2). Каждый квартал предоставлялись сведения в штаб истребительных батальонов УНКВД Курской области и по наличию движения оружия, транспорта и снаряжения (форма № 3). В итоге данные форм № 1 и 2 предоставлялись до 25 числа каждого месяца, а форма № 3 только 25 июня, 25 сентября, 25 декабря. К данным форм № 1, 2, 3 требовалось предоставлять пояснительные записки, освещавшие и другие формы работы: какие объекты были взяты под контроль батальонов, сколько на каждом объекте постов, в каком месте были выставлены заградительные отряды, и на какое время, когда и где истребительный батальон вел бой с противником и каковы результаты боя и т.д. [3, С. 6–7].

Параллельно, в это время началась работа по пересмотру и самого состава Штаба. Сотрудники, которые попали туда в начале работы и слабо разбирающиеся в военном деле, заменялись на более компетентных и опытных. Однако кадровый голод ощущался, поэтому численность Штаба удалось стабилизировать лишь к январю 1944 г.

За период весны — лета 1943 г. Штабом было проверено по вопросам боевой готовности 39 истребительных батальонов области. В связи с тем, что личный состав батальонов находился не на казарменном положении, а был в основном расквартирован в радиусе 6—10 километров от районного центра, то сбор по боевой тревоге проживающих в райцентре занимал 1—2 часа, а проживающих в окрестных селах — 3—4 часа. По количественному составу сборов лучшие результаты обычно имелись среди бойцов, расквартированных в селах. Бойцов, расположенных в райцентре, можно было собрать не более 50,0 %, так как они в большинстве своем состояли из ответственных работников района, обычно находящихся в разъездах по селам.

Проведенной проверкой работниками Штаба боевой готовности истребительных батальонов были установлены и выявлены множество нарушений, например, отсутствие постоянных связных и средств их передвижения (велосипедов или верховых лошадей), слабо было учтено территориальное размещение бойцов и знание связными их квартир. При выездах работников Штаба в батальоны практически все недочеты устранялись на месте вплоть до пересоставления планов сбора батальонов по тревоге. Собственных транспортных средств батальоны по области не имели (транспорт был задействован для военных и хозяйственных нужд, в отличие от лета 1941 г.) [4, Л. 60].

Подводя итог, отметим большую роль в координации процесса формирования, обучения, обмундирования, обучения и боевой подго-

товки батальонов Штабом истребительных батальонов зимой – летом 1943 г., что в дальнейшем сказалось на охране тыла при проведении Коренного перелома в Великой Отечественной войне – Курской битве 1943 г.

Источники и литература:

- 1. Архив УВД Курской области (деле: А УВД КО). Ф. 38. Оп. 1. Д. 4.
- 2. А УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 8.
- 3. А УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 11.
- 4. А УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 14.
- 5. А УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 16.
- 6. Государственный архив Курской области. Ф. Р 3322. Оп. 10. Д. 17.
- 7. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. Π 1. Оп. 1. Д. 2897.
- 8. Яценко К.В. Фронтовой регион: Центральное Черноземье России в системе военно-организаторской деятельности местных властных структур в годы Великой Отечественной войны. Курск, 2006. 256 с.

И.П. Цуканов

КУРСКИЕ СОЛДАТЫ, ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ В 1941 ГОДУ, ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ

До сих пор родственники погибших и пропавших без вести героев Великой Отечественной войны пытаются разыскать хоть какуюнибудь информацию о них. Поэтому в адрес архивов, военкоматов, организаций, занимающихся увековечением памяти погибших в годы той войны, приходят письма-просьбы помочь в установлении военной судьбы того или иного человека. Много таких писем приходит в адрес Курской областной молодежной патриотической общественной организации Центр «Поиск». Только за январь — август 2015 г. таких запросов пришло 72.

В данной статье предпринята попытка рассказать о судьбе бойцов 309 стрелковой дивизии, сформированной в г. Курске в июле 1941 г. и принимавшей участие в Вяземской оборонительной операции. Тем более, что бои под Вязьмой стали для большинства личного состава этой дивизии последними боями в Великой Отечественной.

Формирование дивизии была связано с планом мобилизационного развертывания Вооруженных сил СССР в связи с началом Великой Отечественной войны. С 4 августа 1941 г. 309 сд вошла в состав 24 ар-

мии Резервного фронта и приняла участие в Смоленском сражении. Боевой состав дивизии выглядел следующим образом: 955, 957, 959 стрелковые полки, 842 артиллерийский полк, 563 отдельный зенитный артдивизион, 362 разведывательная рота, 558 сапёрный батальон, 738 отдельный батальон связи, 306 медсанбат, 372 отдельная рота химической защиты, 733 автотранспортная рота, 389 полевой автохлебозавод, 651 дивизионный ветеринарный лазарет, 961 полевая почтовая станция, 845 полевая касса Госбанка. Командный состав дивизии: командир — полковник Н.А. Ильянцев, военный комиссар — старший батальонный комиссар М.И. Волостников. На 1 октября 1941 г. дивизия оставалась в составе 24 армии и насчитывала 11 015 человек [4].

2 октября 1941 г. в рамках операции «Тайфун» перешли в наступление на Москву основные силы немецкой группы армий «Центр», началась Вяземская оборонительная операция (2–13.10.1941 г.). На направлениях главных ударов Духовщина—Вязьма и Рославль—Вязьма немцами было создано численное превосходство в силах по людям в 3 и 3,2 раза, по орудиям и минометам — в 3,8 и 7 раз, по танкам — в 1,7 и 8,5 раза соответственно.

9 армия вермахта с 3 танковой группой нанесли удар в стык 30-й и 19-й армий Западного фронта, прорвали оборону и, отразив контрудары, развили наступление в стык 49-й и 32-й армий Резервного фронта. 4 немецкая армия с 4 танковой группой к 4 октября, тесня 43-ю и 33-ю армии Резервного фронта, вышли на рубеж Ельня—Спас-Деменск—Мосальск. К исходу 4 октября противник глубоко охватил группировку 19, 16, 20 армий Западного и 32, 24, 43 армий Резервного фронтов. 7 октября противник силами 56 механизированного корпуса 3 танковой группы с севера, 46, 40 мехкорпусов 4 танковой группы с юга и востока прорвался к Вязьме и окружил 19 стрелковых дивизий, 4 танковые бригады 19, 20, 24, 32 армий и группы Болдина [1, С. 14].

Боевой путь 309 сд в 1941 г. был составлен смоленским исследователем И.Г. Михайловым. Первую половину дня 7 октября части 309 сд вели арьергардные бои в районе 15 километров северо-восточнее Ельни. Дивизия отступала в направлении города Дорогобуж, который к тому времени уже был занят противником. Согласно докладной записке дивизионного комиссара К.К. Абрамова, начальника политотдела 24 армии, 309 сд пыталась штурмом прорваться через окраины Дорогобужа. В результате нескольких атак дивизия понесла очень большие потери, в том числе среди командования дивизии и стрелковых полков. По сведениям Абрамова, ночью через Дорогобуж смогли прорваться только 180 человек из состава дивизии. В последующие дни остатки 309 сд в составе общей группировки 24 армии вышли в район деревни Андрианы (22 км южнее Вязьма), где 8–11 октября вели тяжелые и кровопролитные бои. Это подтверждается уже не отечественными до-

кументами, а немецкими донесениями сводок разведотдела штаба 4 танковой группы вермахта.

12 октября организованное сопротивление в районе Андрианы — Селиваново (18 км южнее Вязьмы), т. е. там, где вели боевые действия остатки 24 армии, прекратились. Отдельным отрядам из состава частей 16, 20 и 24 армий, окруженным южнее Вязьмы, удалось прорвать вражеское кольцо, большинство же солдат и командиров этих частей либо попали в плен, либо погибли.

В разведсводке разведотдела 4 танковой группы на 4–30 от 21 октября 1941 г. отмечается, что в районе юго-восточнее Можайска действуют разрозненные подразделения 222 и 309 дивизий, уничтоженных в «котле» под Вязьмой. Вероятно, какие-то отдельные отряды из состава этих дивизий прорывались по тылам врага на соединение с регулярными частями Красной Армии [2, С. 91].

Так Вяземская оборонительная операция стала последним событием в истории курской 309 стрелковой дивизии. Приказом Народного комиссара обороны СССР № 00131 от 27 декабря 1941 г. 309 сд была исключена из состава Красной Армии и стала считаться расформированной [5].

Как отметил И.Г. Михайлов, в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) практически нет списков персональных потерь тех, кто погиб и пропал без вести в ходе боев 2–13 октября 1941 г. на московском направлении, нет документальных источников о действиях многих дивизий, бригад и даже армий, входивших в состав Западного и Резервного фронтов. Из 72 дивизий и бригад, входивших в состав Западного и Резервного фронтов на 1 октября 1941 г., 58 (80,6%) либо не имеют в своих фондах информации о боях в период с 2 по 13 октября 1941 г., либо имеют обрывочные и крайне скудные сведения о них [2, С. 84–85]. Такие страшные цифры можно объяснить только одним: погибавшие в окружении полевые управления армий, штабы дивизий и полков вынуждены были уничтожать свои документы или надежно прятать их, чтобы они не достались врагу.

Так, 11 тысяч курян, воевавших в 309 стрелковой дивизии и погибших под Вязьмой и Ельней, стали считаться пропавшими без вести.

В июне 2015 г. поисковики отрядов «Застава святого Ильи Муромца» из Москвы и «Благовест» из Ельни обнаружили в урочище Клемятино Ельнинского района Смоленской области останки 94 бойцов 309 стрелковой дивизии. У девяти павших героев были обнаружены медальоны, пять из которых принадлежали уроженцам Курской области, три Белгородской (из районов в период войны входивших в состав Курской области). В августе работы были продолжены и те же отряды

нашли останки 57 солдат и офицеров Красной Армии, в том числе еще одного курянина¹.

Автор статьи почти 30 лет занимается поисковой работой и на его памяти нет такого, чтобы за один поисковый сезон были найдены останки 6 курян, пропавших без вести, да еще в одном месте. По горячим следам курские поисковики при помощи администраций сельсоветов и газеты «Городские известия» (особенная благодарность корреспонденту П. Рыжкову) смогли найти родственников всех бойцов.

Самое удивительное, что дочь и внучка К.А. Долженкова из Курска (а поиск в городе всегда труден, т. к. за прошедшие более 70 лет жители меняли адреса по многу раз) были найдены за два часа, они проживали практически по своему довоенному адресу (в соседнем доме). Родные Л.А. Недбаева уехали жить на Украину и связь с ними была утеряна, но в 2015 г. с Донбасса вернулась жить в д. Викторовку Кореневского района и была назначена директором школы двоюродная внучка воина.

Курская делегация, в составе которой были активисты Центра «Поиск» Елена Сукманова, Анна Поварова, Константин Асонов, корреспондент газеты «Городские известия» Павел Рыжков, родственники солдат, чьи фамилии удалось установить по «смертным» медальонам: Галина Новикова, Любовь Дубровская, Ирина и Сергей Лыковы и Елена Плюхина, 17–18 августа 2015 г. в д. Ушаково Ельнинского района приняла участие в захоронении останков Константина Афанасьевича Долженкова и Терентия Афанасьевича Плюхина (их останки были найдены в братских могилах на 3 и 8 бойцов). На малую родину в курские края был доставлен прах красноармейцев Емельяна Мельникова, Алексея Стеценко и Луки Недбаева [3, С. 3].

Дмитрия Макаровича Захарина похоронили 17 августа в д. Плаксино Октябрьского района. За останками солдата в Смоленскую область ездили дочь Раиса Дмитриевна Сорокина и внучки. Узнав о том, что Захарина нашли поисковики, родственники, ни секунды не раздумывая, решили похоронить его на кладбище в родной деревне. А перед тем останки солдата провели ночь в храме Покрова Пресвятой Богоро-

1 Куряне: Долженков Константин Афанасьевич, 1915 г. р., г. Курск; Захарин Дмит-

ский р-н, д. Харьков; Кривоченко Федор Михайлович, 1909 г. р., Боброво-Дворский р-н, д. Червоновка.

рий Макарович, 1912 г. р., Иванинский р-н, д. Плаксино; Мельников Емельян Андреевич, 1911 г. р., Фатежский р-н, с. Бол. Анненково; Недбаев Лука Андреевич, 1909 г. р., Кореневский р-н, д. Викторовка; Плюхин Терентий Афанасьевич, 1913 г. р., Стрелецкий р-н, д. Конево; Стеценко Алексей Андреевич, 1912 г. р., Беловский р-н, с. Кондратовка. Белгородцы: Базаров Николай Иванович, 1911 г. р., Старооскольский р-н, с. Незнамово; Гладкий Василий Савельевич, 1906 г. р., Белгород-

дицы села Черницыно, где его настоятель отец Василий Негер отслужил панихиду.

Семья Захарина долгие годы не оставляла попыток разузнать чтолибо о судьбе мужа и отца. Его жена Татьяна Федоровна еще в 1946 г. написала запрос в соответствующие инстанции по поводу мужа. Никаких данных о нем не нашли. Сообщили: «Пропал без вести». Точно те же слова, что были в треугольном конверте, пришедшем в дом Захариных в 1941 году. Тогда Татьяна Федоровна билась головой об пол и причитала: «Дорогие мои дети, нет у вас больше отца». Но все же женщина ждала и верила, что муж вернется домой. Чуть раньше от главы семейства пришло письмо с фронта, в котором он сообщал: «Дорогая моя жена Татьяна и детки Клава и Раечка, если не будет больше писем, не ожидайте меня живым. По направлению к Смоленску идут страшные бои. Горит земля и небо». Это письмо мужа жена не раз перечитывала своим дочерям, а те потом уже своим деткам — внукам рядового Захарина, без вести пропавшего летом 1941 года.

В 1941 г. на фронт Захарина провожали его жена и дети. А спустя 74 года его встречали на родной земле дочь Раиса, внуки и правнуки. Его похоронили на кладбище в своей деревне рядом с женой, которая всю жизнь надеялась, что он остался жив и только какие-то обстоятельства не позволяют ему вернуться домой. Она так и не вышла больше замуж, храня верность любимому мужу, и ушла в мир иной в 1983 г. [6]. Алексея Андреевича Стеценко похоронили 20 августа в с. Кондратовка Беловского района. Емельяна Андреевича Мельникова — 24 августа в с. Бол. Анненково Фатежского района похоронят, Луку Андреевича Недбаева — 4 сентября в д. Викторовка Кореневского района.

Курские солдаты, пропавшие без вести в 1941 году, вернулись домой.

Источники и литература:

- 1. Битва под Москвой: Хроника, факты, люди. Кн. 1. М.: Олма-Пресс, 2002. 926 с.
- 2. Михайлов И.Г. Курские 89 и 309 стрелковые дивизии в боях под Вязьмой в октябре 1941 года // Поисковое движение: Перспективы развития. Курск: Изд-во КГУ, 2008. 188 с.
- 3. Рыжков П. «Здравствуй, дедушка! Я привез тебе хлебушка...» // Городские известия. 2015. 22 авг.
- 4. URL: http://www.polk.ru/forum/index.php?showtopic=2452 (дата обращения: $10.09.2015 \, \Gamma$.).
- 5. URL: http://www.polk.ru/pomogite-najjti/24237/ (дата обращения: 10.09.2015 г.).
- 6. URL: http://poiskovikirf.ru/21-08-2015-солдат-вернулся-с-фронта/ (дата обращения: 10.09.2015 г.).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КУРСКОГО РЕГИОНА

С.Е. Вородюхин

РОЛЬ КАЗЕННЫХ ПАЛАТ В СИСТЕМЕ ГЕРБОВОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Казенные палаты являлись главнейшими финансовыми органами в каждой губернии. В Российской империи они были учреждены в 1775 году, имели коллегиальное управление и занимались всем казённым управлением, включая управление государственным имуществом и строительством.

Актуальность данной темы заключается в том, что казенные палаты в губерниях Российской Империи во второй половине XIX — начале XX вв. занимались гербового делопроизводством. Развитие и функционирование казенных палат в Курской губернии, в отношении гербового налогообложения позволит нам рассмотреть в целом государственно правовой комплекс Росси того время.

Казенные палаты не производили от себя продажу гербовых бумаг и марок, этим делом занимались губернские и уездные казначейства, таможни и др. [11]. В гербовом деле функции палаты сводились преимущественно к тому что, «казенные палаты снабжали подведомственные им кассы гербовой бумагой, которую они получали от гербового казначейства» [4, Л. 6].

Главными задачами, возложенными законом на них, служили: заведывание вообще счетоводством и отчетностью по приходу и расходу сумм, имеющихся в подведомственных палатам кассах. Однако сами они не собирали никаких доходов. Но производство некоторых финансовых операций закон возлагал именно на эти ведомства. К ним относились и производство торгов и подрядов.

По своей организации казенные палаты отличались исключительно бюрократическим характером. Вся власть этих установлений сосредоточивалась в их управляющих. Управляющий казенной палаты хотя и функционировал как председатель ее общего присутствия, в состав которого входили еще и начальники каждого из трех отделений

этого установления, однако здесь роль его не исключительно председательская. Он был действительным начальником казенной палаты, и решения казенной палаты являлись, в сущности, его решениями. В гербовом деле функции палаты сводились преимущественно ни к фискальному, а к наблюдательному или даже к посредническому делопроизводству: «казенная палата сама собою не вводит и не взимает никаких сборов, если они не определены в точности законом; напротив, она наблюдает, чтобы нигде не было взимаемо сборов, запрещенных или противных закону; если же таковые усмотрит, то поступает, порядком, для возбуждения дел по преступлениям установленным...».

Курская казенная палата часто сообщала постановления, распоряжения и другие законодательные акты Курским казначействам. Одно из таких постановлений было от 27 апреля 1887 г., когда Курская казенная палата сообщила губернскому и уездным казначействам Курской губернии согласно циркулярам Департамента неокладных сборов «о возвышении цен простой и актовой гербовой бумаги и поручила им принять эти сведения к руководству и точному исполнению» [6, Л. 4].

Нередко приходилось Курской казенной палате обращаться в Департамент окладных сборов за разъяснение какого-либо вопроса, касающегося оплаты гербовым сбором. Так, например, согласно от 4 марта 1904 г. Департамент окладных сборов дает нижеследующее разъяснение Курской казенной, что: «письма, подтверждающие получение денег, векселей и других платежных ценностей в уплату по сделкам, вполне подходят, как платежные расписки, под действие п. I ст. 20 Устава гербового» [1, Л. 343–344].

Однако, кроме дел чисто финансового характера, казенные палаты рассматривали также вопросы судебные; так, они собственною властью налагали денежные взыскания за нарушения уставов казенного управления и назначали следствия, а равно и предавали суду за преступления по должности лиц им подчиненных.

Курская казенная палата часто уведомляла контрольную палату по поводу поручения ей каких-либо дел [3, Л. 3–5], например, по поводу гербового делопроизводства. Так, Курская казенная палата препроводила в контрольную палату копию своего постановления за 28 октября 1911 г. о наложении гербового штрафа на частных лиц, нарушивших требование гербового Устава от 3 октября 1911 г. [2, Л. 11].

Штат казенных палат бы широк: управляющий, его помощник; по разным видам налогов были начальники отделений, отвечающие за его сбор, взимание недоимок, распределение обязанностей между служащими. На службе в казенной палате состояли и чиновники особых поручений, которые контролировали по указанию управляющего деятельность нижестоящие инстанции. Кроме этого, в палате были секре-

тари и низшие служащие (писцы, делопроизводители и т.д.) [7, С. 24–26].

Таким образом, казенная палата вовсе не являлась коллегиальным органом, а начальники отделений не были равноправными членами общего присутствия по сравнению с управляющим палатой, но являлись его подчиненными, на которых он имел право возлагать различного рода служебные поручения, назначать их в командировки и проч. Права управляющего казенной палаты ограничивались лишь в тех случаях, когда в общем присутствии рассматривались вопросы о производстве торгов и подрядов для ведомств, неподчиненных Министерству финансов. Тогда председательство в общем присутствии возлагалось по закону на губернатора. В Казенной палате велось активное делопроизводство, для чего создавались шаблоны отчетов и ведомостей [13, C. 515–520].

В губернской должностной иерархии, управляющий Казенной палатой занимал третье место: именно он из своего кабинета осуществлял в случае отсутствия, либо болезни губернатора и вице-губернатора временное исправление должности начальника губернии [9, С. 163].

Все управляющие казенными палатами назначались, переводились, увольнялись по решению Министра финансов. Например, приказом финансового ведомства от 16 мая 1891 г. управляющий Курской казенной палатой действительный статский советник Полозов был перемещен на такую же должность в Киеве, (это считалось повышением, так как данный город был крупным центром с развитой торговлей и промышленностью), а на его место в Курское учреждение был назначен помощник управляющего Варшавской палатой Ф.Я. Юрьев [5, Л. 1].

Наряду со значительным развитием торговли и промышленности, шло и последовательное расширение обязанностей казенных палат по торговому делопроизводству. Наконец, каждое преобразование административного строя, каждый новый шаг в развитии экономической жизни страны, точно также не мог не отражаться увеличением государственных или земских доходов и расходов и тем самым, если не прямо, то косвенно соприкасаться с деятельностью казенных палат и казначейств [12, C. 349].

Вообще, благодаря ряду финансовых реформ, произведенных со второй половине 80-х годов, казенные палата из учреждений почти исключительно счетных обратились в учреждения счетно-податные, причем податные их обязанности, развиваясь из года в год, вследствие деятельности податных инспекторов, требовали учреждения новых делопроизводств и значительного увеличения штатного состава служащих. Наряду с расширением деятельности казенных палат, значительно усложнились и обязанности, возложенные лично на управляющих палатами. Помимо руководства текущим делопроизводством и заведыва-

ния личным составом казенных палат, на ответственности управляющих лежит ближайший надзор за постоянно растущей деятельностью казначейств и податной инспекции. В то же время управляющий казенной палатой состоит председателем губернского по квартирному налогу присутствия и членом губернского присутствия, губернских: по городским и земским делам присутствия и других присутствий. Управляющий участвует в торговых и разных временных присутствиях и комиссиях; на него же возлагалась организация съездов податных инспекторов и руководство их работою [12, С. 349–350].

В казенных палатах заседали: вице-губернатор или поручик правителя, определяемый от императорского величества; директор экономии и губернский казначей, определяемые сенатом, по представлению губернского правления; один советник и два асессора, непосредственно определяемые сенатом. Кроме вышесказанных занятий, казенной палате поручались также все строительные и казенные дела губернии [8, С. 40].

По делам своим казенная палата производила требования свои: о делах бесспорных в губернском правлении, обо всех же прочих делах приносила свои жалобы в дела судебные.

В ведении палаты находились губернское и уездные казначейства, которые непосредственно принимали денежные средства налогоплательщиков. Вносились подати в уездные казначейства «или по приговору обществ определенными сборщиками, или самими теми, кому сбор платить следует, или их поверенными». Казначей лишь принимал приносимые к нему подати, но сам собирать их власти не имел. Участие полиции в сборе и приеме податей не допускалось «ни в коем случае». В приеме окладного сбора уездный казначей выдавал под расписку гербовую квитанцию и делал соответствующую запись в окладных или расчетных книгах [10, С. 50–51].

Таким образом, казенные палаты не производили от себя продажу гербовых бумаг и марок, этим делом занимались губернские и уездные казначейства, таможни и др. В гербовом деле функции палаты сводились преимущественно к тому что, «казенные палаты снабжали подведомственные им кассы гербовой бумагой, которую они получали от гербового казначейства», то есть казенные палаты в Курской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. занимались ни фискальным, а наблюдательным или даже посредническим делом в системе гербового налогообложения.

Источники и литература:

- 1. Российский государственный исторический архив. Ф. 150. Оп. 1. Д. 360.
- 2. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 125. Оп. 1. Д. 182.

- 3. ГАКО. Ф.125. Оп. 1. Д. 203.
- 4. ГАКО. Ф. 184 Оп. 1 Д. 5781.
- 5. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 7129.
- 6. ГАКО. Ф. 327. Оп. 1. Д. 122.
- 7. Белоконский И.Г. Родина-мать: губернские, уездные и волостные учреждения Российского государства. СПб.: Тип.- литография Альтшулера, 1901. 83 с.
- 8. Блиох Н.С. Финансы России XIX столетия. История. Статистика. Т. І. СПб: Тип М.М. Стасюлевича, 1882. 292 с.
- 9. Зайнчковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. М.: Мысль, 1978. 298 с.
- 10. Кравцова Е.С. Модернизация налоговой системы России: 1885— 1917 гг.: Дис. ...док. ист. наук. Курск, 2011.
 - 11. Курские губернские ведомости. № 51. 4 июля 1875.
- 12. Министерство Финансов 1802–1902, часть ІІ, Санкт-Петербург, экспедиция заготовления государственных бумаг. 1902.
- 13. Формы книг, ведомостей, реестров, периодических извещений и других бланков по делопроизводству казенных палат. Пг., 1915. 534 с.

Е.А. Головин

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950-е ГОДЫ

В 1950—1965 гг. промышленность Курской области выпускала большой ассортимент продукции, востребованной не только в регионе, но и далеко за его пределами. Производство Курской области было представлено машиностроением и металлообработкой, промышленностью строительных материалов, химической, электротехнической, пищевой, легкой и некоторыми другими видами.

Согласно плану восстановления и развития местного хозяйства Курской области на 1950 г. предусматривалось расширение производственных мощностей, рост объема производства по выпуску валовой продукции в денежном и натуральном выражении, рост производительности труда, снижение себестоимости и улучшение качества вырабатываемой продукции. Рост производства основных видов продукции планировался в следующих размерах: черепица — на 55,0 %, известь — на 115,0 %, валенки — на 16,0 %, веревка хозяйственная — на 374,0 %, колеса — на 38,0 %, колесная мазь — на 31,0 %, посуда чугунная — на 40,0 %, добыча угля — на 50,0 %.

Для укрепления производственно-технической базы, увеличения мощностей оборудования и обеспечения роста производства промышленной продукции были намечены капиталовложения в сумме 48,8 млн руб. Основная сумма из этого предусматривалась для механизации торфодобычи и расширения производства строительных материалов, главным образом, кирпичных заводов, так как недостаточное производство кирпича тормозило всё строительство в области [6, Л. 19–22; 16, С. 116]. Необходимо отметить, что в начале 50-х гг. ХХ в. особое внимание уделялось развитию производства строительных материалов. Это было связано с тем, что народное хозяйство страны активно восстанавливалось после Великой Отечественной войны.

Исполком Курского областного совета депутатов трудящихся отмечал, что, план по выпуску валовой продукции в 1950 г. был выполнен на 109,9 %. Осваивался массовый выпуск чугунного и алюминиевого литья. На полную мощность была пущена прядильная фабрика Курского горпромкомбината. Успешно осуществлялся выпуск гнутопрессованного обода, дермантина, столярного клея, цветного хрома, ремонт электромоторов и других изделий широкого потребления.

Но к работе предприятий местной промышленности имелись серьезные нарекания. Из 40 промкомбинатов 16 не выполнили плана по выпуску валовой продукции. Крайне неудовлетворительно выполнялся план в ассортименте. Качеству выпускаемой продукции не уделялось достаточного внимания. Так, кожевенный завод допускал выпуск бракованной продукции. Шебекинский промкомбинат отгрузил райпотребсоюзам 586 станов недоброкачественных колес.

Производственная программа по выпуску в 1950 г. валовой продукции в оптово-отпускных ценах была выполнена предприятиями областного управления промышленности стройматериалов на 102,8 %. Однако управление не обеспечило полного выполнения плана всеми предприятиями. Так, Суджанский кирпичный завод план по валовой продукции выполнил на 98,6 %, Ново-Оскольский кирпичный завод — на 90,8 %, Курский черепичный завод — на 92,0 %.

Значительное количество кирпича и черепицы не было произведено предприятиями управления промышленности стройматериалов вследствие недостаточного использования заводского оборудования и потерь от брака. Например, на Ново-Оскольском кирпичном заводе пресс КРОК-8 использовался на 94,0 % своей мощности. Такое же положение имело место на Готнянском и Старо-Оскольском кирпичных заводах. В целом, по предприятиям управления промышленности стройматериалов коэффициент использования заводского оборудования в 1950 г. составил 81,0 % [10, Л. 27].

Планом развития местного хозяйства Курской области на 1951 г. уделялось особое внимание развитию отраслей промышленности, не

достигших в 1950 г. довоенного уровня по выпуску продукции (например, пищевая промышленность) и отраслей, вырабатывавших строительные материалы, а также была предусмотрена более полная загрузка производственных мощностей и использование имевшегося оборудования. В 1951 г. намечалось дальнейшее увеличение выпуска валовой продукции, расширение производственных мощностей, повышение уровня механизации и производительности труда, снижение себестоимости и улучшение качества вырабатываемой продукции. Предполагался рост кожевенной, мукомольной, металлообрабатывающей, швейной отраслей промышленности и т.д.

На рубеже 1950—1951 гг. по пищевой промышленности наибольшее отставание имела мукомольная отрасль. Не достигли довоенного уровня развития топливная, кожевенная, меховая, швейная отрасли. Намеченный на 1951 г. рост производства строительных материалов диктовался отставанием этой отрасли промышленности от задач, стоявших перед областью. В результате чего в предыдущие годы планы строительных работ не выполнялись из-за необеспеченности строек кирпичом, известью, черепицей и другими материалами [6, Л. 27–31].

Планом на 1951 г. предусматривалось увеличение выпуска курским облместпромом кирпича до 2 300 тыс. штук (план 1950 г. – 1 500 тыс. штук), черепицы до 100 тыс. штук (план 1950 г. – 50 тыс. штук). Трехлетним планом механизации, утвержденным коллегией Министерства местной промышленности, предусматривалось строительство в Курской области в 1951 г. двух механизированных кирпичных заводов с печами непрерывного действия мощностью 1 млн кирпича каждая. Управлением промысловой кооперации намечалось в 1951 г. довести мощность кирпичных заводов региона до выпуска 10 млн штук кирпича в год и извести до 17 тыс. тонн [1, Л. 2–3].

В 1952 г. из 303 предприятий государственной и кооперативной промышленности Курской области не выполнили плана по выпуску валовой продукции 142 предприятия. Плохо справлялись с работой топливная, пищевая, легкая и промышленность стройматериалов. По пищевой промышленности производственная программа не выполнялась, главным образом, по кондитерской отрасли. По легкой промышленности срывали план по валовой продукции обувная и кожевенная отрасли [3, Л. 2, 64].

В решении от 12 марта 1953 г. исполком Курского областного совета депутатов трудящихся отмечал, что областной отдел местной промышленности неудовлетворительно осуществлял руководство предприятиями местной промышленности и не принимал необходимых мер к выполнению производственного плана каждым предприятием. Например, в течение нескольких лет Курская мебельная фабрика и 11 райпромкомбинатов не достигли плановых показателей производствен-

ной деятельности. Некоторые предприятия, чтобы выполнить план, допускали практику сверхпланового производства второстепенных изделий. По этой причине в 1952 г. не было произведено большое количество изделий первой необходимости.

Однако, в 1952 г. по большинству отраслей местной пищевой промышленности Курской области довоенный уровень производства был значительно превзойден. В натуральном выражении годовой план (в процентах к 1940 г.) был выполнен: по кондитерской промышленности на 106,2 %, по макаронной на 258,7 %, по пивоваренной на 169,4 %, по консервной на 190,0 %. Уровень 1940 г. не был достигнут только по мукомольной и безалкогольной промышленности [2, Л. 73; 17, С. 101].

Ввиду низкого качества продукции, вырабатываемой на ряде предприятий местной промышленности, особенно мебели, валеной обуви и швейных изделий, имелось готовой продукции на 1 170 тыс. руб., которая не реализовывалась и лежала на складах. Такое положение было обусловлено тем, что руководство местной промышленности неэффективно управляло предприятиями, глубоко не вникало в их производственную деятельность и проявляло терпимое отношение к серьезным недостаткам и провалам в работе отдельных предприятий [7, Л. 46–48].

Как отмечалось на восьмой областной партийной конференции, по итогам 1953 г. инженерно-технические работники промышленности проявляли высокую творческую активность, приводили в действие новые производственные резервы для увеличения выпуска продукции. Много положительных образцов работы было дано передовыми рабочими трикотажной и обувной фабрики. Но имелось немало предприятий, которые не выполняли установленные для них государственные задания. Так, по промышленности стройматериалов выполнение плана 1953 г. составило всего 75,8 %, по предприятиям маслопрома – 86,0 %. В числе отстающих оставались предприятия сахсвеклотреста. Это привело к тому, что Курская область выполнила государственный план 1953 г. на 98,3 % [12, Л. 104–106].

Оценивая роль местной пищевой промышленности, необходимо отметить тот факт, что сахарные заводы Курской области давали стране не только важнейшие продукты питания — сахар-песок и рафинад, лимонную кислоту, но также и сырье для спиртзаводов, значительное количество высококачественного корма для скота — сухой и сырой жом. В результате возраставшего наращивания производственных мощностей заводы увеличивали выпуск сахара и лимонной кислоты. Если выпуск этой продукции в 1951 г. принять за 100,0 %, то производство сахарапеска в 1952 г. составило 105,4 %. Но в 1953 г. план выпуска сахара был выполнен лишь на 80,0 % (только сахарные заводы им. Ленина, и им. Калинина работали ритмично и в пределах установленных норм)

[12, Л. 188–190]. На ряде предприятий слабо распространялись начинания новаторов промышленности, не использовались внутренние резервы производства. Необходимо отметить такой факт, что на тот период валовая продукция предприятий Курского сахсвеклотреста составляла около 10,0 % выпуска сахара в стране [12, Л. 189; 17, С. 104].

Среди эффективно работавших предприятий пищевой промышленности можно отметить Белгородский пивоваренный завод, который в 1953 г. перевыполнил производственный план по выпуску пива на 9,1 %. Помимо алкогольных напитков (пиво Рижское, Жигулевское, Украинское), предприятие производило и безалкогольные напитки: квас хлебный, сироп, газированную воду на соках и на эссенции, десертные напитки [5, Л. 4–5; 9]. В 1953 г. была произведена реконструкция Курской кондитерской фабрики № 2 и организовано производство бисквитных изделий с выпуском 6 тонн в сутки. В том же году были произведены работы по расширению Рышковского пивоваренного завода.

С целью поддержки предприятий, было принято постановление Совета Министров РСФСР от 10.02.1953~г. № 170~«О мероприятиях по дальнейшему развитию пищевой промышленности и промысловой кооперации Курской области». В соответствии с решением IV сессии облсовета депутатов трудящихся и итогами работы за 10~ месяцев 1953~г. были разработаны организационно-технические мероприятия по отстающим предприятиям (Старооскольская и Курская № 2~ кондитерские фабрики, Больше-Троицкий плодоягодный завод, Миролюбовский крахмалопаточный завод и др.), направленные на обеспечение выполнения плановых заданий [2, Л. 4, 22].

Общая мощность кирпичных заводов Курской области к 1 января 1954 г. достигала 175 млн штук кирпича в год и извести до 90 тыс. тонн в год. При разделении Курской области в феврале 1954 г. основные промышленные предприятия строительных материалов: цементный, асбошиферный, мелоизвестковый и часть кирпичных заводов — отошли к Белгородской области. Вследствие этого в Курском регионе значительно сократился выпуск важнейших строительных материалов. В первом квартале 1955 г. планировалось завершение строительства кирпично-трепельного комбината, мощностью 28 млн штук кирпича в год, но даже это не покрывало нужды капитального строительства области.

Несмотря на наличие значительных запасов сырья, в Курской области в 1954 г. не было цементных и крупных известковых заводов, а также завода силикатного кирпича и железобетонных конструкций. Большой дефицит строительных материалов сдерживал темпы строительства. В этот период в области были широко развернуты промышленное и жилищно-гражданское строительство, поэтому особенно ощущался острый недостаток в строительных материалах. В связи со сложившимся тяжелым положением, область нуждалась в серьезной

помощи от Министерства промышленности строительных материалов СССР по расширению производства выпуска строительных материалов [11, Л. 35–36].

В июне 1957 г. была произведена перестройка управления промышленностью. Создавался Совет народного хозяйства Курского экономического административного района, в ведение которого было передано 113 наиболее крупных предприятий с годовым объемом валовой продукции на сумму 2,7 млрд руб. [13, Л. 18]. В Постановлении Совета Министров РСФСР № 750 от 4 июля 1958 г. «Об итогах хозяйственнофинансовой деятельности предприятий и организаций Курского совнархоза за 1957 год» отмечалось, что предприятия региона выполнили план по валовой продукции на 100,9 % и увеличили объем производства по сравнению с 1956 г. на 22,2 %. Был перевыполнен план производства сахара-песка, трикотажных изделий, шерстяных тканей, обуви, животного масла, колбасных изделий.

В результате перестройки управления промышленностью предприятия и организации совнархоза, в целом, улучшили работу и выполнили во втором полугодии 1957 г. план по валовой продукции на 102,5 %. Вместе с тем, в работе многих предприятий имели место серьезные недостатки. Так, в 1957 г. по совнархозу не были выполнены планы производства продукции в ассортименте, по производительности труда, по себестоимости продукции и по накоплениям. Из 112 предприятий совнархоза — 18 не выполнили производственный план, не выпустив продукции на 58,2 млн руб. [4, Л. 1].

Выполнение плана выпуска валовой продукции предприятиями Курского совнархоза в 1957 г. варьировалось следующим образом: по управлению мясомолочной промышленности — на 101,3 %; по управлению легкой промышленности — на 104,9 %. В свою очередь, сахсвеклотрест выпустил валовой продукции на 98,8 % плана, спиртотрест — на 104,3 %, пищевкусовой трест — на 106,7 % [4, Л. 54].

Предприятия легкой промышленности в 1957 г. провели значительную работу по использованию внутренних резервов и экономии сырья. Так, обувная фабрика достигла экономии по верхним кожтоварам в количестве 830,5 тыс. дцм² и нижним кожтоварам 654,8 тыс. дцм², за счет чего дополнительно было выработано 40 тыс. пар обуви [4, Л. 24]. И это несмотря на то, что в четвертом квартале 1957 г. предприятию в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР № 3925-р от 20.08.1957 г. было установлено дополнительное задание по производству кожаной обуви в количестве 6 000 пар [8, Л. 133].

Из 17 предприятий легкой и текстильной промышленности, подведомственных совнархозу Курского экономического административного района, не выполнили план 1957 г. два пенькозавода (Михайловский и Хомутовский). Важнейшими видами продукции, выпускаемой

данной отраслью промышленности, были шерстяные ткани, бельевой трикотаж, верхний трикотаж, обувь кожаная, веревка, пенька-волокно, хромовые кожтовары и аптекарская посуда [4, л. 239].

Предприятиями пищевой промышленности региона в 1957 г. было выработано продукции сверх плана на сумму 6,0 млн руб. В этот период сахарные заводы области переработали на 28,0 % сырья больше, чем в 1956 году. Основными видами продукции, выпускавшейся в Курской области были сахар-песок, сахар-рафинад, спирт этиловый, овощные и фруктовые консервы, ликеро-водочные изделия, сушеные овощи [8, Л. 241–242].

Заготовительные организации мясомолочной промышленности в 1957 г. перевыполнили план заготовок скота и молока, увеличив заготовки по сравнению с 1956 г. по скоту — на 7,5 % и по молоку — на 28,0 %. В молочной промышленности был перевыполнен план по молочной промышленности, по производству масла и цельномолочной продукции. Однако недостаточные мощности предприятий по переработке скота и особенно слабая мощность холодильников, в значительной степени, повлияли на невыполнение плана производства мясной промышленностью.

Местные предприятия мясомолочной промышленности специализировались на производстве масла животного, сгущенного молока, цельномолочной продукции, колбасных изделий [8, Л. 243]. Необходимо отметить, что предприятиями управления местной промышленности по результатам работы за 11 месяцев 1957 г. не был выполнен план по таким крайне необходимым для потребителей области изделиям как гвозди, обувь кожаная, бельевой трикотаж и др. [13, Л. 22].

На Курской швейной фабрике прирост выпуска продукции в 1958 г. по сравнению с предыдущим годом составил 7,9 %. По товарной продукции план был выполнен на 108,3 %, по валовой — на 102,1 %. Сверх плана было выпущено 6 799 изделий, а именно: мужское пальто и полупальто; мужские брюки и костюмы; бриджи; кепки; пальто, брюки и костюмы для мальчиков [14, Л. 64–65].

Горпищекомбинат в 1958 г. не справился с выполнением плана. По валовой продукции он был выполнен только на 94,7 %, а по товарной — на 97,3 %. Из 28 видов продукции горпищекомбинат выполнил план по 9 видам. Срыв выполнения поставленных задач по производству остальных товаров объяснялся необеспеченностью соответствующим сырьем. Ассортимент продукции, выпускавшейся здесь был широким: мука, крупа, халва, вино, повидло, джем, варенье, компоты, фруктовые и овощные маринады, сухой крахмал, уксус, столовый хрен, экстракты, колбасные изделия, маринованные грибы и многое другое [14, Л. 25–26; 15, С. 89].

Таким образом, несмотря на множество препятствий, развитие промышленного производства в Курской области в 50-е гг. XX в. происходило достаточно активно. Предприятия выпускали продукцию широкого потребления, востребованную не только в Курской области, но и за ее пределами.

Источники и литература:

- 1. Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 6. Д. 7374.
 - 2. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д.1963.
 - 3. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 3030.
 - 4. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 199.
 - 5. Государственный архив Белгородской области. Ф. Р 1044. Оп. 1. Д. 9.
- 6. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р 3272. Оп. 2. Д. 264.
 - 7. ГАКО. Ф. Р 3322. Оп. 44. Д. 367.
 - 8. ГАКО. Ф. Р 5374. Оп. 1. Д. 11.
 - 9. ГАКО. Ф. Р 5374. Оп. 2. Д. 1.
- 10. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее: ГАОПИКО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1616.
 - 11. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2199.
 - 12. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2241.
 - 13. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2753.
 - 14. ГАОПИКО. Ф. П 2878. Оп. 1. Д. 1359.
- 15. Коровин В.В., Головин Е.А. Организационно-управленческие мероприятия по повышению производительности труда на промышленных предприятиях Курской области в начале 1960-х годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2013. № 2. С. 88–92.
- 16. Коровин В.В., Коптев С.С., Головин Е.А., Манжосов А.Н. Предприятия химической индустрии курского края в XX веке: опыт становления и организации производственной деятельности: Монография. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т., 2014.
- 17. Коровин В.В., Мирзаханян А.Р. Роль органов планирования в организации восстановления предприятий пищевой промышленности Курской области в послевоенные годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 1. С. 100–106.

М.С. Голубицкий

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ О РОЛИ КОЛХОЗНЫХ СОВЕТОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ЗА-КОНА О ПЕНСИЯХ И ПОСОБИЯХ ЧЛЕНАМ КОЛХОЗОВ ОТ 15 ИЮЛЯ 1964 ГОДА

Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов, принятый Верховным Советом СССР 15 июля 1964 года дал право на пенсию членам колхозов по старости и инвалидности и членам семей умерших колхозников по случаю потери кормильца. С 1 июня 1965 года Постановлением Совмина СССР от 1 апреля 1965 года № 258 и бывшие члены колхозов, земли которых были переданы совхозам и другим предприятиям и организациям получили право на пенсию.

До принятия Закона как таковые пенсии колхозникам не выплачивались - оказывалась помощь нуждающимся в виде хлеба или «пенсионирование» производилось трудоднями, мизерно оплачиваемыми от 10 до 35 коп. день плюс 1 кг зерна. В разных колхозах устанавливался разный пенсионный возраст: для мужчин – 60-65 лет, для женщин – 55-60 лет. В ряде колхозов Курской области («Заря коммунизма», «Рассвет», им. Чапаева, «Новая жизнь») пенсионный возраст для мужчин и женщин был одинаков – 60–70 лет. По инвалидности в ряде колхозов пенсии назначались по представлению заключения врачебнотрудовой экспертизы («40 лет Октября», «Родина», «Рассвет»), а в таких как – «Путь к коммунизму», «Маяк», «2-й партсъезд» – нет. В колхозе «Россия» пенсий вообще не назначалось [1, Л. 40-43]. Таким образом, положение колхозников было достаточно тяжёлым. Приходилось работать до глубокой старости, поскольку официального материального обеспечения в старости до принятия Закона о пенсиях и пособиях членов колхозов не существовало.

Постановлением Совмина СССР от 6 ноября 1964 года № 920 было утверждено Положение о комиссии по назначению пенсий и пособий колхозникам. Следовательно, для назначения пенсий и пособий колхозникам создавались комиссии районным советом социального обеспечения колхозников, представителей районного отдела социального обеспечения и районного финансового отдела. Этим же постановлением было утверждено и Положение о централизованном союзном фонде социального обеспечения колхозников.

Для решения вопросов о назначении и выплате пенсий и пособий колхозникам создавались советы социального обеспечения в колхозах, районах, областях, краях, республиках, которые являлись представительными органами колхозов. Советы социального обеспечения колторые в представительными органами колхозов.

хозников явились новой формой организационного обслуживания населения. В их функции входило упорядочение учёта трудовой деятельности колхозников, учёт лиц, уходящих на пенсию, привлечение неработающих пенсионеров к работе в сельскохозяйственном производстве, содействие в решении вопросов, связанных с врачебнотрудовой экспертизой и др.

В Курской области было организовано 484 совета социального обеспечения колхозников. Из них 461 — в колхозах, 22 — в районах и областной совет социального обеспечения колхозников. В них вошло 4 151 человек [2, Л. 34, 54]. В областной совет вошло 11 человек и возглавил его Герой социалистического труда, председатель колхоза им. Кирова Курского района Д.Г. Литвинов [3, Л. 63].

Несмотря на то, что советы социального обеспечения колхозников являлись общественными органами, им были предоставлены большие права — определять право на пенсию в каждом конкретном случае и оформлять необходимые для этого документы.

В сентябре – ноябре 1964 года в области была проведена работа по учёту колхозников, имеющих право на получение пенсии по старости, инвалидности, по случаю потери кормильца. Был установлен примерный контингент колхозников – 132 000 человек, имеющих право на пенсию, из них 115 000 – по старости, 12 300 – по инвалидности, 4 200 – по случаю потери кормильца [3, Л. 74].

К 10 мая 1965 года в Курской области колхозные пенсии были назначены 90 000 чел., из них 85 000 – по старости, 3 500 – по инвалидности, 1 500 по случаю потери кормильца (70,0 % к учтённому числу). Средний размер пенсии сложился 12 руб. 16 коп. Из 90 000 назначенных пенсий 83 616 — минимальных. Это — следствие низкого заработка колхозников (144 рубля в год) [3, Л. 76–77].

В 1964 году все колхозы произвели отчисления в централизованный союзный фонд от своих валовых доходов 2,5 % (4, 825 тыс. руб.), а в 1965 г. — 4,0 % от валового дохода (8 800 тыс. руб.) на выплату пенсий колхозникам в 1965 г. было затрачено 13,5 млн руб. [2, Л. 135].

Таким образом, можно судить о том, что работа по назначению пенсий колхозникам проводилась активно. Только размеры пенсий были ничтожно малы.

В течение ноября – декабря 1964 года во всех районах области были проведены семинары с работниками органов социального обеспечения, членами колхозных, районных советов, комиссии по назначению пенсий и пособий колхозникам по изучению Закона о пенсиях и пособиях, на которых прошли обучение 3 800 человек. «Кроме того, старшие инспекторы районных отделов, председатели колхозных советов, районных советов и комиссий по назначению пенсий в количестве 400 человек были обучены на 4-дневном семинаре в г. Курске» [3, Л. 64].

В тоже время нельзя не отметить, что «ряд председателей колхозов не сразу поняли свою роль в осуществлении Закона. Уходили от этого дела, полностью перекладывали эту работу на колхозные советы, не создавали советам условий для работы. Подписывали постановления советов на пенсии без обсуждения на правлении колхозов. Вследствие этого в некоторых колхозах не было представлено ни одного колхозника: в Пристени – колхоз «Дружба», в Обояни – «Страна Советов», в Беловском районе – «За коммунизм» [3, Л. 76].

На основании архивных документов к 10 мая 1965 года в области было назначено 90 тыс. колхозникам пенсий и пособий, в том числе по старости — 85 тыс., по инвалидности 3,5 тыс., по случаю потери кормильца 1,5 тыс., что составило 70,0 % к учтенному числу. Триста колхозов области заканчивают назначение пенсий. Наиболее успешно этот вопрос решился в следующих районах: Горшеченском — 85,0 %, Железногорском — 85,0 %, Пристенском — 75,0 % [3, Л. 76—77].

26 сентября 1967 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О дальнейшем улучшении пенсионного обеспечения». На основании Указа было произведено повышение минимальных размеров пенсий колхозникам — инвалидам I и II групп вследствие трудового увечья или профессионального заболевания и инвалидам I, II и III групп по общему заболеванию до 30, 20, 25, 16 и 12 руб. соответственно.

В Курской области был произведён перерасчёт пенсий колхозникам-инвалидам I и II групп в количестве 8 270 человек, инвалидам III группы, инвалидность которых наступила вследствие трудового увечья — 300 человек. На выплату им пенсий необходимо было 12 777 тыс. руб. в год и 3 600 тыс. руб. в год соответственно [4, Л. 91].

Согласно Указу снизился и возрастной рубеж уходящих на пенсию членов колхозов с 65 лет до 60 для мужчин, для женщин с 60 до 55 лет, а женщинам, родившим 5 и более детей – с 55 до 50 лет.

В 1967 году было назначено 116 270 пенсий. Из них 10 800 — по старости, 50 — инвалидам I и II групп от трудового увечья и профзаболевания, 8220 — от общих заболеваний. Средний размер пенсии вырос до 12 руб. 72 коп. на выплату пенсий было израсходовано 17 127 тыс. руб. [4, Л. 91]. Перечислено на счёт централизованного фонда — 10,3 млн руб. [2, Л. 35—37].

В 1968 году увеличилось количество колхозных пенсионеров на 50 300 человек, вследствие снижения пенсионного возраста, с выплатой им пенсий на сумму 7 200 тыс. руб. в год [4, Π . 91]. Всего в 1968 году получали колхозные пенсии — 166 570 человек в общей сумме 23 050 тыс. руб. в год [4, Π . 91].

Таким образом, колхозные советы Курской области в целях реализации Закона о пенсиях и пособиях колхозникам провели большую

работу по пенсионированию. Помимо этого, они занимались упорядочением учета трудовой деятельности колхозников, контролировали порядок ведения трудовых книжек в колхозах, следили за состоянием колхозных архивов. Помимо основной работы советы вели работу по учету лиц, уходящих на пенсию, привлекали неработающих пенсионеров — членов колхозов к участию в сельскохозяйственном производстве, оказывали помощь в решении вопросов, связанных с врачебнотрудовой экспертизой колхозников, их трудоустройством.

Список источников и литературы

- 1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р 5266. Оп. 6. Д. 35.
 - 2. ГАКО. Ф. Р 5266. Оп. 6. Д. 44.
 - 3. ГАКО. Ф. Р 5266. Оп. 6. Д. 46.
 - 4. ГАКО. Ф. Р 5266. Оп. 7. Д. 49.

Н.А. Лобынцев

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ НАЧАЛА 1990-х гг.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В современных условиях наблюдается ухудшение состояния среды обитания человека, растет техногенное загрязнение. В ряде случаев изыскательная, проектная и строительная деятельность человека подчинена, прежде всего, достижению ближайших хозяйственных и экономических результатов в качестве приоритета над долговременными задачами сохранения природной среды.

С каждым годом происходит усиление антропогенного воздействия на природу, растущее влияние человека на окружающую среду. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в настоящее время в практике используется до 500 тыс. химических соединений, из них около 40 тыс. соединений обладают вредными для живых организмов свойствами, а 12 тыс. — токсичны. Наиболее распространенные загрязнители — зола и пыль различного состава, оксиды цветных и черных металлов, соединения серы, азота, фтора, хлора, радиоактивные газы, аэрозоли [6, С. 59].

В нашей статье мы рассмотрим ситуацию сложившуюся в Курском регионе в начале 1990-х годов — времени экономических трудностей не только на местном уровне, но и во всей стране, времени станов-

ления новой государственной политики, времени огромного кризиса во всей экологической политике. Итак, по данным Комплексной схемы охраны природы Курской области, разработанной Московским ЦНИИ-Пградостроительства (еще в 1991 г.), на территории области в 1992 г. было выявлено 163 проблемных ситуации, связанных с загрязнением воздушного и водного бассейнов, эрозией и химическим загрязнением почв, геодинамичеекими процессами, нарушением растительности и животного мира, превышением нагрузок и отсутствием достаточных рекреационных территорий, рядом специфических градостроительных проблем, 129 проблем отнесены к категории наиболее серьезных и требующих первоочередного решения.

Особенность области, как составной части территориальнопроизводственного комплекса Курской магнитной аномалии и ЦЧЭР привела к возникновению двух серьезнейших региональных проблем, глубоко затрагивающих экологическую обстановку – наличие прогрессирующей депрессионной воронки снижения уровня подземных вод и повсеместное сокращение гумусного слоя с постепенной деградацией черноземных почв. Многовековая эксплуатация черноземов без достаточных компенсирующих мероприятий в начале 90-х гг. ХХ в. привела к крайнему истощению их плодородия и снижению производственного потенциала до самых низких значений. Нарушение технологии обработки почв, усиленная химизация земель, специализация хозяйств (без необходимых севооборотов) способствовали сокращению более чем вдвое гумуса и минеральных веществ в почве, токсикации и загрязнению почвенного профиля, изменению физико-химических свойств и резкому усилению эрозионных процессов. Особенно активно эти явления прослеживались на 2 млн га пашни. Различной степени эрозии подверглось 500 тыс. га, или 25,0-28,0 % всей пашни, 50 тыс. га было занято глубокими оврагами, ежегодно выносившими до 2 млн т плодородной земли. Каждый второй гектар пашни оказался закислен. На севере области было выявлено 100 га засоленных почв [8, С. 108].

Топливно-энергетический комплекс в области был представлен тепловыми электростанциями и АЭС. В 1992 г. было выработано всего 21 288 млн КВт/ч электроэнергии (на уровне 1991 года). Тепловой энергии выработано 5174,6 тыс. гкал., при этом доля твердого топлива составила 0,28 %, а доля газа и мазута — 99,72 %. На АЭС было выработано 20,308 млр. кВт/ч. Кроме того, было получено 851,6 Гкал тепла [2, Л. 47]. Предприятиями отрасли в 1992 г. в атмосферный воздух было выброшено 26 700 тыс. т вредных веществ, в том числе 0,189 тыс. т диоксида серы (на 0,324 тыс. т меньше, чем в 1991 г.), оксидов азота 23 670 тыс. т (на 0,116 тыс. т меньшее, чем в 1991 г.), свежей воды было забрано 96 147 тыс. куб. м (на 515 тыс. куб. м больше, чем в 1991 году), сброшено 83 101 тыс. куб. м, из них загрязненных 249 тыс. куб. м, что

на 49 тыс. куб. м меньше, чем в предыдущем году. Количество оборотной воды увеличилось на 1 785 тыс. куб. м, утилизация золошламовых отходов составила 2 010 т, что на 1 510 т больше, чем в 1991 г. [1, Π . 68].

В 1992 г. предприятием Михайловского горно-обогатительного комбината в атмосферу было выброшено 0,014 млн т вредных веществ, а в водоемы сброшено 22 млн куб. м сточных вод [3, Л. 109]. Суммарный выброс загрязняющих веществ от химических предприятий (АО «Курскрезниотехника», НПО «Полимербыт», АО «Химволокно») был оценен малыми долями общих выбросов от стационарных источников и автотранспорта области, однако необходимо принять во внимание, что в основном, это специфические высокотоксичные вещества. То же самое можно сказать и о характере загрязняющих веществ в сточных водах этих предприятий и их отходах. В 1992 г. химическими предприятиями было выброшено в атмосферу 1681,0 т вредных веществ (на 12,2 % меньше, чем в 1991 г.) [5, Л. 203]. Сброс загрязненных сточных вод в 1992 г. в водоемы сократился по сравнению с 1991 г. на 504 тыс. куб. м и составил 157,68 тыс. куб. м [4, Л. 95].

Машиностроительный комплекс в начале 1990-х гг. был представлен в области: АО «Агромаш», АПЗ-20, АО «Электроаппарат». Несмотря на относительно небольшие объемы валовых выбросов (около 3,0 % общих выбросов всеми стационарными источниками) проблема их снижения стояла весьма остро. Основными источниками загрязнения являлись литейные и окрасочные производства, а также котельные. Для многих видов газовых выбросов установки улавливания были недостаточно эффективны или совсем отсутствовали. Сброс загрязненных сточных вод в водоемы в 1992 году составил 524,2 тыс. куб. м, что на 22,4 тыс. куб. м меньше, чем в 1991 г. [8, С. 35].

Строительный комплекс был представлен кирпичными заводами и заводами ЖБИ. В 1992 г. предприятиями выброшено в атмосферный воздух 3 595,4 т вредных веществ. Сбросы загрязненных сточных вод в водоемы остались на уровне 1991 года и составляют 118,2 тыс. куб. м.

Уровень выбросов вредных веществ в атмосферу от транспортных средств и предприятий транспортно-дорожного комплекса в 1992 г. составил 219,271 тыс. т/год или 74,7 % всех видов выбросов в результате хозяйственной деятельности. Главным источником выбросов явился транспорт — 214,657 тыс. т/год. Вклад автотранспорта в суммарный выброс составил 73,1 %. Соответственно, железнодорожный транспорт дал — 19,13 тыс., т/год, предприятия транспортно-дорожного комплекса (ДСПМК и ДРСУ) — 12,014 тыс. т/год в том числе от стационарных источников — 4,614 тыс. т в год. В 1992 г. только железнодорожными предприятиями в поверхностные водоемы было сброшено 421,98 тыс.

куб. м сточных вод, в том числе 166,38 тыс. куб. м – загрязненных (на уровне 1991 г.) [7, С. 42].

В 1992 г. агропромышленный комплекс продолжал осуществлять меры, направленные на борьбу с эрозионными процессами, на снижение отрицательных воздействий средств осуществлять меры, направленные на борьбу с эрозионными процессами, на снижение отрицательных воздействий средств химизации, отходов предприятий и ферм, закладывались основы природоохранной деятельности фермерских хозяйств.

В виду низкой обеспеченности животноводческих комплексов и птицефабрик навозохранилищами, цехами и площадками компостирования, их стоки продолжали представлять большую опасность для почв и поверхностных вод. Положение усугублялось тем, что наиболее крупные животноводческие комплексы были построены рядом с крупными промышленными центрами, где техногенная нагрузка на природную среду и так была велика. На птицефабриках 15 хозяйств очистные сооружения отсутствовали, имевшиеся поля фильтрации не соответствовали требованиям. Очистные сооружения предприятий перерабатывающей отрасли находились в плачевном состоянии [8, C. 37].

По состоянию на начало 1993 г. системами канализации было охвачено 18 городов, районных центров и поселков городского типа. Общая протяженность канализационных сетей в населенных пунктах области составляла 1 224 км, в т. ч. коммунальных 690 км. Мощность канализационных очистных сооружений 366,8 тыс. куб. м сточных вод в сутки, из них коммунальных — 197,7 тыс. куб. м в сутки. Из общего числа действующих очистных сооружений оказались: 5,0 % перегружены, 48,0 % требовали срочной реконструкции. Дефицит мощностей канализационных сооружений в 1992 г. составил 323,5 тыс. куб. м в сутки. Ежегодно в процессе очистки сточных вод образовывалось 1 570 куб. м осадка, который сбрасывался на иловые площадки [7, С. 50].

В области не была организована промышленная переработка производственных и бытовых отходов, все отходы вывозились на свалки. Не решен был и вопрос с отводом участка под строительство завода по переработке промышленных отходов. Захоронение и складирование отходов проводились практически повсеместно в нарушение действовавших экологических норм и санитарных правил, треть действовавших свалок в районах не имели разрешений местных органов власти на использование земли под захоронение отходов, более половины свалок функционировали без согласования с органами ГСЭН и ипженерногеологических и гидрогеологических обоснований на их эксплуатацию, технология захоронения отходов практически на всех свалках не соблюдалась [8, С. 39].

Подводя итог и характеризуя экологическую обстановку Курской области, следует особо отметить локальные проблемы, которые находят здесь широкое распространение, связанное с загрязнением окружающей среды. В начале 1990-х гг. был отмечен активный сброс неочищенных сточных вод в поверхностные водоемы, нерациональное использование химических средств в агропромышленном комплексе, высокая распаханность территории земельных угодий, выбросы твердых пылевых частиц Михайловским ГОКом, отсутствие надежных пылеуловителей на промышленных предприятиях области. И хотя в 90-е гг. ХХ в. наблюдался спад производства в промышленности и следовало ожидать уменьшения давления на природную среду со стороны экономики региона, однако этого не произошло в силу того что на предприятиях стали экономить финансовые средства на установку природоохранных сооружений и проведение мероприятий по устранению экологической опасности. Экологические программы которые разрабатывались на региональном уровне часто не обеспечивались в достаточной степени финансированием, что в итоге приводило к их половинчатым результатам, лишь к концу 90-х гг. XX в. произойдет стабилизация экономических показателей в Курской области, а в дальнейшем и активизация работы природоохранных и государственных организаций по стабилизации экологической обстановки.

Источники и литература:

- 1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р 382. Оп. 1. Д. 214.
 - 2. ГАКО. Ф. Р 513. Оп. 1. Д. 103.
 - 3. ГАКО. Ф. Р 707. Оп. 1. Д. 1438.
 - 4. ГАКО. Ф. Р 731. Оп. 1. Д. 2921.
 - 5. ГАКО. Ф. Р 5363. Оп. 1. Д. 5683.
- 6. Григоров А.Н., Козявин А.А., Михайлова Н.В. Природопользование и охрана окружающей среды // Актуальные проблемы экологии и охраны труда: сб. статей IV Международной науч.-практич. конф. Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2012. 140 с.
- 7. Косинов А.И. Становление и деятельность экологической службы в Курской области в конце XX начале XXI вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2013. 240 с.
 - 8. Экологический информационный бюллетень. Вып. 2. Курск, 1993. 108 с.

И.В. Островский

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕ-НИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1991–1997 гг.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В конце 1980-х гг. в условиях гласности и перестройки интерес к проблемам экологии в нашей стране стал резко возрастать. Возникали многочисленные экологические клубы и гражданские инициативы; все более частыми становились в различных регионах страны митинги, демонстрации и пикеты защитников окружающей среды. Как пишет Б. Романов, «...когда политика перестройки и демократизации позволила гражданам объединяться и создавать независимые общественные организации, в СССР произошел настоящий всплеск экологического движения. Пробуждению интереса к экологической проблематике способствовала и авария на Чернобыльской АЭС (1986 г.), заставившая очень многих задуматься, насколько опасен для человека бесконтрольный научно-технический прогресс» [9, С. 30].

Вопросом нашей статьи и станет тезисное рассмотрение процесса становление на территории Курской области экологического движения с 1991 по 1997 гг. – времени, когда начинался процесс становления нового мировоззрения и гражданских инициатив. Отметим, что уже к концу 1991 г. в Курской области возникло около 10 неформальных природоохранных объединений. Часть из них сформировалась еще в начале 1988 – середине 1989 гг. в связи с тем, что общественности стало известно истинное положение дел в экологии по области (начал сказываться процесс гласности и открытость информации в средствах массовой информации). В г. Курске, например, образовалось неформальное объединение «Родник», в дальнейшем преобразованное в социально-экологическую партию с организациями в Курчатове и Железногорске. В середине 1991 года в г. Курчатове, природоохранной организацией «ОКОРС» были проведены рейды по реке Сейм с целью выявления экологического состояния реки и мерах по ее оздоровлению, начат сбор сведений о состоянии природы в Курчатовском районе [7, С. 64].

В 1992 г. в г. Судже была создана инициативная экологическая группа «Зеленый шум». Основными направлениями данных природоохранных объединений стало доведение до общественности создавшейся экологической обстановки и привлечение как можно большего количества участников в государственной экологической программе. По инициативе неформальных объединений стали проводиться митинги, а также сборы подписей, например против расширения Курской АЭС, строительства в г. Судже цементного завода и химфармзавода в г. Железногорске (данные мероприятия привели к тому, что государ-

ственные органы признали строительства данных заводов нецелесообразным в плане влияния их на экологию региона) [8, С. 503].

С 1992–1993 гг. значительно стал повышаться интерес граждан к экологии области, что стало проявляться в конкретных фактах обеспокоенности людей создавшейся экологической обстановкой, увеличением числа письменных и устных обращений в областной комитет экологии и к администрациям области, городов, районов. Людей на тот период времени развития области волновали радиационная обстановка, качество пищевых продуктов и т. д. [9, С. 50]. Начали проводиться экологические акции, например «День Земли» и «Всемирный день охраны окружающей среды», для которых стали характерными школьные походы по исследованию природы области, во время которых очищались от мусора родники, лес, исследовались и изучались экологические тропы, выявлялись предприятия-загрязнители природной среды, составлялись географическо-экологические карты. Во многих районах к этим датам стали приурочиваться экологические месячники [3, С. 30].

В 1994 г. по данным общества охраны природы, в организациях Курской области начали свою деятельность 10 народных университетов экологических знаний. С целью обеспечения жителей области объективной экологической информацией, в начале 1990-х гг. ежемесячно в газете «Курская правда» начинает печататься «Экологический бюллетень» о состоянии природной среды и информация, а также о результатах проверок, которые осуществляли инспекторы областного, городского и районных комитетов экологии, специалисты областного центра Госсанэпиднадзора. На страницах данной газеты часто публиковались статьи о Курском черноземе, о проведении Всемирного дня охраны окружающей среды, Дня земли, об операции «Чистый воздух», о подготовке и проведении Всероссийских Дней защиты от экологической опасности и др. [2, С. 12]. В ряде районных газет стали выходить экологические страницы «Природа и человек», газеты, издававшиеся предприятиями, также размещали на своих страницах «Экологические бюллетени» по месяцам. Регулярно на областном радио стала выпускаться передача «Природа и мы», выходили и телепередачи на экологические темы [10, С. 39].

В 1994 г. государственными и общественными природоохранными организациями начали целенаправленно проводиться крупные массовые мероприятия, такие как Всемирный день охраны окружающей среды, День Земли. В апреле – июне 1994 г. все небезучастные к делу охраны природы родного края организации и жители включились в проведение общероссийских Дней защиты от экологической опасности, которые станут в дальнейшем традиционными по своей форме [10, С. 40].

Активную работу по неформальному экологическому просвещению в начале 1990-х г. населения стал проводить Центрально-Черноземный государственный биосферный заповедник им. В.В. Алехина (в дальнейшем ЦЧЗ). Тысячи экскурсантов-любителей природы смогли ознакомятся с его уникальной природой, сохранившейся на древней русской земле, наиболее полная информация о которой была представлена в музее природы [11, С. 49].

В соответствие с распоряжением Правительства РФ № 125-р и в преддверии Всероссийского съезда по охране природы, в Курской области с 15 апреля по 5 июня 1995 г. «...прошла акция "Дни защиты от экологической опасности". Во всех районных газетах области, а также в "Курской правде" было опубликовано обращение к общественности, трудовым коллективам, населению с призывом активно включиться в "Дни защиты..." и внести посильный вклад в оздоровление рек, водоемов, родников, атмосферного воздуха, почвы, растительного и животного мира. Повсеместно были проведены экологические субботники по благоустройству и уборке территорий предприятий, больниц, школ, детских садов, государственного и частного жилого сектора», — отмечал «Зеленый мир» [5, С. 5].

В 1996 г. по инициативе Госкомэкологии Курской области была создана Межведомственная комиссия по экологическому образованию населения, утвержденная постановлением главы администрации области от 25 июня 1996 г. № 311, разрабатывался также проект «Комплексной программы по экологическому образованию населения Курской области» [6, С. 139]. В соответствии с совместным приказом Минприроды России, Минкультуры России и Минобразования России с 1 октября 1995 по 1 мая 1996 гг. был проведен российский смотр-конкурс работы библиотек по экологическому просвещению населения. В нем приняло участие 128 курских библиотек всех типов: публичные, юношеские, детские, дошкольные, одна вузовская и сельская библиотеки [1, С. 2]. В рамках смотра-конкурса в библиотеках, например, Фатежского района были развернуты книжные выставки: «Природа и человек», «Эта крупная планета», «Человек и окружающая среда», для учащихся старших классов создан экологический лекторий «Колыбель человечества», для читателей районной библиотеки организованы литературно-музыкальный вечер «Белая береза», «Часы полезного совета», «Зеленая аптека», «Дары русского леса», детские районные библиотеки провели экологические игры-уроки «Землянам чистую планету», путешествия «По страницам Красной книги» [12, С. 75].

Госкомэкологии Курской области поощрил все библиотеки, принявшие участие в 1-м (областном) этапе смотра, наградил их экологическими библиотечками (на приобретение книг из экологического фонда было выделено около 8 миллионов рублей). Госкомэкологии райо-

нов также были выделены средства для поощрения участников смотраконкурса, например, в Кореневском районе 1 млн рублей, Железногорcком -2 млн рублей, Льговском -2 млн рублей, Медвенском -720 тыс. рублей. Решением Оргкомитета Всероссийского смотра-конкурса библиотек по экологическому просвещению населения по итогам второго тура смотра-конкурса лауреатами стали 13 библиотек Курской области, награжденные дипломами и наборами книг. Также в Госкомэкологии формирование области начато видеотеки просветительских экологических книг. В частности, в 1996 г. отсняты видеофильмы: «Все начинается с детства» (об ЭВиО в детских дошкольных учреждениях, ЭБЦУ и библиотеках – для использования при проведении семинаров педагогов и для повышения квалификации работников образования); «Природа и мы» (о выставках детских работ из природного материала и на природоохранные темы – для педагогов системы неформального экологического образования и воспитания, других специалистов и широкой аудитории) [12, С. 76].

В 1997 г. Центр технического творчества учащейся молодежи г. Курска стал включать в конкурсы и выставки разделы, посвященные решению экологических проблем, или связанные с использованием природных материалов. В Центре начала проводится эстафета технических знаний, один из разделов эстафеты был посвящен разработке проектов по созданию экологически чистых энергетических установок и конструкций транспорта будущего века, безотходных промышленных технологий и мусороперерабатывающих установок. Компетентным жюри и самими участниками эстафеты заслушивались вынесенные на защиту проекты, лучшие из которых были оценены и награждены. Участниками эстафеты были ребята из районов и городов Курской области [4, C. 67].

Подводя итог, мы можем констатировать следующее, в начале 1990-х гг. имела место тенденция обширного расширения экологического движения, но к 1993—1994 гг. некоторые экологические организации стали превращаться в социально-политические партии, часть организаций распалась, общественная активность их стала уменьшаться иза финансовых трудностей, но с 1995-1997 гг. государство уже берет курс на проведение обоснованной политики в области гражданских инициатив в деле охраны окружающей природной среды.

Источники и литература:

- 1. Быканов Г. «Экология безопасность жизнь»! // Гостиный ряд. 1996. 15 мая.
- 2. Быканов Г.П. Современные проблемы экологии в Курской области // Актуальные проблемы профессиональной и экологической патологии. Курск, 1994. 110 с.

- 3. Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды РФ в 1993 г.» // Зеленый мир. 1994. № 24. 90 с.
- 4. Доклад о состоянии окружающей природной среды Курской области в 1997 году. Курск, 1998. 200 с.
- 5. О состоянии окружающей природной среды РФ в 1995 году: Государственный доклад Министркства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ // Зеленый мир. 1996. № 26. 75 с.
- 6. Лукашева О.П. Состояние экологического образования сегодня: цели, проблемы реализации, формы организации // Сб. ст. по экологии Курского края. Курск, 2004. 210 с.
- 7. Материалы научной конференции «Человек. Природа. Современность» // Философско-методологические проблемы экологии. Курск, 1999. 140 с.
- 8. Охрана природы и окружающей среды в Курской области // Научнообоснованная система ведения агропромышленного производства Курской области. Курск, 1992. 570 с.
 - 9. Экологический информационный бюллетень. Вып. 2. Курск, 1993. 108 с.
 - 10. Экологический информационный бюллетень. Вып. 3. Курск, 1995. 110 с.
 - 11. Экологический информационный бюллетень. Вып. 4. Курск, 1996. 180 с.
 - 12. Экологический информационный бюллетень. Вып. 5. Курск, 1997. 200 с.

А.В. Сахаров

ТРУДНОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА ШЛЮЗОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ПО ПРИВЕДЕНИЮ РЕКИ СЕЙМ В СУДОХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ В 1830-ые гг.

В 30-ые годы XIX века на территории Курской и Черниговской губерний реализовывался проект приведения реки Сейм в судоходное состояние. Автором плана по строительству системы шлюзов был щигровский помещик М.А. Пузанов, выходец из купечества, получивший за добросовестную службу в чине коллежского асессора статус дворянина в 1830 году [5, Л. 14]. Проект в 1832 году был одобрен императором Николаем I и министром финансов и Е.Ф. Канкриным [1, Л. 1], а шлюзную систему было решено назвать в честь императрицы Александринской. Для руководства строительными работами, заключения контрактов и решения насущных проблем в Курске был сформирован специальный Комитет, который возглавлял лично губернатор и в который входили представители дворянства и известные куряне. Так, одним из членов Комитета был астроном и метеоролог Ф.А. Семенов [6, Л. 1–2].

Количество необходимых шлюзов по проекту не было постоянным и варьировалось от 15 до 17, поскольку существовало несколько мнений, где должен быть конечный пункт судоходной части Сейма. Новомлинский, Батуринский и Каменский шлюзы находились на территории Черниговской губернии; Путивльский, Клепальский и Теткинский – в Путивльском уезде; Марсковский, Гапоновский и Кольтичеевский – в Рыльском уезде; Баницкий, Угонский, Стародубовский и Успенский – во Льговском уезде; Лозовский и Масловский (также называвшийся Мальцевским) – в Курском уезде. В случае приведения в судоходное состояние реки Тускари предполагалось построить Рышковский шлюз. Это позволило бы доставлять грузы не к пристани возле Херсонского моста, располагавшегося примерно в 7–8 верстах от Курска, а непосредственно в губернскую столицу [4, Л. 169]. Курский же шлюз организовал бы судоходство до места проведения Коренской ярмарки [4, Л. 169].

Резких перепадов градиента фарватера реки не было, поэтому шлюзы на Сейме строились однокамерные. Так как щлюзы были пре-имущественно деревянные, из потраченных 53 379 рублей на установку Новомлинского, Батуринского, Каменского и Путивльского шлюзов в 1833—1835 гг. 17 716 рублей 6¼ копеек пошли на закупку лесного материала [3, Л. 7–8]. Таким образом, из всех затрат 33,0 % приходились на древесину. В целом на стройматериалы было потрачено 22 689 рублей 80¾ копеек.

Однако шлюзы не могли бы нормально функционировать без железных хомутов и оберлопов, удерживающих шлюзные ворота, а также гальсбантов и домкратов, позволяющих воротам открываться и закрываться.

В 1835 году Комитет по приведению реки Сейм в судоходное состояние, желая заранее заказать металлические конструкции для шлюзов, заключил договор с крепостным крестьянином князя Андрея Разумовского Федотом Тесли, проживавшим в Батурине. По договору кузнецу полагалось сделать 16 оберлопов, за которые Комитет обязался выплатить порядка 320 рублей.

За работу Тесли сначала получил только 50 рублей, которые были выданы чиновником Комитета Гнилокишковым из собственных средств. Позже Пузанов обратился в Комитет с просьбой о возврате Гниловишкову 50 рублей из бюджета проекта [2, Л. 1]. 16 января 1836 года в Комитет было прислано прошение крепостного, в нем Тесли заявлял, что приобрел железо, из которого сделал «16 штук оберлопов с уплатой за каждую штуку по 20 рублей... и сдал оные чиновнику Комитета... Гнилокишкову исправно,... и по сие время не получил [деньги]» [2, Л. 2]. Далее крепостной писал: «Через столь долгое время терплю при несостоятельности своей немалое затруднение, по каковым об-

стоятельствам решаюсь изъявить такую крайнюю нужду...» [2, Л. 2]. На заседании Комитета было решено заплатить за оберлопы, однако не всю сумму, и 21 января штабс-капитан Шагаров, отвечавший за казну Комитета, доложил, что в Батурин было отослано 240 рублей 90 копеек [2, Л. 6]. Деньги дошли до Батурина только через месяц – 24 февраля [2, Л. 8].

Разумеется, заказанных оберлопов было недостаточно для постройки всех оставшихся шлюзов, поэтому Комитет продолжил поиски производителей железных конструкций. Еще в 1835 году было решено отправить коллежского асессора Петрова в Тулу, являвшуюся металлургическим центром европейской части Российской империи. 30 декабря Петров составил рапорт, в котором доложил о заказе у частных мастеров (в казенном оружейном заводе отказались от сотрудничества) в Туле 24 гальсбанта, чугунные чаши с петлицами, хомуты и домкраты, 72 оберлопа [2, Л. 10]. При этом общая стоимость всех шлюзных элементов составляла 9930 рублей, причем 3 755 рублей необходимо быть передать в задаток [2, Л. 21]. В Комитете сначала согласились с предложенной стоимостью, отправили Петрову 1000 рублей [2, Л. 16] и заказали у столяра Гаврилы Суркова деревянные модели деталей за 41 рубль 73¾ копейки [2, Л. 20]. Однако губернатор Муравьев, узнав стоимость заказа, отменил его. Муравьев, находившийся на тот момент в Санкт-Петербурге, писал в Курск: «Желая соблюсти выгоды для казны я поручил ему [Петрову] набрать сведения, не дешевле ли можно купить те вещи в Петербурге... [у] директора Александринского литейного завода, хотя и видно, что цены на сии вещи и ниже объявленных ему в Туле, но, соображая перевозку от Санкт-Петербурга, они не могут обойтись дешевле. Так как в предписании, данном гидротехнику Петрову сказано, чтобы цены на вещи отнюдь не выходили из сметных цен, а объявленная в Туле Петрову цена, равно и петербургская с перевозкой, много превышает таковую, то я предлагаю Комитету распорядиться, сколь возможно поспешить командированием особого чиновника в брянские заводы для покупки порученных Петрову вещей...» [2, Л. 22]. Основных причин для данного решения было две. Во-первых, производство деталей в Брянске было дешевле; во-вторых, сам город располагается на Десне и готовую продукцию можно было бы доставить речным транспортом до Путивля, где уже успешно функционировал шлюз. Это значительно бы уменьшило стоимость перевозки деталей и помогло бы остаться в рамках сметы.

Хотя М. Пузанов распорядился отправить в Брянск штабскапитана Савельева [2, Л. 26], но и «нашел необходимым узнать мнение здешних мастеровых, по каким ценам они могут сделать оный прибор, и согласился брандмейстер Кулаков, коего искусство выделки подобных вещей... весьма известно» [2, Л. 27]. В итоге, в Комитете решили дождаться результатов командировки Савельева, и, если цена за работу брянских мастеров окажется высокой, заключить контракт с А.М. Кулаковым. Савельеву выдали 200 рублей на дорогу до Брянска и 500 рублей в задаток [2, Л. 39], которые через две недели были возвращены в казну Комитета [2, Л. 45], так как выяснилось, что делать детали в Курске значительно дешевле.

По заключенному с Комитетом контракту А.М. Кулаков обязался произвести следующие конструкции: «24 гальсбанта, каждый [весом] в 8 пуд; 24 домкрата по 60 фунтов; 55 оберлопов, каждый в 30 фунтов; ценою за пуд всех сих предметов по 13 рублей... Образцы оных вещей [Кулаков] обязан... предоставить к 1 числу марта, по одобрении коих должен проделать работу сколь возможно поспешнее и по мере выделки оных представлять Комитету... и получать тогда мест денежный за них расчет» [2, Л. 29]. Крайним сроком по изготовлению всех деталей назначался август. Объясняется это тем, что с весны по конец лета на местах установки шлюзов в основном проходили земляные и плотничные работы, а непосредственная установка шлюзных ворот приходилась на август и осенние месяцы. Без железных деталей последняя процедура не могла быть произведена.

17 апреля Кулаков предоставил по одному железному образцу оберлопов, гальсбантов и домкратов, а также тиски для вкручивания болтов. Пузанов и Петров остались удовлетворены качеством всех этих изделий. Более того, «оказалось, что в оберлопах, – как писал позже Пузанов, – нужно прибавить в каждом по 25 фунтов весу и сделать оные вместо 30 фунтов в 1 пуд 15 фунтов, а в замене сей прибавки по данной им от того прочности можно удалить полчетверти их на каждый шлюз и поставить вместо 12 только по 8. В гальсбантах признано... возможным убавить по 1 пуду в каждом и изготовить их... вместо 8 по 7 пудов». Таким образом, высокое качество деталей даже изменило схему самих шлюзов.

Для добросовестного исполнения контракта Кулаков нанял несколько работников и арендовал специальную кузницу. К июлю в общей сложности было изготовлено 20 пар гальсбантов, 20 пар домкратов, 43 оберлопов и 3 хомута, а вес всей обозначенной в контракте продукции должен был равняться 244 пудам 16¾ фунтам [2, Л. 78]. За свою работу Кулаков получил 3 177 рублей 44 копейки, которые ему выдавались по мере сдачи Комитету железных составляющих для шлюзов [2, Л. 47, 58, 63, 67, 73, 77, 82]. В итоге, уже в августе были сделаны все детали, предписанные контрактом.

Однако у Кулакова возникла серьезная проблема, причиной которой стали изменения в весе шлюзных элементов. 9 декабря 1836 курский мастер обратился в Комитет с прошением, в котором констатировалось следующее: «...в той постройке должно было быть 300 пудов...

Я нанял рабочих людей 15 человек с платою им жалованья до 250 рублей... и содержал оных на своих харчах, ... для успешнейшей работы нанимал особою кузницу с платою хозяину в каждый месяц по 50 рублей, что составляет значительную сумму. Так как... построено мною 244 пуда 16¾ фунтов, следовательно, через не постройку до 300 пудов я понес в нанятии лишних рабочих людей и содержании их напрасно убытку до 400 рублей» [2, Л. 84]. Пузанов, ссылаясь на значительную экономию средств, которая составила около 1 100 рублей, сумел убедить Комитет поддержать Кулакова половиной суммы, о которой просил курский мастер.

Таким образом, большая часть шлюзных конструкций хоть и изготавливалась из древесины, но важнейшее значение для дальнейшего их функционирования имели железные детали. Комитет по приведению реки Сейм в судоходное состояние сумел после тяжелых поисков в городах с развитой металлургией найти производителя, способного дешево и качественно исполнить заказ на создание железных конструкций для шлюзов. По предложению автора проекта шлюзной системы М.А. Пузанова был заключен контракт с курским мастером А.М. Кулаковым. Это позволило сэкономить значительную часть средств на транспортировке железных деталей и с запасом уложиться в отведенный для них бюджет. Кулаков успешно выполнил условия договора, что позволило Комитету построить оставшиеся шлюзы и открыть полноценное судоходство по реке Сейм в 1838.

Источники и литература:

- 1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 168. Оп. 1. Д. 3.
 - 2. ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 73.
 - 3. ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 87.
 - 4. ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 91.
 - 5. ГАКО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 322.
 - 6. ГАКО. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1.

И.В. Сахневич

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЛЕСНОЙ ТОРГОВЛЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В первые месяцы после Февральской революции были упразднены должности губернаторов, градоначальников, полицмейстеров и др. с

соответствующими канцеляриями и делопроизводствами. Упраздненные должности и учреждения царского правительственного аппарата на местах были заменены губернскими и уездными комиссарами Временного правительства и их канцеляриями. Должности комиссаров были учреждены правительством для руководства местными органами власти и просуществовали до свержения Временного правительства. Полноценной заменой властных органов царского периода им стать, по комплексу причин, не удалось [2, С. 92–98].

В Государственном архиве Курской области отложился фонд Курского губернского и Льговского уездного комиссаров Временного правительства, материалы которого помогают воссоздать картину не только политической, но и экономической жизни губернии, в том числе и торговли [1].

В течение 1917 г. продолжало уменьшаться количество товаров, поступающих в торговую сеть, что вызывалось продолжающимся сокращением промышленного производства. Валовая продукция предприятий, производивших пищевые продукты, в 1917 г. составила 54,6 % от уровня 1913 г. и 60,9 % от уровня 1916 г., предприятий кожевенной и меховой промышленности — 96,0 % и 73,9 %, а предприятий хлопчатобумажной промышленности — 54,7 % и 68,0 % соответственно [3, C. 212].

Одной из основных причин сокращения промышленного производства был топливный кризис, усилившийся из-за разрухи на транспорте. Предприятия Курской губернии, до войны ввозившей каменный уголь, вынуждены были практически полностью перейти на использование в качестве топлива местных лесных богатств, которые были не так уж велики [4, C. 35–45; 5, C. 119, 120, 122–125]. В то же время лесная торговля губернии стала испытывать серьезные затруднения, связанные не только с экономическими, но и с политическими изменениями, происходившими в стране после Февральской революции. Рассмотрим эти процессы на примере Льговского уезда.

Площадь лесов во Льговском уезде по сравнению с некоторыми другими уездами Курской губернии была невелика, но разработка леса до Февральской революции велась довольно интенсивно. «Банищанская и Черемошенская казенные дачи, крупные купчие Чернухина, Латышева, Гарба, Брусенцова, Литвинова, Стрельца и других поставляли на рынок большое количество лесных материалов и дров, снабжая ими как местное население и город, так и учреждения, работающие на оборону, в особенности сахарные заводы» [1, Л. 302].

После революции отдельные сельские общества и группы крестьян стали чинить лесопромышленникам препятствия, запрещая разработку и вывоз лесных материалов. Выступления эти были разрозненны и не носили организованный характер. В конце апреля при Льговском

уездном исполнительном комитете была образована лесная комиссия, специально созданная для руководства лесным хозяйством в уезде. Комиссия эта производила учет лесных материалов, проверяя в каждом отдельном случае правильность отпуска этих материалов и необходимость их для того или иного учреждения. На свободу торговли лесом комиссия не посягала, оставив без таксировки дрова, хворост и лесные материалы. С самовольными запретами со стороны сельских и волостных комитетов комиссия боролась, высылая своих членов на места для урегулирования споров и конфликтов [1, Л. 302–302 об.].

Таким образом, деятельность лесной комиссии была направлена на устранение преград для развития лесного хозяйства и торговли. Однако вновь образованные местные органы власти не желали ждать и шли в своих действиях дальше, чем центральная власть. Ивановский, Износковский и Городенский волостные комитеты Льговского уезда, как замечал льговский уездный комиссар, «под влиянием неверно понятых резолюций Курского губернского народного совета» вынесли постановления о конфискации в пределах волостей лесов и заготовленных лесных материалов. Сторожа владельцев купчих были из леса удалены, все ведение лесного хозяйства волостные комитеты взяли в свои руки и, не считаясь с обязательствами лесопромышленников, стали по установленным комитетами же ценам производить продажу уже заготовленных лесных материалов, а также рубку лесов.

Деньги, вырученные за продажу леса, помещались в кредитные товарищества в специальные фонды земельных комитетов. Меры, принимаемые лесной комиссией к прекращению подобных действий, не принесли результата, и в указанных волостях лесопромышленники были фактически отстранены от дел. Ситуации не смог исправить и «Съезд по лесным делам», состоявшийся 4 июня 1917 г. в г. Льгове, который не одобрил действия волостных комитетов. Но уже 8 июня лесное хозяйство уезда перешло в ведение вновь образованного Льговского уездного земельного комитета, который начал действовать теми же методами, что и волостные комитеты. Уездный земельный комитет начал свою деятельность с того, что запретил всякий вывоз лесных материалов, обязав к этому лесопромышленников подпиской и угрожая привлекать их, в случае неповиновения, к уголовной ответственности. В подкрепление своих действий, уездный земельный комитет 24 июня отношением на имя товарищества Марьинского завода запретил всем покупателям производить выплату денег за поставляемые самими лесопромышленниками дрова, и потребовал сообщить, сколько и кому потребители должны заплатить. Так же, как и Ивановский и другие волостные комитеты, уездный комитет удалил лесных сторожей промышленников, арестовал лесные материалы и стал продавать их через своих «агентов», т. е. во всем уезде лесопромышленники были фактически отстранены от процесса лесной торговли [1, Л. 302 об.].

16 июля своим постановлением уездный земельный комитет назначил твердые цены на лес, которые, по свидетельству уездного комиссара, не соответствовали «теперешней дороговизне жизни и труда» и были ниже заготовительной стоимости лесных материалов. Лесопромышленники несли крупные расходы по уплате процентов по ссудам в банке и по платежам государственных налогов, вознаграждения приказчикам и агентам, а также на содержание лесной биржи, «устранённой, но не распущенной» [1, Л. 296, 301]. Как замечал Льговский уездный комиссар, с этими обстоятельствами земельный комитет совершенно не считался, а если и имел их в виду, то, видимо, предполагал, что лесопромышленники «достаточно крови попили».

Кроме того, не согласовываясь с лесоохранительным губернским комитетом, земельный комитет стал выдавать разрешения на рубку леса погорельцам-крестьянам, причем рубку крестьяне производили не только без согласия, но иногда и без ведома владельцев земли. Такая позиция комитета, с одной стороны, обесценивала лес, а с другой – открывала простор для самовольных порубок. Взяв под свой контроль лесную торговлю под предлогом ее рационализации, на практике земельный комитет своими действиями породил застой в торговле. Учет лесных материалов и леса проводился комитетом крайне медленно, отпуск материалов из купчих прекратился, поэтому различные учреждения и предприятия, предполагавшие в течение июня до начала полевых работ успеть перевезти большую часть закупленных и заготовленных дров, вынуждены были вместо этого заниматься бесконечными хлопотами о получении соответствующих разрешений от земельных комитетов.

Произведя учет всего лесного хозяйства в уезде, льговский земельный комитет, «руководствуясь резолюциями Курского губернского народного совета и крестьянского съезда в Петрограде» объявил, что леса представляют собой общенародное достояние, и разослал во все предприятия и учреждения уезда предписания вносить все деньги за лесные материалы до разрешения этого вопроса Учредительным собранием в депозит земельных комитетов [1, Л. 301]. При этом земельные комитеты не скупились на выдачу разрешений на перевозку дров из купчих, создавая видимость того, что с их стороны не чинится никаких препятствий к обеспечению дровами предприятий, в том числе и работающих на оборону. На самом же деле, предприятия были поставлены в затруднительное положение: подчиняясь требованиям земельных комитетов, они совершали бы противозаконные действия, нарушающие постановления Временного правительства и права собственности част-

ных лиц, которые (действия) могли бы привести к судебным процессам, так как частную собственность пока еще никто не отменял.

Исходя из указанных соображений, сахарные заводы, другие учреждения, предприятия города и частные лица стали воздерживаться от заключения всяких торговых сделок, и практически единственными покупателями дров и лесных материалов мелкими партиями являлись крестьяне. Но ситуация заставляла и крупных потребителей нарушать закон и уступать требованиям земельных комитетов: острый кризис топлива, вызванный значительным сокращением подвоза угля в губернию в связи с военными действиями, вынудил, например, Льговский сахарный завод внести деньги в депозит уездного земельного комитета и получить от него разрешение на вывозку дров из купчих промышленников Латышева и Чернухина, еще в мае захваченных Ивановским волостным комитетом. Однако, когда завод приступил к перевозке дров, оказалось что они лесопромышленниками запроданы другим лицам, в связи с чем Латышев и Чернухин телеграфно просили уездный комитет оградить их имущественные права.

Подобных фактов нарушения прав собственности земельными комитетами было множество, мы приведем некоторые из них.

Лесопромышленник Ольховин держал купчую в одном из лесов Ивановской волости и заготавливал дрова по подряду с электрической компанией в Харькове и рудничные стойки по договору с рудниками «Михайловские копи» и «Екатеринодон» общества Северо-Донецкой железной дороги. Ивановский волостной комитет наложил арест на все заготовленные материалы. После долгих хлопот Ольховин добился разрешения на разработку и вывозку от Курского губернского земельного комитета, однако, Льговский комитет заявил, что сначала Ольховин должен перечислить на его, комитета, депозит деньги за предполагаемые к вывозу лесные материалы, – другими словами, обязал промышленника заплатить за его же собственность. 3-го августа губернский комитет предложил льговскому воздержаться от предъявленного Ольховину требования, но уездный комитет этого не исполнил, и вывозка не была произведена.

Лесопромышленник Гарб, владелец купчих в лесах Ольшанской и Городенской волостей, по договору с Интендантством разрабатывал ободья и, имея наряд, в адрес завода «Двигатель» 16 июля отправил на станцию Льгов Северо-Донецкой железной дороги для погрузки в вагоны ободья на 4 возах, но возы эти были на станции задержаны лично председателем уездного земельного комитета и возвращены в г. Льгов.

Иванинский волостной и Льговский уездный комитеты не разрешили уполномоченному комитета по обеспечению беженцев-евреев и пострадавших от военных действий Немлихеру грузить в вагоны, находящиеся на станции Лукашевка, закупленные им в адрес Курской го-

родской думы дрова, требуя уплатить деньги не продавцу, а на депозит земельных комитетов.

Землевладелица княгиня М.В. Барятинская в 1916—1917 гг. на свои средства заготовила в принадлежащих ей лесах дрова, необходимые для отопления усадьбы и экономий. Однако уездный и волостной земельный комитеты стали продавать эти дрова сами по своему усмотрению, деньги забирая по обыкновению себе. М.В. Барятинская вынуждена была уплатить за свою собственность, выкупив у волостного комитета 5 саж. дров за 280 руб.

Земельные комитеты не стеснялись продавать и другое, не принадлежащее им имущество, как это произошло, например, с лесной сторожкой, владельцем которой был промышленник Токарев, и которая была продана без его ведома Иванинским земельным комитетом. Надо ли говорить, что денег от этой торговой операции Токарев не получил. Земельные комитеты стали покушаться и на казенную собственность: требовали от лесничего Льговского лесничества бесплатного предоставления некоторого количества делянок леса на сруб [1,

Л. 303–303 об.].

Земельные комитеты Льговского уезда не были одиноки в своей деятельности, направленной фактически на уничтожение частной земельной собственности. Аналогичные действия производились комитетами Белгородского, Грайворонского, Дмитриевского уездов [6, С. 277, 278, 280–282, 305]. Курская губерния оказалась в этом смысле настолько типичным негативным примером, что «удостоилась» в июле сообщения в газете «Вестник Временного правительства» о «деятельности земельного комитета Курской губернии» [6, С. 309-311]. В нем говорилось, что губернский земельный комитет не составил инструкции для своих местных органов и предоставил им самостоятельность в решении земельных вопросов, приведшую к случайным, а иногда и противоречащим постановлениям правительства, т. е. незаконным, действиям данных органов. Губернскому комиссару поручалось сообщить Курскому губернскому народному совету, что задачей последнего является помощь правительству и его представителю – комиссару в защите интересов государства, и что законодательная власть в стране принадлежит исключительно Временному правительству.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы: созданные по решению правительства земельные комитеты на местах не исполняли указаний губернского комитета и не считались с постановлениями Временного правительства, и в то же время присваивали себе не принадлежащие им функции, допуская превышение власти. Своей деятельностью комитеты вносили дезорганизацию в процесс лесной торговли, что, в свою очередь, создавало серьезные проблемы в обеспечении топливом предприятий, работающих на оборону. Кроме

того, уездный комиссар подчеркивал, что «земельные комитеты..., создавая на местах атмосферу классовой розни и неприязни, подрывают доверие к органам правительственной власти на местах» [1, Л. 303].

Источники и литература:

- 1. Государственный архив Курской области. Ф. Р 322. Оп. 1. Д. 60.
- 2. Сборник Указов и Постановлений Временного Правительства. Вып. 1. 27 февраля 5 мая 1917 г. Пг., 1917.
 - 3. Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960.
- 4. Труды Центрального статистического управления. Т. 7. Вып. 2. Стат. сб. за 1913–1917 гг. М., 1922.
 - 5. Денисов В.И. Леса России, их эксплуатация и лесная торговля. СПб., 1911.
- 6. Экономическое положение России накануне Великой октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Ч. 3. Л., 1967.

О.В. Харсеева

БОРЬБА ДУХОВЕНСТВА С АЛКОГОЛИЗАЦИЕЙ НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Наряду с рядом социальных проблем, порожденных эволюцией государственного и общественного устройства Российской империи во второй половине XIX — начала XX в., довольно остро стояла проблема алкоголизации населения, которая все более беспокоила общественность. Ее решение требовало общегосударственного подхода. При этом в различных регионах страны по инициативе передовой общественности предпринимались отдельные попытки ее решения. Рассмотрим данную деятельность на примере Курской губернии.

В начале 60-х гг. XIX века в Курске была широко распространена торговля крепкими напитками. Действовало 8 харчевен, 16 магазинов и 545 лавок, 40 постоялых дворов, 11 гостиниц [22, С. 123]. Везде торговали спиртным и брали за водку, как деньги, так и любые вещи. В своих воспоминаниях о Курске один из известных курян, профессор МГУ, математик И.И. Чистяков сделал такую зарисовку повседневной жизни провинциального города: «На обоих углах Херсонской улицы имелись питейные заведения: одно – так даже со старинной надписью «кабак», а другое – с новой вывескою: «распивочно и на вынос». Вдоль домов были устроены скамеечки, на которых вечером, после трудового дня, рас-

саживались обыватели, особенно женщины, и вели свои беседы. Мужчины же больше устремлялись в питейные заведения, откуда некоторые из них... возвращались в очень непристойном виде, ругали, а частенько и колотили жен, детей. Оба кабака были открыты до двух часов ночи и принимали в уплату за водку вещи, поэтому нередко можно было видеть, как жена с криком гналась за пьяницей, который тащил в кабак ее платье, топор или иную нужную в семье вещь» [23, C. 39].

На страницах печати начала XX в. отмечалось, что пьянство охватило личную, семейную и общественную жизнь человека, не только простого народа, но и интеллигенции. Любое собрание сопровождалост пьянством, «на сельский сход по общественным делам без общественной выпивки никого не дозовешь», «сельская сходка сделалась синонимом общественного народного пьянства» [17, С. 335]. Пьянствовали на сельских сходах, в волостных судах, в управлении. Современники отмечали, что «интеллигенция пьет с проблесками сознания, а деревня бессознательна и постоянно требует охранного порядка» [17, С. 337].

Алкоголизм также выступал в качестве одного из факторов преступности в Курской губернии. В Государственном архиве Курской области сохранился ряд дел, свидетельствующих о пагубном влиянии алкоголя на поведение человека. В 1863 году было открыто дело о драке и погроме, совершенном в курском питейном доме мещанами и государственным крестьянином, перепившими водки [1, Л. 2–2 об.]. В 1864 году в с. Ильинки Тимского уезда Курской губернии было совершено изнасилование жены временнообязанного крестьянина пьяным старшиной [2, Л. 1, 3, 9, 9 об., 14].

Нередкими были случаи совершения преступлений подростками, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. Например, в 1908 г. судом рассматривалось дело по обвинению юноши 16 лет в попытке изнасилования крестьянки слободы Борисовки. Отвечая на вопрос о причинах своего поступка, несовершеннолетний объяснил, что совершил его «спьяна» [5, Л. 3–6]. Другой пример: убийство 16-летним подростком писаря слободы Зыбиной Грайворонского уезда. Перед убийством они с убитым пили водку и пиво [4, Л. 5–5 об.].

Алкоголизм, не привлекавший внимания врачей, как серьезное заболевание, являлся причиной смертности среди населения. В ежегодных отчетах губернатора публиковались данные о количестве жителей, умерших от пьянства (см. Таблицу).

Количество жителей Курской губернии, умерших от употребления алкоголя [6, С. 11, прил.; 7, С. 17, прил.; 14, С. 34, 97, прил.; 19, С. 41, 80, прил.]

Год	Города	Уезды	Мужчин	Женщин	Всего умер- ших от упо- требления ал- коголя	Общее число умерших в Курской гу- бернии
1890	10	72	76	6	82	89 245
1900	13	73	83	3	86	84 009
1910	19	116	128	7	135	76 639
1915	13	15	24	4	28	82 150 (кроме умерших на войне)

Большое внимание проблеме алкоголизации населения уделяло духовенство. Священники отмечали, что «Пьянство в народе заслуживает такого же внимания, как и сектантство и приносит оно не меньше вреда религии, нравственности и здоровью народа...» [19, С. 647]. Было замечено, что даже запрещение продажи спиртных напитков «совершенно недостаточно для нравственного перерождения человека, для коренного исправления его от пагубного пьянства и других пороков» [21, С. 388–390]. Требовалось активное участие духовенства в жизни народа, его помощь в искоренении человеческих пороков.

Значительная работа была проделана духовенством по организации обществ трезвости. В Курской епархии в 1914 году числилось 112 таких обществ при городских и сельских церквях [13, С. 106]. В их состав входили прихожане местных церквей, принявшие обет трезвости.

В наибольшей степени из всех обществ трезвости проявили себя Курское Иоасафовское Общество трезвости, а также ряд уездных обществ: в с. Кошарах Белгородского уезда (во имя Иоанна Крестителя), в с. Паниках Обоянского уезда, в с. Оскольце Старооскольского уезда (во имя Святителя Николая Чудотворца), в с. Становой Колодезь Успенской волости Тимского уезда (во имя преподобного отца Серафима Саровского), в с. Кобылках Рыльского уезда, в с. Чернянке Новооскольского уезда.

Общество трезвости в с. Становой Колодезь Тимского уезда было основано в 1904 году священником Георгиевской церкви о. Н. Амфитеатровым [12, С. 122]. В 1907 году в составе этого общества числилось более 500 членов [9, С. 127], а в 1910 году уже 1 500 [11, С. 123]. Оценивая свою работу, о. Н. Амфитеатров отмечал, что чайные, библиотеки-читальни, чтения с туманными картинами не являются радикальным средством отрезвления народа. Народ пьет не от отсутствия разумных развлечений, а от того, что не осознает вреда пьянства, а также в силу

традиции каждый знаменательный день сопровождать угощением. Утверждение о том, что крестьянин много пьет водки в воскресные и праздничные дни, по его мнению, является ошибочным. В эти дни, отмечал Н. Амфитеатров, крестьянин пропивает копейки, и пьет в основном в одиночку. Напротив, в дни крестин, похорон, брака и, особенно, в престольные праздники крестьянин «захлёбывается водкой и пропивает уже не копейки, а рубли, а подчас и всё, что можно пропить». Самый бедный крестьянин в эти дни покупает четверть водки, а во время престольного праздника не менее половины ведра, зажиточный крестьянин выпивает со своими гостями от 2 до 5 ведер. В эти дни пьют не только любители водки, но также «самые лучшие и воздержанные из крестьян». Не выпить в эти дни самим, а тем более не угостить гостя считается бесчестьем. В силу этого обычая «пьянство нередко переходит в полный разгул, и все село обращается в кабак: водка льется рекой и пьяные крики висят в воздухе над селом» [10, С. 134–135].

Единственным средством для борьбы с пьянством, считали представители духовенства, являлось участие в этой борьбе самого народа путем учреждения обществ трезвости. Главным условием вступления в данное Общество было обещание не пить водки, вина, пива и любых других спиртных напитков. При этом для каждого нового члена Общества служился молебен, по окончании которого ему выдавались листки и брошюры о вреде пьянства. Каждый член Общества вносил добровольные пожертвования, на которые покупались указанные листки и брошюры, распространяемые среди населения. Средства от пожертвований для этих целей достигали 30 рублей в год [10, С. 135].

Общество трезвости в с. Кошары Белгородского уезда было открыто 29 августа 1905 года по инициативе местного священника о. Порфирия Амфитеатрова [12, С. 110]. В его состав принимались местные жители, а также жители двух ближайших приходов. В 1906 году в нем состояло около 400 членов [8, С. 109], 1908 году – уже 700 членов: 600 мужчин и 100 женщин [10, С. 122]. 17 мая 1915 года о. Порфирий открыл еще одно общество трезвости при Успенско-Николаевском соборе г. Белгорода. Членами этого общества могли стать как мужчины, так и женщины, достигшие возраста 16 лет. Члены Общества обещали не пить никаких спиртных напитков в течение одного года, никого не угощать в своем доме этими напитками. Нарушившие обет, сначала получали увещание и епитимью от пастыря церкви, а затем исключались из числа членов Общества. Дважды в месяц члены Общества собирались в местной церковно-приходской школе, где читали книги и журналы о трезвом образе жизни, получали брошюры и листки о вреде пьянства. Еженедельно в четверг они собирались в Успенско-Николаевском соборе для совершения молебна об исцелении от алкоголизма. Каждый год, 9 мая, им предлагалось продлить свое членство [21, С. 388–389].

Вонифатьевское Общество трезвости в с. Паники было открыто 25 марта 1909 г. при Богородицко-Никитской церкви Обоянского уезда благодаря усилиям священника о. Владимира Попова. В 1911 году в нем состояло 60 членов. В этом же году крестьяне с. Паники приняли решение отменить обычай угощения водкой в день храмового праздника 14 марта [12, С. 116].

Устав Курского Иоасафовского Общества трезвости был утвержден 2 мая 1914 года [18, С. 193]. Главной его целью объявлялось «содействовать уменьшению употребления водки, вина и пива среди народа и сокращению чрез то пьянства, от которого происходят вред здоровью, ущерб благосостоянию, развращение нравственности, семейные ссоры, вражда и обиды, а в конце всего и пагуба для души...», а также утверждение среди населения «трезвых христианских взглядов на жизнь и к организации всякого добра в жизни» [18, § 2]. Эффективными средствами для ее достижения Общество считало следующие:

- 1) беседы о вреде пьянства;
- 2) народные чтения со световыми картинами;
- 3) раздача листков и брошюр о вреде пьянства;
- 4) устройство общенародного пения и паломничество к святым местам;
- 5) организация музея и выставок, проповедующих идеи трезвости;
- 6) открытие читален, чайных, столовых и буфетов без хмельных напитков;
 - 7) устройство кассы взаимопомощи или мелкого кредита;
 - 8) организация трезвых артелей мастеров портных, сапожников;
- 9) устройство «невинных развлечений» елки для детей членов Общества, семейных вечеров и концертов;
 - 10) открытие специальной трезвенной библиотеки при Обществе;
- 11) устройство приюта-лечебницы для алкоголиков [20, С. 667–668].

Ставя столь обширные задачи, являясь «Епархиальным», Курское Иоасафовское общество трезвости стремилось быть примерным для обществ трезвости по всей Епархии, давать справки и указания на запросы из епархии через епархиальные ведомости [18, С. 293].

Членами данного Общества могли стать лица обоего пола, достигшие церковного совершеннолетия. Особенно охотно принимались непьющие лица, которые могли служить примером для пьющих. Не допускались в качестве членов виноторговцы и владельцы винокурен. Члены Общества делились на почетных, действительных и соревнователей. Почетные члены избирались общим собранием Общества из лиц, сделавших значительные пожертвования в его пользу. Действительными членами считались лица, взявшие на себя обязанность безусловной трезвости и платившие членские взносы по 5 копеек ежемесячно или 50 копеек ежегодно. Очень бедные могли вступать в члены Общества и без членского взноса с разрешения большинства голосов Комитета Общества. Действительные члены Общества трезвости обязаны были воздерживаться от употребления спиртных напитков, а также от угощения ими других лиц. Разрешалось только употребление вина по предписанию врача, после Причастия, вступающим в брак во время венчания. Соревнователями считались лица, которые не принимали на себя обета безусловной трезвости, но помогали Обществу материально. Они не имели права голоса в Обществе, так как оно основывалось «не на материальных началах, а на нравственном подвиге личной воли каждого трезвенника» [18, С. 293–300].

Каждому члену Общества «в постоянное назидание» выдавались икона Св. Иоасафа, Св. Евангелие, книжка о вреде пьянства и пользе воздержания и устав Общества. После чего в книгу Общества трезвости заносились личные данные вновь вступившего в него члена. В случае нарушения членом Общества обета трезвости Устав Общества предусматривал применение к нему «исключительно нравственных» мер: просьбы, убеждения, увещания, молитвы. В случае явной неисправимости данное лицо могло быть исключено из Общества по постановлению комитета. Однако возможно было повторное принятие через три месяца после этого при условии искреннего раскаяния.

Кроме личного примера и увещевания взрослых, члены Иоасафовского Общества трезвости должны были обратить особенное внимание на несовершеннолетних: учить их не брать пример с взрослых, объяснять родителям, что нельзя посылать своих детей за вином и развивать в них пороки. При этом «с больным недугом пьянства» члены Общества должны были иметь «ласковое обращение, вместо обидного грубого и пренебрежительного».

На практике деятельность обществ трезвости сводилась главным образом к пропаганде идей трезвости, устройстве для этой цели публичных чтений с раздачей брошюр и листков, указывающих на последствия потребления алкоголя. Так, Курское Епархиальное Иоасафовское Общество трезвости распространяло световые картины для публичных чтений, на которых изображались 17 эпилептиков из Курского приюта Царицы Небесной, а также тематические картины, иллюстрирующие вред «винопития», например, «Алкоголь и успешность в учении», «Алкоголь и чахотка». Кроме того, Общество предлагало к распространению открытки «Плоды винопития» [15, С. 105–106], листки «К тайным продавцам водки», «Обращение митрополита Петербургского Владимира к женщинам», «Поучение против пьянства» [17, С. 213].

Распространению подлежали также ряд изданий. Например, в 1914 году Архиепископ Курский и Обоянский Стефан рекомендовал духовенству приходов, где были общества трезвости обратить внимание на журнал «Отрезвление» [16, С. 155–157]. Данный журнал издавался еженедельно в Санкт-Петербурге с 1 марта 1914 года. Его целью было «отрезвление и оздоровление народа путем воспитательного воздействия на него» [16, С. 158]. Журнал выпускался в виде отдельных книжек и листков. Всего в год выходило 200 книжек по 16–50 страниц, 500 листков, 24 раскрашенные картинки. Книжки и листки были прочиллюстрированы. Редакторы ставили своей задачей общедоступность изложения материала. Журнал содержал религиозно-нравственные, исторические, военные, патриотические, бытовые статьи и рассказы, статьи по сельскому хозяйству, артельному делу, ремеслам, промыслам, противоалкогольные, врачебные, правовые и др.

Просвещение народа считалось одной из приоритетных задач. Отмечалось, что «Многие пребывают в таком невежестве, что думают, что пить — это здорово, а молодежь думает, что это молодежество, геройство» [17, C. 212].

Священник Н. Сергеев, член Курского епархиального Иоасафовского Общества трезвости, отмечал, что работа эта не должна быть механической. Нужно на население воздействовать нравственными мерами, «...воздействовать на ум, сердце и волю, будить народное сознание, обращать внимание народа на страшные физические и нравственные язвы, происходящие от алкоголизма, воспитывать молодое поколение в любви к трезвому образу жизни» [20, С. 669].

Главная же причина пьянства виделась духовенству в низком религиозном и нравственном уровне народа. Поэтому требовалось решить более сложную задачу — отрезвить «мысли, чувства и отношения» [20, С. 669].

В ходе просвещения проводились также массовые мероприятия. Так, 8 и 9 апреля 1914 г. в Курской губернии по инициативе Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников был организован «Праздник трезвости». В ходе праздника в Курске был проведен молебен перед Знаменским собором, крестный ход до Московских ворот, по городу были развешены тематические плакаты, проводились денежные сборы на создание библиотеки Курского Иоасафовского общества. В г. Обояни были проведены противоалкогольные чтения [3, Л. 1, 31].

Средства обществ трезвости составляли, как правило, членские взносы, пожертвования, сборы в церквях в Праздники трезвости, от платных лекций, из доходов каких-нибудь предприятий Общества [18, § 13].

По мере развития данной деятельности, стали звучать призывы со стороны священников к объединению усилий всех обществ трезвости

епархии, округов и благочиний, о необходимости включения в программу благочинических миссионерских съездов вопросов о борьбе с пьянством, поскольку это «... дело спасения миллиона жизней отдельных личностей и целых семей» [19, С. 647–648].

Духовенство также предлагало принимать ряд иных мер для борьбы с пьянством: уменьшить число винных лавок, искоренить тайную продажу вина, подавать личный пример [17, С. 211]. Особо отмечалось, что духовенство не должно участвовать в общественных попойках [17, С. 337].

В целом, положительно оценивая деятельность духовенства, которая была связана с воспитанием и просвещением населения, отметим, что, несмотря на их активную работу, уровень пьянства населения Курской губернии оставался неизменным. В начале Первой мировой войны деятельность обществ трезвости в силу более важных проблем отошла на второй план, тогда же произошло снижение пьянства и уровня смертности от этого «народного» недуга.

Источники и литература:

- 1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 411.
 - 2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 684.
 - 3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8331.
 - 4. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8707.
 - 5. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8736.
 - 6. Обзор Курской губернии за 1890 г. Курск, 1891.
 - 7. Обзор Курской губернии за 1900 г. Курск, 1901.
 - 8. Обзор Курской губернии за 1906 г. Курск, 1907.
 - 9. Обзор Курской губернии за 1907 г. Курск, 1908.
 - 10. Обзор Курской губернии за 1908 г. Курск, 1909.
 - 11. Обзор Курской губернии за 1910 г. Курск, 1911.
 - 12. Обзор Курской губернии за 1911 г. Курск, 1912.
 - 13. Обзор Курской губернии за 1914 г. Курск, 1915.
 - 14. Обзор Курской губернии за 1915 г. Курск, 1916.
 - 15. Курские епархиальные ведомости. 1914. № 9.
 - 16. Курские епархиальные ведомости. 1914. № 11.
 - 17. Курские епархиальные ведомости. 1914. № 15–16.
 - 18. Курские епархиальные ведомости. 1914. № 21.
 - 19. Курские епархиальные ведомости. 1914. № 31.
 - 20. Курские епархиальные ведомости. 1914. № 32.
 - 21. Курские епархиальные ведомости. 1915. № 22.
- 22. Косихина И.Г. Курск во второй половине XVIII начале XX вв. // Люби и знай свой Курский край: Уч. пос. Курск, 2007.
- 23. Цит. по: Медведская Л.А. Некоторые странички из истории Курского края второй половины XIX в. (По воспоминаниям профессора И.И. Чистякова) // Курск (Документы. Воспоминания. Статьи) / отв. ред. и сост. А.Ю. Друговская. Курск, 1997.

А.В. Хмелевской

ПРОЯВЛЕНИЕ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ПРЕДПРИТИЯХ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ г. КУРСКА

В исторической науке на сегодняшний день наблюдается возобновление интереса к истории отраслей промышленности советского периода.

Легкая промышленность на протяжении данного периода времени являлась одной из важнейших составляющих хозяйства страны. Производство одежды и обуви, важнейшего «социального» продукта, имело в СССР огромное идеологическое значение, являясь одним из индикаторов уровня жизни населения.

Для Курского края легкая промышленность оставалась ведущей отраслью. В «Курской правде» № 224 от 04.10.1923 г. работник кожевенного завода пишет: «...Наш завод, кожевенный, верстах трех от города, торопимся на работу. Завод одно из крупных производств в губернии. До 300 рабочих. Выделывается 20 000 шт. кож в месяц. За поднятие производительности завод получил Красное знамя...» [3, С. 3]. В статье посвященной конференции швейников: «...Из отчетов тов. Гельбсмана о состоянии швейной фабрики выяснился несомненный рост швейной промышленности в губернии. За два года фабрика выросла в несколько раз, как по количеству занятых рабочих, так и по величине оборота...» [4, С. 3].

Легкая промышленность одна из первых, в истории Курской области поддержала стахановское движение.

Предметом нашего исследования являются отдельные исторические факты проявления стахановского движения на предприятиях легкой (швейной, трикотажной, обувной) промышленности в Курской области.

Стахановское движение зародилось 31 августа 1935 г., благодаря трудовым достижениям шахтера А. Стаханов. 14–17 ноября 1935 г. прошло первое Всесоюзное совещание стахановцев, при участии 3 000 человек. Подводились первые итоги и охарактеризовано большое значение стахановского движения для ускорения реконструкции народного хозяйства СССР. На Пленуме ЦК ВКП(б) (декабрь 1935 г.) был поднят вопрос о состоянии промышленности СССР. Были выслушаны доклады народных комиссаров о движении стахановцев в различных отраслях промышленности. Секретарями партийных организаций и представителями профсоюзов, комсомола фабрик и заводов, были названы имена передовиков производства.

Пленум установил, что «стахановское движение пробуждает культурно-технический уровень рабочего класса, разрушает устаревшие технические нормы, обеспечивает быстрый рост производства предметов потребления и их удешевление повышает производительность труда в передовых капиталистических странах, обеспечивает превращение нашей страны в наиболее зажиточную страну и укрепляет, таким образом, позиции социализма во всемирном масштабе» [2, С. 379–380].

В феврале 1936 г. Политбюро ЦК ВКП (б) подняло вопрос об освещении в печати социалистического соревнования — стахановского движения. Стоит отметить, что в некоторых газетах не сообщали, а в отдельных случаях и искажали смысл социалистического соревнования как способа коммунистического строительства. По этому случаю, политбюро приняло соответствующее решение. Его содержание раскрывала статья, опубликованная в марте 1936 г. в журнале ЦК ВКП(б) «Партийное строительство». В ней говорилось о том, что нельзя подменять «соцсоревнования» понятиями «производственный поход» или «конкурс», так как это противоречит смыслу и значению самой идеи. «Только повседневным большевистским руководством, повседневной работой в массах, каждая парторганизация сумеет выполнить указания Центрального комитета партии о развертывании соревнования внутри предприятий, между предприятиями, между отраслями промышленности, между краями, областями и республиками» [2, С. 383].

Стахановское движение, получившее широкое распространение практически во всех отраслях советской промышленности, развивалось и в легкой промышленности Курской области, где появлялись свои герои-стахановцы, добивавшиеся заметных трудовых результатов.

Статья «Работа промышленности области во 2-ой декаде апреля»: «...Большинство предприятий областного управления легкой промышленности работало успешно. Курский кожевенный завод выполнил программы на 140,2 %, Курская швейная фабрика №1 на 137,6 %. Перевыполнили также программу обувные фабрики № 1 и № 2, Кожевенно-галантерейные фабрики № 2 и № 4, Белгородская, Щебекинская и Старооскольская швейные мастерские и Трикотажная фабрика № 2 [5, С. 1].

Согласно архивным данным за 1946 г. промышленность г. Курска дала продукции сверх плана на 2 960,6 тыс. рублей. Годовой план перевыполнили 33 государственных предприятий и 16 артелей промысловой кооперации и кооперации инвалидов. К числу перевыполнивших план предприятий относились: Кожзавод им. Серегина (124,7 %), Обувная фабрика № 2 (121,7 %), Трикотажная фабрика (159,1 %), Артель Парижская коммуна (105,0 %) [1, Π . 2].

К предприятиям, на которых нормы выработки перевыполнялись большинством рабочих, относилась Обувная фабрика № 2-67 из 75 рабочих сдельщиков превысили норму от 101,0 до 300,0 %. Рабочие кожгалантерейной фабрики (75 чел.) все перевыполнили норму [1, Л. 5].

«...Швейное производство Курского промкомбината в первом квартале выполнило полугодовую производственную программу. Одна из лучших стахановок цеха массового пошива комсомолка Валя Алферова, выполняющая более двух норм...» [6, С. 2]

Из статьи «Большой успех курских кожевников»: «...Вчера на Курском заводе им. Серегина была получена телеграмма из Москвы: Центральный комитет профсоюза работников текстильной и легкой промышленности поздравляет коллектив с присуждением ему по итогам третьего квартала третьей премии во Всесоюзном социалистическом соревновании. Это большая победа курских кожевников, которые из месяца в месяц значительно перевыполняют государственный план, наращивают выпуск продукции. Десятимесячное задание выполнено уже 23 октября...» [7, С. 2].

Повышению стахановского движения способствовало приближение XX съезда КПСС (14-25 февраля 1956 г.): «...Соревнуясь за достойную встречу XX съезда партии, швея-мотористка Курской трикотажной фабрики Т. Локтионова ежедневно выполняет норму на 150,0-160,0 %...» [8, С. 1]; «...Коллектив Глушковской тонко-суконной фабрики на декаду раньше выполнил полугодовое задание. Высоких результатов добивается Ольга Мотренко. 20 лет она работает на ткацких быстроходных станках, выпускает продукцию отличного качества...» [9, С. 2]; «...В социалистическом соревновании в честь XX съезда КПСС одна из лучших работниц Курской обувной фабрики Антонина Сапыцких ежедневно выполняет норму на 150,0–170,0 %...» [10, С. 1]; «...Активно участвуя в предоктябрьском социалистическом соревновании, швея-бортовщица Курской трикотажной фабрики выполняет нормы на 160,0-180,0 %. Довести выработку до двух норм в смену – вот цель, которую поставила себе передовая производительница... Проработав на фабрике 9 лет, Р. Еськова, хорошо изучила свое дело. Накопленный опыт она охотно передает новичкам. Ее ученицы Меркулова и Сафонова также выполняют не менее полутора норм в смену...» [11, С. 3]; «...Комсомолка Римма Рогулина одна из лучших работников обувной фабрики, ей ежедневная выработка составляет 135,0-140,0 % нормы. Каждый месяц Рогулина экономит до 1 600 квадратных дециметров кожи...» [12, С. 3].

В статье «Шире разных социалистических соревнований за досрочное выполнение плана»: «...Более двух тысяч рабочих, инженернотехнических работников и служащих Курской обувной фабрики собрались вчера на митинге, посвященного обсуждению Обращения пленума Центрального комитета КПСС по всем трудящихся Советского союза. Рабочие горячо одобрили призыв Коммунистической партии и все новые повышенные обязательства...». В этом же выпуске «На достигнутом не остановимся» (Об обувной фабрике № 1): «...Наша фабрика досрочно выполнила производственную программу первого полугодия, выпустили более 19 000 пар обуви сверхпланово. В этом году у нас внедрено в производство 20 новых моделей обуви. По сравнению с прошлым годом на многих потоках улучшилось качество продукции, растет производительность труда. Мы ежедневно выполняем нормы на 130,0−150,0 % выпускаемая продукция хорошего качества...» [13, С. 1]; «...Коммунистка Валя Чернышева только год работает в раскройном цехе Курской обувной фабрики, но своей профессией овладела она хорошо. Ежедневно выполняет норму на 125,0 % в мае и июне она сберегла более 2 000 квадратных дециметром материала...» [14, С. 3].

Но стоит отметить, что вместе с всплеском трудового энтузиазма было много формализма. В некоторых случаях на предприятиях вводили «сплошную стахановизацию» — достижения отдельных рабочих становились нормой для целых коллективов. Но сделать это было практически невозможно, так как стахановцам для рекордных достижений создавали особые условия. Желание «сплошной стахановизации» создало дезорганизацию, лозунгом которой стал: «Пятилетку — в 4 года!».

Но стоит отметить, что стахановцу на производстве создавали «тепличные» условия, обеспечивая его лучшим оборудованием и сырьем. Также он мог перевыполнять нормы и за счет собственных усилий. Однако его смежники часто не могли (по ряду объективных и субъективных причин) воплотить часть труда стахановца в конечный продукта. Результатом являлась диспропорция и резко возросшее количество поломок оборудования.

Сильное расслоение в среде рабочего класса (заработки ударников в 8–10 раз превышали заработки чернорабочих) вело к увеличению напряженности в отношениях между рабочими. Среди них отсутствовало взаимопонимание, что не позволяло им предпринимать какие-либо согласованные действия. У большей части рабочих, которые не получили повышения или не стали ударниками и стахановцами, поводов для недовольства было более чем достаточно.

Источники и литература:

- 1. Государственный архив Курской области. Ф. Р 2868. Оп. 1. Д. 19.
- 2. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. Т. 4. (1921—1937 гг.). М., 1971. 607 с.
 - 3. Курская правда. 1923. 4 окт.
 - 4. Курская правда. 1924. 13 апр.

- 5. Курская правда. 1941. 26 апр.
- 6. Курская правда. 1948. 23 апр.
- 7. Курская правда. 1951. 1 окт.
- 8. Курской правда. 1955. 13 июля.
- 9. Курская правда. 1955. 23 авг.
- 10. Курская правда. 1955. 15 сент.
- 11. Курская правда. 1955. 29 сент.
- 12. Курская правда. 1959. 1 июля.
- 13. Курская правда. 1959. 3 июля.
- 14. Курская правда. 1959. 8 июля.

А.И. Чубаров

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Внезапное нападение японского военно-морского флота 9 февраля 1904 г. на русскую эскадру в Порт-Артуре послужило поводом для начала Русско-японской войны. Население Российской Империи стремилось всеми силами помочь своему государству победить в этом конфликте. По всей стране проводили различные благотворительные мероприятия. Их цель, — изыскание дополнительных средств на разнообразные цели: постройку кораблей для флота, нужды армии и т.д. Отдельное место занимают акции, направленные на привлечение внебюджетных источников финансирования для призрения солдатских семейств, мобилизованных для защиты Отечества и оказания помощи раненым воинам.

Состоявшиеся в Путивле 2 февраля любительские представления пополнили казну Красного Креста на 50 руб., в Тиму – на 36 руб., в Фатеже – почти на 49 руб. В Белгороде 2, 7 и 8 февраля провели любительские спектакли, а 5 февраля маскарад в пользу РОКК. Итогом данных акций явилась сумма в 120 руб. Семейный вечер, проведенный Фатежским пожарным обществом 6 февраля 1904 г., увеличил капитал местного отдела Российского общества Красного Креста (РОКК) на 33 руб. [1, Л. 124, 129, 133].

Суджанский уездный исправник докладывал, что 8 февраля в Мирополье любителями драматического искусства в пользу раненых воинов на Дальнем Востоке поставлено представление, принесшее 16 руб. 5 коп. Благодаря спектаклю, состоявшемуся в Грайвороне 11 июля 1904 г., удалось выручить на нужды местных семей нижних чинов,

призванных на службу, 139 руб. Любительское представление в Судже 28 июля в пользу семейств убитых и раненых на Дальнем Востоке воинов, принесло 74 руб. дохода. В общественном собрании Рыльска 27 июня была проведена лотерея-аллегри. Чистая выручка, составившая 1 538 руб., была передана местному отделению Красного Креста [1, Л. 205, 666, 717, 733–734 об.].

В с. Бурыни Путивльского уезда любительское представление, позволило выручить на призрение семейств убитых и раненых на Дальнем Востоке 200 руб., а в дер. Ольшанка Новооскольского всего лишь 29 руб. В самом Новом Осколе чистый доход составил 127 руб. Почти 103,5 руб. принесло непрофессиональное представление, состоявшееся 15 августа 1904 г. в Щиграх. Вырученные средства потратили на нужды беднейших семейств нижних чинов запаса, мобилизованных из Щигровского уезда. В Белгороде 12 декабря устроили спектакль, позволивший собрать 430 руб. на призрение сирот нижних чинов 31 артиллерийской бригады, расквартированной до начала боевых действий в вышеуказанном городе [1, Л. 778, 805, 846, 939]. А 18 декабря другая любительская постановка, принесла дополнительные 15 руб. на нужды солдаток вышеуказанной воинской части.

В Дмитриеве 28 декабря 1904 г. был проведен концерт, чистый сбор от которого поступил на усиление средств Российского общества Красного Креста. В пользу больных и раненых воинов на Дальнем Востоке собрали 105 руб. В Белгороде 6 января 1905 г. состоялась любительская постановка, собравшая на нужды РОКК 50 руб. Спектакль, поставленный 16 января принес всего лишь 7 руб. на вышеуказанные нужды. Маскарад, проведенный в вышеуказанном городе, 7 января 1905 г., позволил собрать на нужды семейств раненых и убитых защитников Порт-Артура 20 руб. [2, Л. 21, 95, 100, 138].

В Грайвороне 25 февраля провели представление для сбора средств в пользу ослепших на Дальнем Востоке воинов, принесшее 109 руб. выручки. На Ржевско-сахароваренном заводе 19 апреля 1905 г. провели спектакль. Вырученные 58 руб. потратили на нужды семей мобилизованных нижних чинов, уроженцы сел Ржевка и Нежиголь Шебекинской волости Белгородского уезда. Спектакль, состоявшийся в Тимском уезде 26 июня 1905 г., позволил выручить на нужды семей убитых и раненых воинов в войне с Японией 26 руб. [2, Л. 218, 306, 353].

Вышеперечисленные мероприятия устраивали в основном для городских жителей и дворян. Специально для повышения жертвовательной активности сельского населения проводились кружечные сборы, но эти мероприятия проводились разово и не приносили ожидаемого результата. В Госархиве Курской области сохранилось обращение особо уполномоченного по организации сбора пожертвований для оказания помощи раненым и больным воинам на Дальнем Востоке к курскому

губернатору Николаю Николаевичу Гордееву: «Прошу предоставить список тех волостных правлений вверенной вам губернии, где кружечный сбор мог бы быть осуществлен с пользою для преследуемой цели». Согласно нему, земским начальникам, необходимо было выбрать густонаселенные районы для установки в волостных правлениях кружек. Согласно отчетам в Курском уезде было выбрано 6 мест, Белгородском – 9, Грайворонском – 8, Дмитриевском – 13, Корочанском – 6, Льговском – 8, Обоянском – 9, Путивльском – 12, Рыльский – 15, Староосокольский и Суджанский по 12, Тимский – 10, Фатежский – 7, Щигровском – 15. В Главное управление РОКК был направлен запрос на высылку 142 кружек для пожертвований, которые были предоставлены 2 сентября 1904 г. В Новооскольском уезде уже были установлены кружки [3, Л. 1, 86–87 об., 99].

Заметим, что данных о денежных средствах, собранных вышеприведенным способом обнаружено мало. Приведем лишь некоторые из них. Из кружек, установленных в Радьковском и Подалешанском волостных правлениях Корочанского уезда было вынуто 24 руб. 28 коп. Курским уездным съездом были вскрыты 2 кружки, в которых находилось 71,5 руб. [3, Л. 115, 123, 126]. Стоит отметить, что вышеперечисленные благотворительные акции не всегда приносили доход. Так, 2 спектакля, проведенные в Белгороде 26 и 27 февраля 1905 г., доставили убыток в 23 руб. [2, Л. 224].

В Курской губернии существовала своя специфика при сборе денежных средств: пожертвования для нужд больных и раненых собирали на всей территории, деньги для поддержания семейств мобилизованных нижних чинов, — в уездах же после проведения частичной мобилизации.

Таким образом, главная цель данных мероприятий — привлечение дополнительных источников финансирования для нужд, вызванных тяготами войны. Ведь государственных ассигнований зачастую оказывалось недостаточно, либо же их перечисляли с задержкой. Средства собирали на определенные цели, о которых население оповещали заранее, в т. ч. при помощи афиш, на которых типографским способом, писали например «В пользу семей убитых и раненых воинов», «В пользу семейств нижних чинов Грайворонского уезда, призванных в ряды войск», «В пользу воинов, ослепших на Дальнем Востоке» [2, Л. 58, 203, 477], но встречаются надписи подобного рода, сделанные от руки.

Источники и литература:

- 1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7390.
 - 2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7391.
 - 3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7428.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КУРСКОГО КРАЯ

Л.В. Палий

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО САДОВОГО ХОЗЯЙСТВА В УЕЗДНЫХ ЦЕНТРАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ Г. СТАРЫЙ ОСКОЛ)

Несмотря на солидный период существования городской садовопарковой инфраструктуры в губернском центре, а время ее появления согласно архивным данным мы можем отнести к первой половине XIX столетия, появление большинства общественных садов и скверов в уездных городах Курской губернии следует относить к периоду конца 70-х – начала 80-х годов позапрошлого века.

Анализируя сведения по истории садового хозяйства уездных городов, необходимо отметить, что в некоторых из них процесс развития происходил практически по одной программе. Устроенный во второй половине, а иногда и в последние годы XIX века общественный сад или сквер долгое время существовал в ведении городского управления. Как правило, из-за практически повсеместной стесненности в бюджетных средствах, благоустройство таких зеленых объектов был минимально, зачастую ограничивалось поддержанием чистоты и уходом за растительностью. И лишь в конце 90-х годов XIX века, а иногда и позднее уже в первом десятилетии XX столетия, попадая в сферу интересов и активной деятельности местных общественных организаций, темпы развития инфраструктуры садового хозяйства таких уездных городов значительно ускоряются.

Документальные материалы, отражающие процесс развития садового хозяйства на рубеже XIX–XX веков позволяют уже не только констатировать факт существования садов и скверов, сдачи их в арендное содержание или строительства того или иного объекта на их территории. Многие из них дают возможность проанализировать специфику взаимоотношений сторон арендного соглашения. Добавим, что во многом решающую роль в дальнейшем развитии садово-парковой культуры в вышеперечисленных городах сыграло усиление интереса к ней со стороны местных общественных организаций, как к сфере активной коммерческой, благотворительной, развлекательной, просветительской

деятельности. Такой процесс был повсеместным. Но если в Курске взаимодействие двух сторон, удалось построить на конструктивной основе, а возникавшие мелкие конфликты не мешали прочному, а главное долговременному сотрудничеству, то в уездных городах не редки были ситуации, когда общего языка найти не удавалось. Для сравнения курские организации в случае серьезных разногласий всегда имели несколько вариантов: нанять сад — если не у города так у земства, если не у земства так у частного лица. В уездах, поскольку здесь объект арендных отношений зачастую был представлен в единственном экземпляре, в такой ситуации выход был только один — арендовать частное владение.

Именно такое положение сложилось к рубежу веков в Старом Осколе. В этом уездном центре городское управление еще в 80-е годы передало, находившийся в его собственности сквер в долгосрочное безвозмездное пользование общественной организации. Двенадцатилетний срок соглашения, считая с 1884, истекал в 1896 году и информация о том, что договор был продлен, на сегодняшний день отсутствует. Можно только предполагать, как развивались события в последующие четыре года.

Материалы, относящиеся к рубежу столетий, свидетельствуют о том, что намерение арендовать городской сквер существовало и со стороны старооскольского Общественного собрания. Достоверно известно, что переговоры по этому вопросу велись в 1900 году [7, Л. 10]. Из опыта аналогичных взаимоотношений между сторонами арендного соглашения в других городах, известно, что даже если сад сдавался несколько раз одному и тому же человеку или организации, на небольшой срок, например на два-три года, то по его окончании переговоры каждый раз возобновлялись как бы заново. Поэтому нельзя не допускать вероятность того, что Общественное собрание могло арендовать сад и в конце 90-х годов XIX века. Без дополнительной информации пока не ясно подтверждает или опровергает данное предположение факт обсуждения вопроса о постройке павильона в сквере на заседании городской думы 29 апреля 1899 года, так как ни предназначение его, ни что очень важно, на чьи средства предполагалось строить, из текста приговора понять невозможно. С одинаковой долей вероятности это мог быть и просто киоск для продажи минеральных вод или какой-нибудь снеди, и летнее помещение того же Общественного собрания [6, Л. 21].

Так или иначе, но в начале XX века городской сквер оказался в ведении старооскольского Общественного собрания. Надо сказать, что взаимоотношения сторон: города и организации как-то сразу не заладились. Уже упоминавшийся приговор очередного заседания городской думы от 14 января 1900 года был вызван заявлением об изменении арендных условий на сквер. Вопрос был оставлен открытым, а предсе-

дателю Собрания было предложено представить фасад и план предполагаемых построек сквера [7, Л. 10]. Далее очевидно возникли проблемы с оформлением документов санкционировавших эксплуатацию построек. 17 августа 1901 года по решению городских гласных управа вновь должна была получить у администрации Общественного собрания план и фасад уже построенного летнего помещения [8, Л. 43]. Судя по более позднему свидетельству, 17 июля 1901 года здание осматривалось комиссией управы, был составлен акт, по которому либо окончание строительства, либо эксплуатация здания были запрещены [14, Л. 25].

История продолжилась и в следующем году. В январе 1902 года оказалось, что предоставленный Собранием план потеряли и теперь необходима копия для новой детальной проверки постройки [10, Л. 90]. Можно себе представить, как это заявление было встречено в Совете старшин Собрания. Учитывая неспешные темпы рассмотрения таких вопросов в то время, безусловно, оно ставило под сомнение открытие летнего помещения в новом сезоне. Кроме того, не будем забывать, что для того чтобы представить требуемый проект, его фактически приходилось заново создавать. Уже весной, в апреле 1902 года, городские власти вновь продемонстрировали свое нежелание нормализовать отношения с арендатором. Практически накануне открытия сада, Совет старшин получил отказ на просьбу разрешить отделить оградой нижнюю площадку в городском сквере [9, Л. 100]. Наконец, вероятно последней каплей могло стать окончание эпопеи с летним помещением. 20 мая 1902 года на заседании староосколькой думы после сообщения о получении отношения Курского губернского правления с копией проекта, постановили «поручить управе с копии проекта снять копию и затем вопрос этот доложить в следующем очередном собрании думы» [14, Л. 20]. И только через полмесяца, 11 июня практически в разгар летнего сезона проблема была окончательно решена. Общественному собранию предлагали к 1 октября текущего года закончить строительство, согласно плану и акту об осмотре здания 17 Июня 1901 года [14, Л. 25].

Не известно насколько долго Общественное собрание продержалось в таких условиях в качестве арендатора городского сквера. Если предположить, что договор в 1900 году был заключен на трехлетний срок, то до 1903 года. Но уже рапорт уездного исправника косвенно свидетельствовал, что в 1904 году это сотрудничество прекратилось [1, Л. 4]. Анализируя ежегодные сведения о театральных постановках в летнем помещении Общественного собрания, мы столкнулись, казалось бы, с некоторой неувязкой, исправник везде сообщал, что оно нанято на десять лет [1, Л. 4; 2, Л. 21; 3, Л. 14]. Но в случае если бы Собрание оставалось в городском сквере, ему незачем было нанимать то, что по-

строено на его собственные средства и только после окончания срока аренды передавалось в пользу города.

Возникшую путаницу помог устранить более поздний источник. В 1912 году Совет старшин в лице своего председателя Ивана Ивановича Гусарева возбудил перед губернскими властями ходатайство об утверждении проекта устройства на открытой сцене сада электротеатра [12, Л. 1]. Из содержания этого документа и выяснилось, что Общественное собрание с 1904 года арендовало усадьбу купца Переверзева, располагавшуюся на Белгородской улице [12, Л. 1, 3]. Надо сказать, что по выполнении всех формальных и неформальных действий разрешение на электротеатр, который к тому времени уже был устроен, благополучно получили к октябрю 1912 года. Вероятно, со следующего сезона посетители сада имели возможность пользоваться этой технической новинкой [12, Л. 1-22]. Таким образом, в 1904 году контракт с частным арендодателем оказался наиболее приемлемой альтернативой, позволившей Общественному собранию успешно продолжать свою деятельность в сфере городского садового хозяйства и играть не последнюю роль в социокультурной жизни города.

Архивные материалы не дают нам точного ответа, насколько быстро наладила свои дела и другая сторона неудавшегося сотрудничества. Сведений о том, что происходило с городским сквером с 1906 по 1910 год на сегодняшний день не обнаружено. Возможно, что Старооскольской городской управе удалось найти на это время нового арендатора. Достоверно известно, что, по крайней мере, с 1910 года, а предположительно и несколькими годами ранее у сада Общественного собрания появился серьезный конкурент в виде сквера, арендовавшегося Коммерческим собранием [11, Л. 1]. Последнее весьма обстоятельно подошло к решению вопроса о благоустройстве сада. Так уже в том же 1910 году был построен летний театр. В документах, посвященных этому факту, попутно выяснились и некоторые условия арендного договора, безоговорочно принятые городом. Первоначально сад арендовался с 1910 года на шесть лет, теперь же Собрание просило увеличить срок до двенадцати [11, Л. 2]. Кроме того, организация выговаривала себе более выгодные условия страховки построек [11, Л. 2].

И вышеприведенные сведения, и тот факт, что театр был готов и принят к эксплуатации к 11 июля 1910 года [11, Л. 6, 9, 16], убедительно свидетельствуют, что администрация Коммерческого собрания сумела правильно скоординировать свои взаимоотношения с городскими властями, вывести их на более конструктивный уровень. Подтверждением этому являются и дальнейшие события, известные нам из разных источников.

В 1912 году буквально одновременно с Общественным собранием Коммерческое собрание подало прошение о строительстве биографа

(синематографа) [13, Л. 1]. И опять же темпы работы были настолько ускорены, что уже в начале сезона, а именно 8 июня, объект был полностью готов к эксплуатации [13, Л. 2, 8, 10, 13].

Кроме того, посетителям Коммерческого сада предоставляла свои услуги и фотография. Все в том же 1912 году содержатели фотографического заведения, в Старом Осколе, располагавшегося на Белгородской улице, мещане братья Василий и Евграф Петровичи Никитины получили разрешение губернских властей открыть здесь временное фотографическое отделение [4, Л. 1–7].

Судя по размаху в сфере благоустройства и обеспечения функционирования общественных садов Старого Оскола дела и у одного, и у другого Собрания шли успешно. В силу своих особенностей официальные документы, на основе которых преимущественно приходится судить о жизнедеятельности уездных садов и скверов, редко содержат в себе информацию об их повседневной действительности, о том, как же горожане оценивали ее. Поэтому можно считать редким везением, если такие сведения все же удается найти. И даже если свидетельство оказывается негативным и не слишком лестным для содержателей сада, оно все равно является весьма ценным источником для нашего исследования. Так, например, вот что писал в мае 1914 года председатель старооскольского отдела Союза Русских людей протоиерей Александр Иванов в своем прошении на имя Курского губернатора: «Начиная с 1-го мая и кончая сентябрем в двух наших садах – Коммерческом и Общественном ежедневно, не исключая канунов воскресных и праздничных дней, под звуки музыки происходит общественное гулянье, сопровождаемое нередко крикливыми и заманчивыми выступлениями куплетистов, эквилибристов и прочих странствующих артистов» [5, Л. 6-7]. Далее корреспондент высказывал опасения о вредном влиянии садовых развлечений на моральный облик молодежи [5, Л. 6-7]. Не имея точного представления о характере программ устраиваемых гуляний, сложно судить насколько протоиерей Иванов был прав в своем беспокойстве. Очевидно одно, что в конкретном вопросе о запрещении гуляний, он совершенно напрасно искал помощи у официальных властей, поскольку с точки зрения законности таковые были запрещены лишь в строго определенные дни. Самовольно расширять этот список никто не имел права [5, Л. 10].

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, отметим, что практически сформировавшееся к середине 90-х годов XIX века городское садовое хозяйство заняло прочное место в инфраструктуре Старого Оскола. Сады стали сферой активных правовых и экономических взаимоотношений, возникавших между городскими властями с одной стороны и частными лицами или общественными организациями с другой. Существовавшее на тот момент законодательство давало местному са-

моуправлению широкие возможности и полномочия для создания и дальнейшего распоряжения уже имевшимися в их собственности объектами садово-паркового хозяйства. Наиболее оптимальной формой этого взаимодействия была аренда, которая позволяла не только превратить сады в прибыльную статью городского бюджета, но и способствовала их благоустройству и функционированию в качестве общественных и культурных центров города.

Источники и литература:

- 1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7511.
 - 2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7738.
 - 3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7767.
 - 4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8207.
 - 5. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8641.
 - 6. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 7838.
 - 7. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9325.
 - 8. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9768.
 - 9. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 10238.
 - 10. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 10236.
 - 11. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 14937.
 - 12. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 15830.
 - 13. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 15846.
 - 14. ГАКО. Ф. 33. Оп. 31. Д. 668.

Е.В. Холодова

ЦЕРКОВНАЯ ЛЕТОПИСЬ СЕЛА КОСТРОВА

I. Исторические сведения

Село Кострова Рыльского района Курской области бывшего Рыльского уезда или Рыльского стана Курской губернии одно из старинных поселений Курского края. Расположено на равнинном просторе среди полей и малых перелесков в северо-западной части Рыльского района в полутора километрах к западу от трассы Рыльск-Хомутовка.

Первые упоминания о селе и деревянной Борисо-Глебской церкви восходят к первой половине XVII в. В документальных источниках встречается написание местности через «о» — Кострова или через «а» — Кастрова и Кастрово, но чаще первое, соответствующее современному наименованию.

Село расположено вдоль речки Костровки (или через «а» — Кастровки) от гидронима которой и происходит в своём историческом названии. Предположительно происхождение гидронима от русского слова «костра» — сорная трава, трава метлика в изобилии произрастающем по склонам реки [3].

Костровка имеет протяжённость не более километра, направления с юго-востока на северо-запад и впадает в реку Амоньку (по др. данным Амонь). Сегодня русло Костровки частью пересохло и сильно заболочено. Её пойма представляет собой глубокий лог с пологими и крутыми (до десяти и более метров) живописными склонами и плоским дном. К бывшему руслу речки примыкают с каждой из сторон заросшие пологие ложбины.

Село имеет исторически сложившуюся Т-образную планировочную основу, где двусторонняя и односторонняя жилая историческая застройка сложилась в западно-восточном направлении вдоль дороги у реки Костровки и в северо-южном направлении у дороги ведущий в Рыльск [2]. Изначально застройка представляла собой усадебные наделы бывших государственных и крепостных крестьян, обособленно стоящих и отличающихся более развитым двором с постройками усадеб местных помещиков [15, 16, 17]. Наиболее крупной и планировочно развитой из них являлась усадьба дворян Кусаковых, расположенной у восточного въезда в село, на дамбе образовавшей пруд у истока речки Костровки, который хорошо читается и сегодня.

Т-образный трёхсторонний прямоугольный перекрёсток дорог, смещенный к восточной окраине села, организует перспективы трёх направлений замкнутых на монументальной доминанте Владимирского храма (1781 г.), раскрывающегося в обширном пространстве церковной территории и бывшего кладбища. Храм пострадал от времени и сегодня представляет собой руинированое здание.

История строительства храмов в Кострове восходит к началу XVII в. По документальным источникам известно строительство на святом церковном месте, по меньшей мере, трёх деревянных предшественников сохранившегося каменного храма.

Первоначальная деревянная костровская церковь с престолом в честь святых благоверных князей Бориса и Глеба существовала уже в первой половине XVII в. В середине XVII в. Борисоглебский храм числился в числе других церквей Рыльской десятины «потерпевших разорение от крымских людей с которых... дань за 7154–7158 (1646–1650) годы имать не велено» [6]. Видимо здание храма пострадало, и церковные службы в этот период не проводились.

Известные нам немногие источники доносят имена первых церковнослужителей Костровы. В 1652 г. в документах «отмечено: в прошлом 7159 (1651) г. дек. в день по государеву пат-ву указу с той церкви

дань велено имать вволы до тех мест пока место у той церкви поп будет и июня в 3 день той дани половина 17 алт. 3 д., десятил. и заезда 5 алт. взято, платил староста поп Семен» [6].

В 1652 г. духовной властью была дана «благослови́тельная храмозданная» грамота на строительство нового деревянного храма в Кострове, который и освятили в престольный праздник. В документе записано: «7160 (1652) июня 21 запечатана благосл. грамота в с. Кострово на два престола Бориса и Глеба да Федора Стратилата, пошлин 2 гривны, припись дьяка Федора Торопова» [6].

Новый Боисо-Глебский храм с престолом великомученика Фёдора Стратилата просуществовал ещё пол века о чем встречаются записи на сборы пошлины. «7162 (1654) г. – дани 24 алт. заезда гривна» [6]. «7202 (1694) г. – июля 12 по указу свят. Пат-ха и помете на выписке казначея старца Паисия Сийского прибавлено на сию церковь дани по памяти какова прислана из Поместного приказу в Казенный приказ за приписью дьяка Дмитрия Федорова в февр. 1 день нынешнего 7202 г. пашни церковной с 20 чети в поле, 10 алт. и те деньги со старым окладом иметь с нынешнего 7202 г. и в авг. в 14 день те деньги и с прибавочным окладом на нынешний 7202 г. взяты платил сын его старостин Ивашка Васильев» [6].

К началу XVIII в. здание храма требовало возобновления. И в 1700 г. была построена новая Борисоглебская церковь. «7208 (1700) г. мая 17 по благословенной грамоте выдан антиминс в с. Кострову в новостроенную церковь князей Бориса и Глеба, нареченных во свят. крещении Романа и Давыда, а взял антиминс тоя ж церкви поп Яков Иванов» [6].

Этот храм просуществовал недолго и к 1731 г. в Кострове по документам известна уже новая деревянная церковь в честь Владимирской Иконы Божией Матери. «1731 г. февраля 18 дня дана первая патрахельная память подгородного стана с. Кострова ц-ви Владимирская Пр. Б. да придел благов. кн. Бориса и Глеба, вдовому попу Якову Иванову на 2 года, пошлин по 5 алт. на год» [6]. Священник Яков Иванов служил в Кострове более тридцати лет. Значится он и в летописях 1734 г. [4]. На следующие полвека документы раскрывающие церковную жизнь прихода в Кострове отсутствуют.

В 1781 г. в Кострове «тщанием вдовы генерал-майора Анны Григорьевны Полянской» построена новая Владимирская церковь. В Клировой ведомости обозначено: «...здание каменное, с такой же колокольней, «особо устроенной». Храм трехпрестольный: престолы освещены в честь Владимирской Иконы Божией Матери, в память Успения св. пр. Анны и в честь св. Бориса и Глеба» [14]. Это здание храма в полуразрушенном виде дошло до наших дней.

О судьбе благоустроительницы храма нет данных, но известно, что Полянские были крупными и влиятельными землевладельцами последней четверти XVIII в. Так, на 1784 г. секунд майор Пётр Петрович Полянской значился предводителем дворянства Рыльской округи [12, С. 60].

В эти времена, когда строительство велось преимущественно из дерева, каменных храмов было единицы. Так по данным на 1784 г. в Рыльской округе существовало 212 селений, 49 церквей и из них каменных — 3: в сёлах Ржава (1756 г.), Кострова (1781 г.) и Мухино (1784 г.) [12].

Приведём сведения из «Топографического описания Курского наместничества...» за 1784 г.: «Кострово село состоит от уездного города в 9 верстах. Дворов крестьянских 111, в них душ: за исключением хутора Кулешева ротмистра Михаилы Кусакова пятнадцати душ остается действительной статской советницы Анны Григорьевой дочери Полянской – 224, подпоручика Михайлы Петрова сына Стремоухова – 8, вдовы порутчицы Прасковьи Ивановой дочери Стремоуховой – 9, ротмистра Михайлы Петрова сына Кусакова – 10, жены ево Ирины – 6, прапорщика Назара Назарьева сына Кректушева – 3. Итого 111 дворов, 280 душ. Дровяного лесу 20 десятин, селитебного 700 древ, ржи 330 десятин 330 четвертей, пшеницы 10 десятин 10 четвертей, овса 150 десятин 300 четвертей, гречи 160 десятин 160 четвертей, проса 6 десятин 6 четвертей, гороху 10 десятин 10 четвертей, семя конопляного 8 десятин 8 четвертей, семя аллейного 5 десятин 4 четвертей. Селением лежит при вершине речки Костровки, которая протяжением на 1 версту впадает в реку Амонь. Во оном селе церковь каменная во имя Владимирския Пресвятыя Богородицы, при которой священно церковно служительских дворов два, в них душ пять да означенных помещиков шесть домов деревянных, в коих жительствуют они сами. При оном селе помещика Матвея Кусакова с товарищи мельница о двух мучных поставах да кузниц две. Лес состоит при оном селении и принадлежит вышеописанным помещикам» [11].

На протяжении не менее века в Кострове Рыльского уезда Курской губернии значилось не менее шести усадеб помещиков с их постоянным местожительством. Всего по летописным источникам второй половине XIX – начале XX вв. есть следующие данные о землевладельцах Костровы.

В документах о «Распределении помещичьих имений по волостям временно обязанных крестьян...» число душ по 9-й ревизии — 1859 г. в «селе Кострово Рыльского у.: Кректышев Григорий — 4 души; Кусаковы — 90 душ; Логофет Клеопатра — 36 душ; Савичева Юлия — 138 душ» [9].

В «...описании помещичьих имений Курской губернии в 100 душ и свыше» находим следующие данные на 1860 г.: «Лар. Алекс. Кусакова с детьми с. Кострово с деревнями — 37 дворов 185 душ (крепостных крестьян (мужчин), 33 дворовых — 229, 5 дес.; Юлия Ив. Савич с. Кастрова и д. Могилевка — 31 двор, 111 душ крепостных крестьян (мужчин), 27 дворовых — 383, 97 дес.» [5].

В последней четверти XIX — начале XX вв. значатся те же фамилии землевладельце и их наследников, но крупными костровскими помещиками на то время были Екатерина Николаевна Евская, Пётр Михайлович и Павел Петрович Кусаковы [13].

Усадьбы землевладельцев не дошли до наших дней. Но усадебные места хорошо ещё читаются на запрудах речки Костровки на бывших дамбах у восточного и западного (быв. сельцо Могилевка) въездах в село и у дороги на Рыльск на южном выезде из села и места пруда бывшего «течения лога Боблова», а ныне хутор Боблова [15, 16, 17].

Землевладельцы прихода Владимирской церкви с. Костровы были благоустроителями храма. Так среди жертвователей храма отмеченных в графе «о доходах» в Клировой ведомости есть запись «...с 1859 г. по государственному 4,0 % непрерывному доходному билету на 285 руб. завещанных на вечное поминование титулярного советника Матвеем Михайловичем Кусаковым» [14].

Родовые некрополи землевладельцев располагались на местном прицерковном кладбище, которое к настоящему времени существует но визуально не просматривается. С северо-восточной стороны на территории Владимирского храма сохранилось единственное каменное надгробие в виде прямоугольного (близкого к трапеции) камня на котором выбита надпись (сегодня уже плохо читаемая): «1877 г. Здесь лежит тело надворного советника Александра Степановича Смолякова [нрзб.] умершего 8 октября».

На рубеже XIX–XX вв. в Кострове в среднем числилось около 900 человек жителей. В 1892 г.: 442 мужчин, 464 женщин [8]. В 1907 г.: 427 мужчин, 471 женщин [1]. Всего в приходе состоящем из шести населенных мест числилось более полутора тысячи человек [10, 14].

В «Справочной книге о церквах...» за 1908 г. значится: «Село Кострова Владимирская церковь, каменная, 1781 г., 3-х престольная. В составе прихода: деревни Могилевка, Кленная, Шустовка, Огаркова, Тураевка. 1 575 православных. Земская и две церковно-приходских школы. Священник Попов П.Г., дьякон Руднев И.Д., псаломщик Шестаков А.И. Причтовые дома общ. для свящ. Земли усадебной 3 дес., полевой 33 ½ дес.» [14].

В клировой ведомости Владимирской церкви с. Кострова Рыльского уезда за 1916 год содержатся следующие сведения. К 1916 г. церковь владела 33 дес. 1 200 кв. саж, пахотной земли и $1\frac{1}{2}$ дес. усадеб-

ной земли вместе с погостом. Церкви принадлежала каменная сторожка, в которой располагалась женская церковно-приходская школа. В приходе, кроме указанной церковноприходской школы, находилось начальное народное училище в с. Кострова и церковноприходская школа в д. Кленной. Обе церковно-приходские школы были учреждены в 1900 г. В 1916 г. в школах обучалось 136 мальчиков и 90 девочек. Ближайшими церквами были Николаевская села Никольникова и Борисо-Глебская села Березников. В приход Владимирской церкви входили деревни: Могилевка, Шустовка, Кленная, Огаркова, Тураева. Всего в приходе числилось 437 домов, а которых проживало мужчин 1 542 чел., женщин — 1 473 чел. Священником с 1908 года в храме был Петр Гаврилович Попов [14].

Установить точные границы церковной «1 ½ дес. усадебной земли вместе с погостом» сегодня не представляется возможным. Видимые надземные остатки мемориальных кладбищенских памятников и склепов и границы церковной ограды утрачены и визуально не определяются. Однако, четырёх вековая история села и прихода в документах и памяти местных жителей всё же говорит о его расположении в пространстве территории храма и южной более возвышенной его части, на площади за дорогой на сегодняшнем месте у почты и магазина. Можно предположить, что эти здания, расположены на месте бывших деревянных храмов. Возможно часть старинного кладбища так же располагается и в западном направлении от церкви между дорогой и руслом речки Костровки, сегодня плотно поросшем кустарником. И наверное не спроста эта территория на планах последней четверти XIX в. обозначена под названием "Могилевка", которая примыкала к местности бывшего усадебного сельца и деревни Могилёвки» [17].

Церковная земля «пахотная 33 дес. 1200 кв. саж» определяется достаточно точно благодаря межевым планам с. Кострова и её окрестностей последней четверти XIX — начала XX вв. Наибольшая её часть располагалась в поле в километре от восточного въезда в село по обе стороны от дороги. И две другие части земли к югу от села: у леса Ровного слева в полукилометре от дороги ведущий в Рыльск и справа у того же тракта южнее «течения лога Боблова» [15, 16, 17].

После выхода в свет декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23.01.1918 г. Владимирский храм продолжал действовать в соответствии с договором, заключенным в июле 1920 г., между гражданами села Кострова с Костровским волисполкомом. В 1920 г. была составлена опись имущества Владимирской церкви. В описи содержится краткое описание внешнего вида и внутреннего убранства храма: церковь и колокольня каменные, в колокольне – три колокола, вокруг церкви – ограда. В алтаре – деревянный трехъярусный иконостас» в алтаре – 8 малых простых икон в киотах и 5

икон без киотов, 2 серебряных креста, в иконостасе 6 больших икон [19]. Согласно декрету ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании группы верующих» от 23 февраля 1922 г. из храма были изъяты 2 серебряных креста весом 2 фунта 42 золотника [20].

В 1925 г. храм числился как действующий. В документах Курского облисполкома за 1930-е гг. сведения о закрытии храма отсутствуют [18]. В документах за 1940–1970-е гг. Владимирский храм с. Кострова Рыльского района в числе действующих не упоминается.

В советское время церковь преимущественно использовалась под колхозный склад. За этот период здание Владимирского храма и его территория подверглось осквернению и значительным разрушениям.

2014-й год можно отметить как начало возрождения храма и святого места. Спустя восьмидесятилетие после забвения группой верующих в январе — апреле 2014 г. была организована очистка храма и его территории от мусора. Одновременно велись работы по обустройству святого источника в западной части села на заводи речки Костровки. В апреле этого же года в центральной части церкви сооружены временные деревянные конструкции: полы, дверные заполнения и перекрытие на столбах между первым и вторым ярусами четверика. Совершились богослужения пасхи и всех престолов храма: иконы Божией Матери Владимирской, святых благоверных князей Бориса и Глеба, Успения святой праведной Анны.

II. Общее состояние храма в настоящее время

Объёмно-пространственная композиция включает в себя центральную часть храма с примыкающей с востока алтарной апсидой и с запада трапезной. Колокольня утрачена. Имеются трещины в стенах, сводчатых и купольном покрытии. Обрушены своды западной и центральной части трапезной и алтаря. Утрачена часть южной и северной стен алтарной апсиды. Дверные проёмы имеют пробои и значительную утрату декора наличников. Отсутствуют: отмостка, крыша трапезной, кровля купола центральной части, полы, большая часть заполнения дверных и оконных проёмов, иконостас. Значительно утрачены металлические конструктивные воздушные связи в интерьере трапезной и алтаря. Наружная поверхность кирпичных стен сильно выветрена, отсырела и частично разбита. Повреждены и плохо читаются карнизы завершения и основания пилястр и др. декора. Существенно утрачена штукатурка и штукатурный декор фасадов и интерьеров. Значительно пострадала настенная роспись интерьера. Отопление, электроосвещение и водоснабжение отсутствуют. Объекты ансамбля храма: ограда, причтовые дома, церковно-приходская школа и строжка утрачены.

Общее техническое состояние памятника: руинированное и аварийное. Основными причинами разрушений и деформаций конструкций явились: неправильная эксплуатация памятника в советский период времени, а так же то, что на памятнике долгое время не проводились поддерживающие консервационные и ремонтно-реставрационные работы.

III. Градостроительная характеристика

Владимирский храм с. Костровы расположен в открытом пространстве бывшей церковной усадебной территории и сельского погоста (1½ десятины – более 1,5 га) [14] на невысоком пологом мысу (0,83 га) у поймы реки Костровки и старинного тракта трёх направлений пути. Надземная часть кладбища утрачена и представлена обширной луговиной вокруг здания церкви на значительном расстоянии. Храм замыкает перспективы трёхстороннего прямоугольного перекрёстка на прицерковной площади, является главной монументальной доминантой села и его окрестностей видимым на значительном расстоянии в панораме селений, полей и пойменной части рек Костровки и Амони.

IV. Объёмно-планировочное решение здания храма

По своей объёмно-планировочной композиции здание относится к традиционному типу храмов-кораблей предшествующей эпохи — «восьмерик на четверике» и сохраняет все основные характеристики на время освящение храма в 1781 г.

Здание имеет трёхчастное продольно-осевое построение композиции: трапезная, господствующий центральный объём и апсида. По высоте храм делится на три яруса имеющих примерно равную высоту (около 5 м), причём стены всего нижнего яруса находятся на одной высоте от уровня цоколя до карниза. Максимальные габариты здания 13,5х30 м. Высота центральной части с куполом около 18 м.

Двусветный близкий к квадрату четверик (в плане 10,7х11,8 м) центрального объёма завершён световым восьмериком, увенчанным восьмилотковым на одноступенчатых тромпах сомкнутым куполом. Завершение купола — глухой барабан с главкой и крестом не сохранились. С западной стороны к четверику примыкает немного уширенная по отношению к нему и в плане близкая к квадрату двустопная с приделами трапезная (в плане 11,6х13,3 м, высотой стены около 5 м), с фрагментами первоначальной системы перекрытий крестовых и лотковых сводов на подпружных арках (утраченных на 2/3). Полувальмовая (или м.б. двускатная) кровля трапезной не сохранилась. С восточной стороны к четверику примыкает более узкая пятигранная апсида (общие габариты 6,7х8,20 м) равная по высоте трапезной (около 5 м) с

фрагментом первоначального перекрытая гранёной конхой, сохранившейся фрагментарно. Веерная кровля алтаря утрачена.

Значащаяся в документах «кирпичная особо устроенная коло-кольня» [14] храма не сохранилась. Поскольку графические документы (проект) и фотографии не известны, можно только предполагать, рассматривая возможные аналоги, примерно три варианта композиционного расположения объёма колокольни: 1) опирание на 4 столба и расположения по центру тарпезной (при возможном в прошлом решении четырёхстолпной трапезной); 2) опирание на два столба трапезной и западную стену; 3) пристроенная к западной стене трапезной с частичным опиранием на стену, образуя притвор и лестницу для звонаря (но следы примыкания к стене не обнаружены).

V. Конструкции и строительные материалы

Стены выложены на известково-песчаном растворе с обработкой шва «в затирку» верстовой кладкой из кирпича 27,5(28)х13,0х6,0 см и первоначально были предназначены под известковую обмазку. Толщина стен первого яруса около 1,6 м, в алтаре около 1,2 м. Существующие фрагменты штукатурки поздние и вероятно относятся к первой половине XIX в. Принятие решение оштукатурить фасады, мотивировано разрушающимся во времени некачественным кирпичом. Доказательством данного решения служит наглядный пример: закладка восточного оконного проёма алтарной апсиды более поздней кирпичной кладкой (кирпич 26,5х15х6,5 см) с последующей штукатуркой известковопесчаным растворе и устройством вместо окна ниши. Поздняя штукатурка фасадов отличается мелкой профилировкой всех декоративных деталей здания и сохранилась в небольших фрагментах в основном в параметрах оконных и дверных проёмов.

У основания цоколя обнаружены осколки бутового камня желтобелого цвета, возможно поздней облицовки цоколя, части отмостки или фундамента.

VI. Архитектоника, архитектурно-художественная решение фасадов

Декор храма являет характерный (поздний) пример т.н. нарышкинской архитектуры (или нарышкинского барокко), где в своё время впервые была отработана и распространена схема храма-корабля с восьмериком на четверике. Формы наличников, восходят к донарышкинскому узорочью XVII в., прижившиеся в слободской и северской Украине, где стали устойчивы на протяжении XVIII в.. Здесь можно определить, принятую в литературе обобщённую стилистическую ха-

рактеристику как архитектура провинциального барокко русско-украинского порубежная.

Очевидно, что Владимирская церковь построена по образцу храмов Свято-Никольского Рыльского монастыря и сходна не столько своей композиций (распространенной в русском церковном зодчестве XVII–XVIII вв. и позднее), сколько явным заимствованием оформления декора, например окон восьмерика и алтаря Крестовоздвиженской (1733 г.) и Троицкой церквей (1748–1751 гг.) монастыря.

Углы здания храма, граней восьмерика и алтаря крепованы гладкими парными пилястрами с мелко профилированными постаментами и карнизами, которые сегодня в плохой сохранности. Цоколь отбит от основной стены сильно разрушенной широкой полкой, в профиле которой вероятно был использован поребрик. Профили межярусных поясков и завершающих карнизов здания сильно разрушены и так же плохо читаются в рисунке.

Здание имеет три входа с запада, севера и юга. Все дверные проёмы с полуциркульными завершениями имеют одинаковые параметры и характер отделки: перспективные порталы полуциркульный верх которых несут поставленные по бокам проёмов гладкие полуколонки. Над порталами - полуциркульные ниши в мелкопрофилированном обрамлении. В поле ниш – неглубокие квадратные киоты. Западная стена церкви имеет скромное архитектурное решение – глухая, акцентирована единственным дверным проёмом.

Первый ярус храма прорезан десятью окнами: шесть в трапезной – по три с северной и южной сторон и четыре в четверике – по сторонам северного и южного портала. Единственное сохранившееся восточное окно алтаря заложено поздней кладкой и с фасада и в интерьере выглядит нишей. Можно предположить, что алтарь имел ещё два окна в северной и южной стенах, сегодня разрушенных. Второй ярус храма или второй свет четверика прорезан на северной и южной стене близко поставленными окнами по два с каждой стороны. Три окна восьмерика расположены по сторонам света – с севера, запада и юга. Восточное его окно заложено поздней кладкой.

Все оконные проёмы одинаковых параметров – прямоугольные с лучковым верхом. Исключение составляют меньших размеров окна восьмерика. Идентичный декор всех оконных проёмов представлен мелкопрофилированным наличником – рамкой, по двум сторонам которой плотно примыкают, поставленные на профилированную подоконную полку гладкие полуколонки, увенчанные высоким мелкопрофилированным кокошником, представляющим трехчастную композицию из двух лепестков-полукружий, завершенных по центру возвышающимся остроугольным зубцом (или килем).

Окна первого яруса храма имеют кованые решётки с крещатым рисунком звеньев, в разной степени сохранности. Окна второго и третьего яруса центральной части сохранили фрагменты оконных рам с мелкой расстекловкой в 24 квадрата.

VIII. Пространственная и планировочная композиция интерьеров с архитектурно-художественной отделкой и фрагментами настенной росписи.

Интерьер храма значительно пострадал и частью представляет руину. В большей степени сохранилась центральная доминирующая часть здания – бесстолпного пространства храма, где двусветный четверик по одноступенчатым тромпам переходит в световой восьмерик, завершённый восьмилотковым сомкнутым куполом. Конструктивную прочность объёмов значительно укрепляют металлические небольшого сечения «воздушные» связи в уровне ступеней тромпов и крестообразные парные связи – выше уровня пяты пространства купола. Наружные оконные и дверные проёмы соответственны фасадам. В кладке дверных проёмов сохранились закладные металлические подставы для навески дверей. Полотна и коробки дверей не сохранились. Внутренние несущие стены четверика прорезаны дверными проёмами, соединяющими храм с трапезной и алтарной апсидой. В центре западной стены – широкий дверной проём без заполнения с полуциркульным завершением. Алтарная стена прорезана тремя разновеликими (два низких по бокам центрального повышенного) с небольшими откосами проходами без заполнения с лучковым верхом и «лобиками». Выше их в кладке стены - крупные закладные деревянные и различные металлические детали предназначенные для крепления ярусов иконостаса, который не сохранился. Одночетвертные оконные проёмы с лучковыми перемычками и глубокими световыми откосами. Интерьер центральной части храма частично сохранил фрагменты известково-цементной штукатурки. Декоративная отделка представлена в тонкотянутых профилях наличников дверных и оконных проёмов. На четырёх межоконных гранях восьмерика и над входом западной стены четверика сохранилась плохо читаемая настенная роспись. Прямоугольной конфигурации сюжетные фрески дополняют обрамления в виде картушей, имитирующих архитектурный декор.

С востока к четверику примыкает руина однопрестольной пятигранной алтарной апсиды с фрагментом перекрытия гранёной конхи и металлических обрезков небольшого сечения воздушных связей. С запада видны три входных проёма из четверика, с востока — превращённое в нишу одночетвертное окно с лучковым верхом без откосов. В боковых гранях по обе стороны окна — две крупные ниши с лучковым

верхом, предназначенные для установки икон. Северная и южная стены возможно имели окна, но сегодня значительно разрушены и искажены поздней кладкой. В месте примыкания северной и западной стены близко к уровню пола — фрагмент небольшого размера ниши. В интерьере алтаря частично видны следы штукатурки.

С западной стороны к четверику примыкает чуть уширенная по отношению к нему прямоугольная в плане двустопная трапезная, где меж квадратных в плане метровых столбов и западной стеной по бокам широкого входа организовано камерное пространство двух приделов, перекрытых крестовыми сводами, с металлическими воздушными связями, в уровня подпружных арок. В приделах сохранились небольшие ниши: в простенке северной стены в проёме под аркой и на восточной грани южного столба. Большая по размеру западная часть трапезной полуразрушена, но сохраняет фрагменты первоначальной системы перекрытия лотковых сводов на подпружных арках в уровне которых видны фрагменты обрезанных воздушных металлических связей. Дверной проём западного входа с поздним деревянным полотном и коробкой — одночетвертной с откосами и фрагментами закладных металлических подстав для навески дверей. В интерьере трапезной видны следы обмазки и штукатурки без декора.

IX. Заключение

Владимирский храм в Кострове входит в число теперь уже немногих (около трёх десятков) сохранившихся в Курской области памятников церковной архитектуры XVIII столетия.

Храм, как сакральный объект обладает историко-мемориальной ценностью — духовный, исторический центр, свидетель основных вех жизни многих поколений соотечественников (их крещения, венчания, исповедального очищения, молитв, обретение веры, отпевания).

Сохранившаяся прицерковная площадь — место проведения молебнов и крестных ходов. Территория кладбища при храме — мемориальное пространство семейных некрополей устроителей храма, церковнослужителей и многих поколений сельчан более трёх столетий.

По своей выразительной самобытной архитектуре и величине — монументального силуэта, Владимирский храм — притягательная доминанта в жилой застройке поселения и его панорамных видов. Храм является яркой градостроительной неотъемлемой частью села и его окрестностей видимым на значительном расстоянии в панораме полей и пойменной части рек северо-западной части Рыльского района. «Церковь Владимирская, 1781 г.» является объектом культурного наследия регионального значения (2015 г.).

Источники и литература:

- 1. Алфавитный указатель населённых мест // Курский сборник. В. V. Курск, 1907. С. 33.
 - 2. Военно-топографическая карта / сост. Кап. Адрианов. СПб.,1864.
- 3. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорусского языка. М.,1881. Т. 2. С. 175.
- 4. Ивановская десятина: Материалы для истории церквей Рыльской десятины 1628–1744 гг. // Курские епархиальные ведомости. 1908. № 17. С. 42.
- 5. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Курская губерния // Приложение к трудам редакционных комиссий. СПб., 1860. С. 47–49.
- 6. Материалы для истории церквей Рыльской десятины: 1628–1744 гг. // Курские епархиальные ведомости. 1907. № 23. С. 39–40.
- 7. Материалы для истории церквей Рыльской десятины: 1628–1744 гг. // Курские епархиальные ведомости. 1907. № 28. С. 39–40.
- 8. Памятная книжка Курской губернии / сост. Т.И. Вержбицкий. Курск, 1892. С. 23.
- 9. Распределение помещичьих имений по волостям временно обязанных крестьян Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863. В. 1. С. 205.
- 10. Справочная книга о церквах, приходах и причтах Курской епархии за 1908 год. Курск, 1909. С. 172–173.
- 11. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.ВУА. Топографическое описание Курского наместничества по минувшей 3-й и нынешней 4-й ревизии, сочинено тщанием сея правителем господином Зубовым в 1784-м году: Рыльская округа. Д. 18800. Т. 4. Ч. 11. Л. 110 об. 111.
- 12. РГВИА Ф. ВУА. Д. 18800. Описание Курского наместничества из древних и новых о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым того наместничества Верхней Расправы Прокурором. М., 1786. Ч. 2. Л. 60, 74 об. 75.
- 13. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 17. С. 70–71 об. Списки землевладельцев Курской губернии на 1911 г.
- 14. ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 40. Л. 69–80. Клировая ведомость Владимирской церкви в с. Кострова Рыльского у. Курской губ. за 1916 г.
- 15. ГАКО. Ф. 621. Оп. 2. Д. 7865. Выкопировка с плана части дач с. Кострова деревень Картамышевой, Шустовки, Канышиной (Санин), х. Кулешова, Рыльского у. Курской губ., принадлежащих Павлу Петровичу Кусакову 350 дес. 1902 г. (калька, тушь, 64 х 93 см).
- 16. ГАКО. Ф. 621. Оп. 2. Д. 7939. План части земли с. Кострова и 2-й части пустоши д. Карташова Рыльского у. Курской губ., принадлежащим крестьянам собственникам быв. владения подпоручика Петра Михайловича Кусакова 175 дес. 1884 г. (бумага, тушь, акварель, 68,5х94 см).
- 17. ГАКО. Ф. 621. Оп. 2. Д. 7940. Выкопировка с плана участка земли с. Кострова, 4-й части с-ца Шустовки и пустоши Белевцевой Рыльского у. Курской губ., принадлежащих жене поручика Екатерине Николаевне Евской 388 дес. 1889 г. (калька, тушь, 65 х 93,5 см).
 - 18. ГАКО. Ф. Р 3322. Оп. 4. Д.1, 61.
 - 19. ГАКО. Ф. Р 2514. Оп. 1. Д. 49. Л. 152–153.
 - 20. ГАКО. Ф. Р 2511. Оп. 1. Д. 58. Л. 93.

БИОГРАФИСТИКА И ПРОСОПОГРАФИЯ

А.М. Борисов

КАДРОВАЯ РАБОТА В ОРГАНАХ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЁ РЕЗУЛЬТАТЫ В СУДЬБАХ КУРСКИХ ЧЕКИСТОВ: СЛУЖЕБНЫЙ ПУТЬ М.И. КРУПОДЁРОВА

Подбор и специальная служебная подготовка личного состава всегда считались важнейшими элементами кадрового обеспечения эффективной управленческой, охранительной, секретно-политической, контрразведывательной, разведывательной, следственной, шифровальной и иных, в том числе вспомогательных, видов деятельности органов безопасности, но на первых этапах их становления первая задача — подбор — признавалась основной.

Необходимость решения многочисленных задач в рамках основной – удержание власти [4, С. 32] – обусловила не только экстраординарное расширение полномочий ВЧК в 1918 г., но и расширение её организационной структуры (создание специальных боевых отрядов – регулярных вооружённых сил ВЧК, пограничных и транспортных органов ВЧК, особых отделов ВЧК в армии и др. [3, С. 576–578]), что объективно предопределяло актуальность проблемы кадров.

При формировании чекистского кадрового состава, как и при комплектовании органов рабоче-крестьянской милиции, особое внимание уделялось социальному и, прежде всего, пролетарскому происхождению [4, С. 32–33; 11], членству в комсомоле или партии. Например, Положение о чрезвычайных комиссиях на местах (уезд, волость) предусматривало назначение комиссаров «из среды испытанных и надёжных товарищей» [4, С. 79]. Однако у большинства назначенцев не было представления о предстоящей служебной деятельности.

Недостаточная образованность сотрудников, особенно на уровне низовых структур, и необходимость системного подхода к организации многофункциональной деятельности потребовала, наряду с привлечением специалистов непролетарского происхождения, создания школ и курсов, организации постоянной учёбы чекистов, которая большей частью осуществлялась в режиме самоподготовки и включала изучение общеобразовательных предметов (грамотность), политических и правовых актов (политическое просвещение и правовая подготовка), а также

специальных материалов, излагающих требования как к профессиональной подготовке, моральным и деловым качествам чекиста.

Первые учебно-методические материалы появились в 1918 г. в виде памяток («Памятка сотрудникам ЧК», методических разработок («Азбука контрразведчика» [4, С. 33]), инструкций («Инструкция следователям чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией») и др. С сентября 1918 г. начали действовать инструкторские курсы при ВЧК, готовящие завотделами ЧК, следователей, комиссаров, разведчиков и организаторов-инструкторов, где появились первые учебные пособия: «Инструкция следователям ВЧК», «Инструкция для следователей и комиссаров дежурных отделов», «Инструкция по борьбе со спекуляцией», «Обязанности работающих по политическому розыску», «Правила производства дознания», «Инструкция для наружного наблюдения разведчика», «Краткие указания для ведения разведки», «Инструкция пограничным ЧК и комиссарам Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» и др. [14], которые использовались в работе и учёбе на местах. Однако практическое воплощение исходных замыслов по обеспечению грамотными кадрами органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ в довоенный период оказалось далёким от желаемого, что отмечается во многих, в том числе научных публикациях [1, 5, 11, 12, 15].

Развитие конституционных начал советской государственности и, последовавший за этим пересмотр принципа революционной целесообразности в пользу принципа законности при осуществлении правоохраны социалистической государственности обусловили в 30-е годы XX века не только вскрытие «крупных недостатков и извращений в работе органов НКВД» [5, С. 17, 21–22] и последовавшую за этим «перетряску» кадрового состава, но и реформирование всей кадровой работы. В частности, на реорганизуемые кадровые подразделения НКВД СССР было возложено руководство «подготовкой, переподготовкой и усовершенствованием командного и начальствующего состава войск НКВД в военных учебных заведениях, подчинённых Отделу кадров НКВД СССР», руководство «подготовкой и переподготовкой кадров в оперативночекистских школах и курсах НКВД и усовершенствованием начальствующего состава государственной безопасности НКВД» с подчинением Отделу кадров НКВД СССР межкраевых школ НКВД [16]. Фактически «подготовка специалистов и разработка специализированных методик становились, по существу, приоритетными задачами наряду с повседневной оперативной деятельностью» [5, С. 38–39].

Кроме таких форм обучения на местах организовывались краткосрочные курсы, которым уделялось самое серьёзное внимание. В личном архиве В.Т. Аленцева [2, С. 65–71] сохранилась фотография (с характерными обрывами по углам, где располагались фотографии И.В. Сталина и Л.П. Берии), представляющая состав курсов УНКВД по Курской области 1940 года: руководство (начальник – П.М. Аксёнов, заместитель – В.Т. Аленцев); начальник курсов (А.В. Борзенко); руководители подразделений управления, привлекаемые к проведению занятий, и 41 слушатель из числа сотрудников. В течение срока обучения (21 день) слушатели курсов изучали труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина, а также Конституцию СССР 1936 года и законодательство. Специальный цикл обучения в межкраевых школах ГУГБ НКВД СССР составляли такие дисциплины, как «Основы агентурнооперативной работы», «Борьба с иностранными разведками», «Следственное дело», «История ВЧК-ОГПУ-НКВД».

Какими были эти молодые люди? Какими они пришли в органы безопасности? Какие качества сформировала в них чекистская работа? Что они сделали для Родины и как сложилась их судьба? Ответы на эти вопросы хранят личные дела и документы, письма этих людей и воспоминания о них родных и бывших сослуживцев, фотографии тех лет.

Один из слушателей — сержант государственной безопасности (приравнивалось к воинскому званию «лейтенант РККА») Круподёров Митрофан Иванович (верхний ряд слушателей, 9-й слева).

Год рождения – 1916, место рождения – с. Русский Брод Русско-Бродского (в настоящее время – Верховского) района Орловской области, образование – 7 классов школы, член ВЛКСМ. После окончания в 1934 году школы поступил в сельскохозяйственный техникум г. Владимир Ивановской области, откуда в январе 1937 года Владимирским городским комитетом коммунистического союза молодежи был командирован в Горьковскую школу НКВД [7].

Отметим, что в октябре 1935 г. были созданы 10 межкраевых школ по подготовке оперативного состава Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР [17]. В Центральной и межкраевых школах велась подготовка и переподготовка слушателей, и специальный цикл обучения составляли такие дисциплины, как «Основы агентурно-оперативной работы», «Борьба с иностранными разведками», «Следственное дело», «История ВЧК-ОГПУ-НКВД» и др. Таким образом была создана серьёзная база для обучения, переподготовки и повышения квалификации сотрудников органов безопасности.

В г. Горьком действовала Горьковская межкраевая (межобластная) школа ГУГБ НКВД (одногодичная учёба; в довоенное время школа вела подготовку и переподготовку оперативного состава, подготовку финансистов для финотделов НКВД СССР [18]), в которой обучался М.И. Круподёров.

После обучения Круподёров М.И. был направлен в Курскую область и проходил службу в должностях оперуполномоченного Бесединского района (с января 1938 г. по март 1940 г.), начальника Иванинско-

го районного отдела НКВД (до апреля 1941 г.), старшего оперуполномоченного опергруппы НКГБ при Рышковском строительстве заводов (до начала Великой Отечественной войны).

С 25 июня 1941 г. в прифронтовых регионах стали создаваться оперативные группы НКВД-УНКВД по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника и в августе месяце для организации и руководства боевой деятельностью истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп в курском управлении был создан 4-й отдел [10] (начальник – капитан госбезопасности В.Т. Аленцев, продолжающий оставаться заместителем начальника УНКВД). В составе 4-го отдела для организации связи с курскими партизанскими отрядами, проведения агентурной и разведывательно-диверсионной работы была сформирована группа из 14 оперативных работников [6], в которую был включён М.И. Круподёров.

Восемь его писем (первое – октябрь 1941 г. и последнее – май 1942 г.) жене Евдокимовой Зинаиде Никитичне и дочери Круподёровой Светлане Митрофановне, находящимся в эвакуации (г. Актюбинск Казахской АССР) – вечное свидетельство как личных и семейных переживаний, так и высоких морально-деловых и профессиональных качеств чекиста.

Общая обстановка характеризуется следующим образом (пунктуация и орфография сохранены):

«Кругом царит неразбериха», «из Курска не вывезли много хлеба, который придется уничтожать. Хлеб который на полях раздают колхозникам, но он уже погнил» (21.10.1941 г.); «как посмотришь что делается кругом сердце обливается кровью, от Курска до Ст. Оскола все дороги усеяны трупами скота, никто их не убирает, смрад, разруха напоминает средневековье» (1.11.1941 г.); «Наше положение неважное. Курск немиы заняли 2/XI-41 г., взяли Тим, Беседино и т.д.», «Пока не пиши. Куда неизвестно... у меня нет полевой почты» (2.11.1941 г.); «Уже был за границей... В настоящее время... в Мантуровском р-не..., половина этого района занято... В Мантурово попался судья р-на его повесили на воротах, ст. лейтенанта казнили, отрезали нос, щеки. Мы их торжественно похоронили на Кр. площади рна... если отходит немец то все жгет, в этом р-не 5 сел сжег до основания, население увозит в Курск, даже детей... ужасов насмотрелся и вижу» (15.12.1941 г.); «на занятой немцами территории жить нелегко, грабять всех подряд» (12.02.1942 г.); «Немец очевидно будет наступать, какой будет его успех неизвестно, но наверно у него не получится» (9.03.1942 г.); «весной разгорится горячая схватка, немцы все мечтают о весеннем наступлении,.. готовятся..., но наше командование готовится не меньше», «В одном из районов нашей области устроены виселицы, вешают активистов, женщина для них безразлично, оставляют одних детей, которые мрут. Описал бы тебе очень много фактов которые мне известно о варварстве фашистов, о которых не управятся писать в газетах да и всего не опишешь» (24.03.1942 г.); «наступает весна, лето, и это для нас самая горячая и жаркое время» (13.05.1942 г.).

Личные чувства и переживания чередуются с выражением надежды на встречу, жизненной стойкости, уверенности в победе над врагом:

«Письмо присланное Вами с ума сведет. Я понимаю, что твоя доля и доля дочери безотрадная, я знаю что предстоит или жить или умирать», «Настроение у всех ужасное, тоска, мучения наверно уложат в могилу, но жить еще не надоело. Хочется видеть жизнь, хочется видеть вас, сколько бессонных ночей, в голове мысли что карусель но если бы была надежда видеть Вас, я не пощадил бы своих сил все отдам», «Очевидно погибнуть милионы не только в бою, но и здесь в тылу, очевидно мы для этого родились», «Был в Беседино... Соня почти умирает, когда я зашел она горько плакала, увидев меня», «Зина живы будем все будет, силы молодые сделать можно все... Мы не настолько еще изнежены» (21.10.1941 г.); «хочется знать как ты, как дочь, что с вашим здоровьем, думаешь и все передумаешь в груди как камень висит», «Надежды наши, мысли наши пока чуть, чуть, греются тем, что возможно в самом деле мы победим», «Ой какое желание уехать к Вам, но увы мы на это не имеем права» (1.11.1941 г.); «Живы будем, будем жить. О тебя не забуду никогда, только могила заставит забыть... Береги дочь. Это самое основное» (2.11.1941 г.); «Я пока жив, живу и обитаю сел всех не запоминаю, если я к тебе появлюсь то ты меня не узнаешь... я все время в разъезде, постоянного адреса нет», «Как хотел увидеть дочь и тебя, но все это грезы, если увидимся весной то хорошо» (15.12.1941 г.); «О будующем мы будем думать после,.. только сохрани себя и Свету. Люди способные к жизни все выносят» (12.02.1942 г.); «твое положение для меня понятно, как своей любимой я готов отдать все, за тебя я болею, за Светку тем более, но что я смогу делать, когда мы разлучены. Все зависит от успехов на фронте», «Пришли мне хоть какую-либо карточку свою и Светы ведь у меня нет», «что ж делать не одна ты, это переживает весь наш народ, и вы и мы», «война считаю должна... укрепить характер и переломить, сломать может только пуля» (9.03.1942 г.); «Недавно возвратился из командировки и получил сразу 3-и твои письма, за которые много тобою доволен, и особенно за фото Светы», «надеюсь скоро увидимся, мне так надоело одному, что не выразишь, боже мой что за наказание жить друг от друга вдалеке», «Годовщину Светы право и не вспомнил, был в пути я уже не верю что ей уже столько лет, все как-то кажется что это было вчера. Вот что значит молодая жизнь, и ты представь она бежит быстро и пройдет не увидишь. Но нет, мы будем всегда молоды» (13.05.1942 г.).

Немногими фразами описывает М.И. Круподёров напряжённую службу и военную жизнь:

«За эти дни пришлось пережить все», «Проживая в Тиму я не могу достать куска хлеба», «один раз ходил в баню, ни разу не раздевался, спим одевши» (21.10.1941 г.); «Странствования начались», «Я пока жив, здоров,.. нахожусь в прифронтовой полосе, уже смотрел бои» (2.11.1941 г.); «О своей жизни кратко: живу в селах, самых глухих, спать никогда не раздеваемся, за

7 км. немец» (15.12.1941 г.); «В настоящее время проживаю в Ст. Осколе. Не писал... долго потому, что находился в тех районах в которых не было связи», «На рынке гусь — 200 руб. поллитра масла 100 руб., сало — 150 р. кг. Cрынка конечно не проживешь. Я пока хожу в столовую, сыт» (12.02.1942 г.); «получаю 830 руб. из них 500 тебе... военный налог 150 руб., заем и т.д. У меня остается 100 руб., не хватает» (9.03.1942 г.); «иногда бываешь сутки не евши», «Недавно было не влип под пулю... Нужно было ехать в село..., 2-а дня назад оно было незанято. Поехали, недоехав 1 км. до села навстречу бежит пред. колхоза, кот. сообщил что в селе немцы, благодаря его мы остались живы. Получить смерть в прифронтовой полосе это самое простое дело, но... получить смерть с честью за честь русскую или погибнуть глупо, вот этого я и боюсь. Мне другого не надо кроме своей русской земли, на которой я возрос, за русскую жизнь, за народ, над которым так жестоко издеваются оккупанты», «мы находимся и обитаем кто где по командировкам», «живу на квартире... Иногда бывает время хожу в кино, недавно смотрел концерт Покраса, довольно интересно», «В Ст. Осколе живу мало, больше в районах, передовых к линии фронта» (24.03.1942 г.); «Я живу неплохо. Недавно собрали тебя посылку но их совершенно не принимают», «Зина! Пока до свидания, какое будет свидание трудно предугадать, ну думаю самое теплое. Целую всех Митрофан (13.05.1942 г.).

Последнее упоминание в архивных документах об авторе этих писем датировано июнем 1942 года и связано с организацией перехода линии фронта разведывательно-диверсионной группой в районе г. Старый Оскол [7].

По рассказам В.Т. Аленцева, основанным на словах одного из сотрудников, входившего в состав группы, при следовании по маршруту они были вынуждены вступить в бой с подразделением германских войск в Мантуровском районе возле какого-то населённого пункта (на одном из зерновых полей). В результате сильного обстрела М.И. Круподёров был ранен, затем вновь открыл огонь и, периодически стреляя из пистолета, стал отходить по полю в сторону небольшого леска. Его замысел был ясен. Он сумел привлечь внимание и огонь врага на себя, открыв своим товарищам возможность для отхода. Группа разделилась и как сложилась дальнейшая судьба М.И. Круподёрова неизвестно, хотя догадки очевидны.

Лейтенант государственной безопасности Круподёров М.И. считается пропавшим без вести согласно приказу начальника УНКВД по Курской области от 11 сентября 1942 года [7].

Источники и литература

1. Бандурин С.Г. История формирования руководящих кадров Пограничной службы России в XX веке (царская Россия, СССР, Российская Федерация): автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2010. 45 л.

- 2. Борисов А.М. Фронт без линии фронта: служебный путь В.Т. Аленцева // История региона в истории страны: материалы Региональной науч.-практ. конф., посвящённой 80-летию образования Курской области. Курск, 11 июня 2014 г. / под ред. В.Л. Богданова. Курск, 2013. 129 с.
- 3. Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 768 с.
- 4. Карнасевич В.Г., Свиридов Г.А. Курская губчека: 1918—1922 гг. Курск: ФГУИПП «Курск», 2005. 288 с.; илл.
- 5. Кобба Д.В. Государственная деятельность Л.П. Берия (1939–1953 гг.): дис. канд. ист. наук. М., 2002. 192 с.
- 6. Коровин В.В. «Отделением принимаются меры к организации новых партизанских отрядов и групп»: Документы российских архивов об организации вооруженного сопротивления в тылу немецко-фашистских войск на Курщине в сентябре 1941 − январе 1942 г. // Отечественные архивы. 2007. № 1.
- 7. Личный архив автора (ЛАА). Письмо Управления ФСБ России по Курской области от 20.08.2012 г. № 10/1 Б-541.
- 8. ЛАА. Фотография из личного архива Аленцева В.Т. Курсы при УНКВД по К.О. 25.І.—14.ІІ.1940 г.
- 9. Личный архив Круподёровой С.М.: письма от 21.10.1941 г., от 1.11.1941 г., от 2.11.1941 г., от 15.12.1941 г., от 12.02.1942 г., от 9.03.1942 г., от 24.03.1942 г., от 13.05.1942 г.; фотографии 1938 г. и 1940 г.
- 10. Советские органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов и материалов. М., 1985. Т. II. С. 258; Мозохин.ru. ...из истории органов государственной безопасности // URL: http:// mozohin.ru/article/r-12.html (дата обращения: 02.05.2014 г.).
- 11. Тепляков А.Г. Органы ОГПУ-НКВД-НКГБ в Сибири: структура и кадры (1929–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 27 с.
- 12. Чёрная Е.Н. Кадровая политика в системе НКВД РСФСР (1921-1930 гг.): дис. канд. ист. наук. М., 2006. 215 с.
- 13. Ширяева И.В. Советские правоохранительные органы и проблема прав человека (1922–1941 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- 14. Официальный сайт Академии ФСБ России. История Академии ФСБ России // URL: http://academy.fsb.ru/index_hist.html (дата обращения: 11.08.2015 г.).
- 15. Организация и структура органов госбезопасности 1921—1941 гг. // URL: http://memo.ru/history/nkvd/kto/orgstru.htm (дата обращения: 11.08.2015 г.).
- 16. Положение об Отделе кадров НКВД Союза ССР (пункты 6 и 7 раздела II «Задачи отдела»; утв. приказом Наркома внутренних дел Союза ССР от 3.05.1939 г. № 00476). См.: Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917—1960. Справочник / Составление, введение и примечания А.И. Кокурина, Н.В. Петрова. Науч. ред. Р.Г. Пихоя. М.: Изд-е МФД, 1997. 352 с. («Россия. XX век. Документы») // URL: http://www.xliby.ru/istorija/ lubjanka_vchk_ogpu_kvd_nkgb_mgb_mvd_kgb_1917_1960_spravochnik/p1.php (дата обращения: 12.08.2015 г.).
- 17. Официальный сайт ФГКОУ ВПО «Институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации (г. Новосибирск)» / История / История создания Института ФСБ России (г. Новосибирск) // URL: http://i-nsk.fsb.ru/04.html (дата обращения: 11.08.2015 г.).
- 18. Официальный сайт ФГКОУ ВПО «Институт ФСБ России (г. Нижний Новгород) // URL: http://inn.fsb.ru/pages/3-1.html (дата обращения: 11.08.2015 г.).

Н.Н. Долгов

ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ. ОПЫТ ПРОСОПОГРАФИИ ОДНОДВОРЦЕВ КУРСКОГО УЕЗДА

Отсчёт новой истории древнего Курска, а вместе с ним и его губернии начался с расширением границ Московского государства во второй четверти — половине XVII века. Тогда уже минуло Смутное время и сюда — в местность, воспетую ещё анонимным автором «Слова о полку Игореве» — стал стекаться разный служилый люд, как то: дети боярские, стрельцы и казаки, к которым полвека спустя присоединились уже солдаты петровских полков нового строя.

Эти последние и образовали впоследствии доселе неизвестное в нашей истории служилое сословие однодворцев, предки которых (драгуны, копейщики, рейтары, городовые и т. д.) перекочевывали в эти края целыми семьями, включая женщин и малолетних «ребяток».

Для глав этих семей, большей частью авантюристов и искателей приключений, бесстрашных, жадных до наживы и новых впечатлений, Курск, вне всякого сомнения, был просто перевалочной базой, откуда они и продвигались постепенно уже дальше, своего рода фронтом — в сплошь покрытые сухим ковылём и изредка не густыми лесными рощами южные степи Дикого Поля.

Точно такой же перевалочной базой ещё в XIII веке, когда только начиналось освоение восточнославянскими племенами мордовских земель Поволжья, был и Нижний Новгород.

Важный форпост между Белгородской и Тульской засечными чертами, Курск конца XVII столетия являл собой единый военный лагерь, в котором было всякой твари (и далеко не по паре), и оставался таким потом ещё долгое время.

И ехали туда даже не семьями, а целыми семейными кланами, стар и млад. А затем расселялись эти семьи по берегам вполне судоходных тогда ещё здешних рек вроде Полной, Сейма, Тима, Тускори и Хона и большакам. И уже здесь, прямо в чистом поле, зачастую отнюдь не на самой лучшей земле получали довольно солидные наделы, ставили дворы, и, если было кому, когда и на что, возводили церкви.

Так в Тускорском стане Курского уезда на берегах седого Сейма, всего в нескольких десятках вёрст от самого Курска, почти строго на юго-восток, и возникли два небольших населённых пункта — село Бого-явленское (кстати, одноименное село существовало в это время и в Усожском стане) и, совсем неподалёку к северо-западу от него, деревня Муравлево Зорино тож (в начале XVIII века Муравлева, что на Семи). Село получило своё наименование от одной из первых во всей округе

тамошней деревянной церкви во имя Богоявления Господня [6, Л. 40]. А вот происхождение второго топонима, Муравлёво Зорино тож [6, Л. 39], точнее, первой его части, не совсем ясно, в то время как вторая его часть является прямым указанием на поселившихся здесь в числе доброго десятка других однодворческих семей однодворцев Зориных.

В свою очередь, куда меньшее по своим размерам село Богоявленское в местности с обширными меловыми отложениями, возле неглубокого яруга, стало местом жительства сразу нескольких однодворческих семей, из числа которых назовём однодворцев Дёминых.

Мимоходом заметим, что в окладных книгах 1722–1727 гг. главы двух однодворческих семей Дёминых, явно связанных между собой неустановленными пока узами родства, именуются рейтарами («рейтарского чину») [4, Л. 1226–1226 об.], а, например, Криволаповы из Муравлевой на Сейме – копейщиками («ис копейщиков») [4, Л. 1231об.].

При этом за одной из этих семей Дёминых, точнее, за её 16-летним главой (судя по окладной книге 1714 г.), записано «в помянутом селе сорок пять четвертей да в том же стану в селе Выползове десять чет[-вертей] итого пятьдесят пять четвертей...» [3, Л. 485–485об.], т. е., в переводе в метрическую систему мер, «всего-то» 30,04 гектара. При этом сумма оклада, положенного на его двор, составляла два рубля 30 алтын (или два рубля 90 копеек).

Забегая вперёд, скажем, что к началу XX века здешние Дёмины во главе с десятским Анисимом Потаповичем, перейдя после отмены крепостного права сначала в разряд государственных крестьян, станут в итоге четвертными крестьянами, т. е. будут владеть землёй по четвертному праву. Причём не только в выделившейся со временем из Богоявленского деревне Дёминой, но и в соседних селе Гуторове и деревне Лисовой. И это легко проследить по материалам сельскохозяйственной переписи 8(21) августа 1911 г., хранящихся в фондах Государственного архива Курской области [7, Л. 68об. – 94]. При этом совокупный земельный надел членов одной семьи (кровных родственников из разных поколений) будет превышать 47 десятин, или 51,33 (!) гектара.

В это же самое время аналогичный земельный надел одной из семей государственных крестьян (бывших однодворцев) Криволаповых (Захара Калинниковича) из села Муравлёва Зорино тож составлял 26 7/16 десятины, т. е. больше 28,4 гектара на одну семью из 12 человек, включая женщин и несовершеннолетних.

Предки Захара Калинниковича имели совокупный земельный надел общей площадью чуть больше 28 четвертей, или более 15,3 гектара, а положенный на их двор оклад составлял один рубль 13 алтын (или один рубль 39 копеек) да «пчалных заводов три улья со пчалми» [2, Л. 425].

Пионеры этих мест из времён Царя-Реформатора и даже ещё бо-

лее ранних, когда только-только началось массовое освоение здешних земель заново, просто не могли не оставить о себе память и в местной топонимике.

Так, например, на однодворцев Бесединых указывает одноименный (впоследствии владельческий) хутор на бывшем транспортном тракте из Курска в Корочу и Старый Оскол и деревню на почтовой дороге из Курска в Тим, а на Гуторовых – Гуторово (два села в разных станах), Вышнем Гуторово, Нижнем Гуторово и Малом Гуторово. А Еремины и Еськовы оставили свой неизгладимый след в названии деревень Вышней Ереминой, Нижней Ереминой (Кобылий Верх) и сельца Еськово (Ханок). Однодворцы Зорины также успешно «наследили» в сельце и селе Зорино Рышковской волости; Рышковы (они же Рыжковы) – в Рыжково и Рыжково, что на Клюкве. В свою очередь курские Шумаковы – в Шумаково, Нижнем Шумаково, Малом (Старом) Шумаково (в Колоденской, Муравлёвской, Рождественской волостях), в то время как их тимские сородичи – в одноименных деревнях и селе Никольской волости.

Такое обилие практически одинаковых топонимов в одной местности, вовсе не характерное, к слову сказать, для центральных губерний России, не может не вызывать определённых трудностей при проведении генеалогических и иных исследований. Наличие в этой местности нескольких населённых пунктов с практически одинаковыми названиями, например, все вышеупомянутые «вариации на тему» Шумаково, а также многочисленные деревни, в названии которых фигурирует слово «колодезь» (Добрый Колодезь, Средь Доброго Колодезя, Усть Доброго Колодезя и т. д.) может легко сбить с толку даже самого искушенного, «матёрого» исследователя.

Следует принимать во внимание тот факт, что в 1779 году часть земель Курского уезда была передана в состав Тимского и Щигровского уездов. А затем, в 1797 году, после ликвидации Тимского уезда, эти земли были частично возвращены обратно (при этом другая часть была передана в Щигровский уезд). В 1802 году они вновь вошли в Тимский уезд, причём в этом случае территория этого последнего даже несколько увеличилась по сравнению с уездными границами 1779 года (за счёт земель, ранее собранных в Щигровский уезд).

Однако вернёмся к однодворцам Тускорского стана. Судя по всему, Дёмины оказались в этих местах (т. е. в селе Богоявленском, точнее, в Диком поле), переехав сюда из села Выползова, где у них оставались какие-то родственники и в более позднее время. В пользу этой версии говорит тот факт, что в 1714 г. и около этого времени в Выползово проживали три однодворческих семьи Дёминых (также рейтары), две из них были в явном родстве [1, Л. 314–315]. А на момент Генерального межевания села Богоявленского и соседней деревни Дёминой («учи-

ненного в 1785 году июня 4го дня землемером порутчиком Александром Бравиным») она находилась в совместном владении нескольких однодворцев Дёминых, Петра, Сидора и Фетиса («Фентиса») из села Выползова [5, «Д-синяя»]. А в 1797 года из села Богоявленского Курской округи выехал на постоянное место жительства в село Выползово Тимской округи некто Алексей Лаврентьев Дёмин, 18 лет от роду, и этот факт зафиксирован в 6-й ревизии села Богоявленского 1810 года, сохранившейся в фондах Государственного архива Курской области [9, Л. 155–155 об.].

Осев и уже окончательно обустроившись на новых местах, все эти бывшие драгуны, копейщики, рейтары и городовые, а ныне однодворцы, по мере необходимости, стали, разумеется, решать и «матримониальные вопросы». Благо недостатка как в невестах, так и в женихах в окрестностях, слава Богу, никогда не было — так сказать от слова «вообще».

В ходе работы с документальными материалами из фондов Государственного архива Курской области нам удалось проследить, как складывались родственные связи (через брачные узы) однодворцев из разных станов и округ (волостей) Курского и Тимского уездов в XVIII – начале XX века, и даже уже в советское время.

Довольно интересный, на наш взгляд, случай имел место в вышеупомянутой деревне Муравлёвой Зорино тож (будущий волостной центр) в первой четверти XIX века в семье однодворца Саввы Криволапова. Первые сведения о его официальной, законной жене Степаниде Ивановне, урождённой Гуторовой, были подчерпнуты нами из 5-й ревизии податного населения этой деревни 15(26) июня 1795 года. К этому времени у Саввы, имевшего 27 лет от роду, уже было двое детей, сын Александр, 7 лет, и дочь Ульяна, 4 лет [8, Л. 317–317 об.].

Изучение следующей, 6-й по счёту, ревизии 1811 года каких-либо дополнительных сведений о семье Саввы Кирилловича нам не дало за отсутствием в ней данных о женщинах. А вот в процессе изучения метрических книг прихода Богоявленской церкви за первую четверть — первую половину позапрошлого столетия выяснилось, что у Саввы было два внебрачных ребёнка — сыновья Калинник, появившийся на свет 29 июля/10 августа 1823 года [12, Л. 388 об.], и Евдоким, родившийся 31 июля/12 августа 1826 года [12, Л. 429]. Их матерью называется некая дворовая жёнка Евдокея (так!) Сидорова (Сидоровна).

Выходит, что эти двое детей Саввы были прижиты им от наёмной работницы. Но было ли это при живой жене Саввы и ходила ли тогда упомянутая Евдокия у него в любовницах, не совсем понятно, поскольку в последующих ревизиях сведений о его законной жене просто нет, да и год её смерти нам также, к сожалению, пока неизвестен.

При этом в ревизской сказке 17/29 апреля 1834 года Степанида

Ивановна не упоминается, а говорится только о её сыне от Саввы Кирилловича Александре 27 лет, который к тому времени и сам уже, по крайней мере, трижды стал отцом и даже успел умереть — в 1830 году [10, Π . 386—386 об.]. Ни Калинник, ни его младший брат Евдоким, судя по всему, как незаконнорожденные, в этой ревизии не упоминаются.

Неизвестно также, была ли в этой время своя семья (законный муж и другие дети) у самой Евдокии, ведь на момент рождения Калинника ей было уже 34 года. Тайной за семью печатями является и её социальное происхождение.

В следующей ревизии 6(18) октября 1850 года сам Савва упоминается уже как умерший в 1840 году и приводятся сведения о его внуках от сына Александра. Евдокима в этой ревизии нет, а вот Калинник, первенец Саввы Кирилловича от «второго брака», упомянут как причисленный из кантонистов в 1846 году [11, Л. 657–660].

Правда, неизвестно, каким образом сам Калинник попал в кантонисты, соответствующий указ Курской казённой палаты нами пока не найден. В этой же 8-й ревизии значится и мать Калинника, жена Саввы, 60 лет. Последнее только добавляет ещё большую пикантность к этой семейной истории, так как возраст Евдокии указывает на год её рождения — 1789. А из 5-й ревизии 1795 года нам известно, что фактический хозяин или, точнее, работодатель Евдокии и, впоследствии, её законный муж Савва родился в 1767 году. т. е. выясняется разница в их возрасте — аж 22 года! Кроме того, становится понятно, что старший сын Евдокии Калинник появился на свет в год, когда его отцу «стукнуло» 56 лет, а его младший брат Евдоким — когда Савве уже было 59 лет, что даже и по нынешним меркам не так уж и обычно.

Была в этой же семье и история из разряда «нарочно не придумаешь». Однодворец Каллиник Саввич Криволапов взял себе в жёны односельчанку, дочь однодворца Кирилла Герасимовича Дуракова Агриппину. В результате же изучения истории происхождения Агриппины Кирилловны, её родословной, выяснилось, что её мать, Марфа Васильевна была дочерью однодворца Василия Разумова, уроженца села Добрый Колодезь. Вот так. Муж по фамилии Дураков, а его жена в девичестве Разумова [12, Л. 246]. А вы говорите...

Следует также отметить, что в Курской губернии «матримониальные вопросы» решались, в большей степени, за счёт уроженок и уроженцев окрестных деревень и сёл. А вот для сельского населения центральных губерний России (например, в Рязанской), где было больше крепостных крестьян (в смысле их социального отличия от однодворцев), такое положение вещей было вовсе нехарактерным. Там, как показывает наш опыт, все эти вопросы куда чаще решались за счёт односельчанок и односельчан, в результате чего со временем образовывались закрытые или полузакрытые от внешнего мира культурные анклавы со своим жизненным укладом, традициями и даже языком, некоторые из которых сохранились и по сей день.

Число кровных родственников из таких культурных анклавов на сегодня идёт уже на тысячи (и они рассеяны теперь по всей Российской Федерации и даже живут в ближнем и дальнем зарубежье), а степень их родства более или менее легко проследить. Чего, между прочим, не скажешь о современном населении бывших однодворческих деревень и сёл юга России.

Интересно отметить, что язык (бывших) крепостных крестьян центральных губерний России пусть и незначительно, но всё-таки отличается от языка (бывших) однодворцев или государственных крестьян из её южных губерний. В том смысле, что речь первых несколько ближе к языковым нормам, в чём мы склонны усматривать личное влияние... дворян-помещиков, в собственности которых находились когдато эти самые крепостные крестьяне. Вплоть до личных имён. Так, например, в разговорной речи крепостных крестьян центральных губерний России вы никогда не встретили бы имени Кирей или Кир (то бишь церковное Кирилл), а здесь, в среде однодворцев Курской губернии, пожалуйста. Или ещё один пример. В ревизиях XVIII века податного населения центральных губерний России вы опять-таки никогда не увидите столь характерных для здешних однодворцев речевых оборотов вроде «У Вывана жена», т. е. «у Ивана жена» и т. д....

Кроме того, в центральных губерниях Российской Империи — в той же Рязанской губернии — нередки были случаи, когда невеста из однодворческой семьи из одного населённого пункта переходила в семью крепостных крестьян другого населённого пункта по так называемой отпускной. Или же девушка из крепостной семьи выдавалась замуж за однодворца. А в Курской губернии (по крайней мере, в одноименном уезде) нами таких случаев зафиксировано не было.

И это при том, что вышеупомянутое сельцо Муравлево Зорино тож Курской округи вовсе не было сугубо однодворческим, и здесь также были свои самые настоящие помещики из тех же однодворцев (если судить по их фамилиям — Зорины, Харлановы, Шеховцовы, и т. д.), у которых, в свою очередь, были свои крепостные.

Само собою разумеется, были в культуре (бывших) крепостных крестьян центральных губерний России и однодворцев той же Курской губернии и какие-то общие черты. Например, именование семей, т. е. всех членов одной семьи, по двору или «по-уличному», дедичеством. Так, потомков Калинника Криволапова, умершего в 1885 году, величали в Муравлёво Калинкиными (от простонародного Калина) даже и в советское время. В заключение скажем только, что изучение здешней самобытной однодворческой культуры, во всех возможных её проявлениях, есть дело весьма и весьма благодарное, и что она, культура, а

равно и история однодворцев и государственных крестьян Курской губернии всё ещё ждёт своих исследователей. А их, и мы в этом абсолютно уверены, в свою очередь, всё ещё ждут удивительные открытия и победы, большие и маленькие.

Источники и литература

- 1. Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 221.
 - 2. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 215.
 - 3. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 221.
 - 4. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1668.
 - 5. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 215. Д. 215.
 - 6. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 590.
- 7. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 565.
 - 8. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 297.
 - 9. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 305.
 - 10. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 550.
 - 11. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 802.
 - 12. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1081.

Л.С. Ласочко

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА: ЭТНОГРАФ, ПУТЕШЕСТВЕННИК ЮРИЙ ИВАНОВИЧ КУШЕЛЕВСКИЙ (1825-1873 гг.)

Курский губернский статистический комитет был учреждением, в котором состояли на службе чиновники, чьи имена и труды хорошо известны курянам — это и А.А. Головащенко, опубликовавший «Краткий исторический обзор Курской губернии», Т.И. Вержбицкий, принимавший участие в изданиях губстаткомитета и как редактор, и как автор статей по истории Курского края, Н.И. Златоверховников — редактор издания «Курский сборник», где помещались его статьи по краеведению. Однако имена многих чиновников, внесших весомый вклад в историю не только края, но и всей России, остались и остаются или малоизвестными, а порой и совсем забытыми. К их числу можно отнести и Юрия Ивановича Кушелевского, тобольского дворянина, этнографа, путешественника, исследователя русского Севера, состаявшего секретарем Курского губернского статического комитета с 1869 по 1873 год.

Юрия Ивановича Кушелевского называют сибирским странником. Оценки его деятельности крайне противоречивы: от признания до полного отрицания научных заслуг.

Родился Ю.И. Кушелевский в 1825 г.в г. Ямбург (в н. в. – г. Кингисепп в Ленинградской области). Окончил курс наук в Белостокской гимназии. Со школьной скамьи мечтал стать этнографом, поэтому зачисление в штат Тобольского губернского суда, по окончании гимназии, а несколько позднее – в губернское управление, считал первым шагом в осуществлении своей мечты. В Тобольске, однако, Кушелевский пробыл недолго – спустя два года он был переведен в старинный город Обдорск (ныне Салехард). В те времена это был небольшой поселок, население которого составляли временно проживающие иногородние купцы, да проезжающие мимо кочевники. В Обдорске Кушелевский пробыл до 1854 г. За это время им было сделано немало записей, зарисовок о быте и жизни местного населения, записаны песни, сказания местных народов, составлены карты новых маршрутов, которые помогали местному населению, ненцам и хантам, найти новые места для кочевий.

Путешествуя по Заполярному Уралу и Сибири, Ю.И. Кушелевский поставил перед собой цель — «найти самый быстрый и безопасный путь из Азии в Европу и нанести этот путь на карты» [3, Л. 27].

Такие попытки были известны и раньше: во времена правления Петра I и Екатерины II одинокие путешественники ходили за Урал вдоль Ледовитого океана, не оставившие, однако, на картах следов сво-их переходов.

В 1859 г. Кушелевский переезжает в Тобольск, а вскоре, получив по выслуге лет чин коллежского регистратора, выходит в отставку и уезжает в Петербург. Здесь он часто бывает в доме Василия Латкина, одного из основателей «Печорской компании» – содружества промышленников для освоения бассейна реки Печоры, который предложил Кушелевскому поехать на службу в Петрозаводск, чтобы принять участие в экспедициях по сбору этнографического материала.

За время пребывания в Петрозаводске с 1859 по 1862 год, находясь в должности чиновника особых поручений, вместе с Павлом Николаевичем Рыбниковым – исследователем, этнографом, Кушелевский записал немало образцов народного творчества.

В 1862 году Юрий Иванович оставляет государственную службу и снова выезжает в Тобольск. Став доверенным лицом золотопромышленника М.К. Свиридова, который открыл большое месторождение графита, Кушелевский совершает путешествия, позволившие перевезти большие партии графита на архангельские заводы.

С 1862 г. по 1865 г. Юрий Иванович Кушелевский совершил три полярных экспедиции, открыв зимний, летний водные пути из устья

Енисея в устье Печоры. Он прошел Заполярный Урал на оленях там, где никогда ранее не ступала нога исследователя. Это путь — самый краткий, удобный, безопасный — был нанесен затем на все карты того времени. Полуостров Находка, мысы Парусный, Круглый, Ямбур — эти названия, появились на картах, благодаря Кушелевскому. Правда до нашего времени дожил лишь мыс Ямбур, ставший известным во всем мире, благодаря большим запасам подземного газа.

Во время своих путешествий Ю.И. Кушелевский первым среди ученых посетил в 1864 году древнее русское городище Мангазея, существовавшее в устье реки Таз, опубликовал найденную там грамоту XV века. Кушелевский спас от гибели всех участников экспедиции Павла Крузенштерна, который в сентябре 1862 г. отправился на небольшой шхуне, мало приспособленной к плаванию в полярных широтах, из устья Печоры на Енисей и был заперт льдами в Карском море. Узнав об этом бедствии, Кулешевский на нартах выехал в тундру, сам едва не погиб, отыскал терпящих крушение людей и переправил их по своей тропе в Обдорск.

Кушелевский был дружен с декабристом Павлом Ивановичем Анненковым, часто бывал в его доме, выполнял поручения ссыльного декабриста в Петербурге и Москве. Хорошо был знаком и с Петром Петровичем Ершовым, автором «Конька-Горбунка». Ершов не раз был защитником рискованных проектов Кушелевского по освоению Сибири.

Большим авторитетом Кушелевский пользовался у местного населения — ненцев и ханты. Он хорошо знал их языки, обычаи и верования, составлял за старшин прошения, лечил больных, учил грамоте, охотно брал местных жителей в походы. Юрия Ивановича поражала массовая неграмотность местного населения, отсутствие достаточного количества школ, училищ. Это стало поводом для составления петиции царю и министру просвещения о необходимости открытия в Сибири университета. Благодаря деятельности Кулешевского, были собраны достаточно крупные денежные средства среди сибирских купцов, и в 1881 г. в Томске был открыт первый сибирский университет.

Часто спутниками Юрия Ивановича в его путешествиях были местные жители. Так, в освоении нового пути через Урал в Европу ему помог Осип Артеев, отец которого совершил поход водным путем через Уральский хребет на реку Обь. В результате этой экспедиции был проложен новый водный путь, составлена карта морского пути, обследованы берега полуострова Ямал. Материалами экспедиции Кушелевского пользовались все исследователи и торговые люди, посещавшие этот суровый край. Тесное общение с местным населением, знакомство с его бытом, нравами, культурой стали поводом для составления русско-самоедского словаря. Самоеды — это старое название коренного населе-

ния — ненцев. Словарь в качестве приложения был помещен в «Путевых заметках Ю.И. Кушелевского», в него включено 1824 слова. Об этом словаре Кушелевский писал: «Самоедское племя постоянно уменьшаясь, клонится к уничтожению. Такой судьбы его в недалеком будущем нельзя не заметить. Убеждаясь все более и более в этом факте... я предпринял этот труд по составлению возможно полного словаря самоедского языка, который до настоящего времени нигде издаваем не был, на тот конец, чтобы тем доставить услугу не только филологам, но и потомству, для которого сохранность памяти о народе, обитающем на берегах Ледовитого моря в глубоком Севере, дело немаловажное» [3, Л. 116].

Последние годы жизни Юрий Иванович Кушелевский провел в Курске. В 1869 году его кандидатура на вакантную должность секретаря Курского губернского статистического комитета была предложена Курскому губернскому правлению губернатором А.Н. Жедринским [2, Л. 1]. О роде занятий Кушелевского в Курском губстаткомитете сведения не сохранились. Последнее упоминание имени Ю.И. Кулешевского содержится в отчете Курского губернского статкомитета за 1873 год. В разделе о переменах в личном составе комитета говорилось: «выбыли за смертью... в августе месяце секретарь комитета Кушелевский, на место которого 15 октября господином начальником губернии назначен действительный член Комитета, коллежский советник А.М. Мизгер» [1, Л. 2 об.]. В этом же отчете указывалось, что бывшему секретарю Кушелевскому выплачено жалованье 500 р. и пособие в размере 100 р. На погребение умершего секретаря Кушелевского выдано 50 руб. [1, Л. 8 об.].

Место захоронения Юрия Ивановича Кушелевского неизвестно: по всей видимости — это одно из старых кладбищ города Никитское или Херсонское. В настоящее время для возвращения имени Ю.И. Кушелевского много делается Тюменским государственным нефтегазовым университетом, откуда и были получены материалы о жизненном пути неутомимого исследователя района Крайнего Севера.

Источники и литература:

- 1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 66.
 - 2. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 4699.
 - 3. ГАКО. Ф. Р 2969. Оп. 3. Д. 601.

В.В. Раков

О ПИМЕНЕ ИВАНОВИЧЕ КАРПОВЕ

Пимен Иванович Карпов родился 6 (18) августа 1886 г. в с. Турка Рыльского у. Курской губ. (ныне Хомутовский р-н Курской обл.). В метрической книге Знаменской церкви в графе «Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания» сделана следующая запись: «Того села [Турки — В.Р.] бывший дворовый Иван Родионов сын Карпов и законная его жена Матрёна Иванова дочь; оба православные» [1, Л. 254 об.-255].

В 1960-1970 гг. деревня Турка (не село, а деревня – именно так почему-то называли её жители Амони) состояла из двух частей: Нижней Турки, ближайшей к Амони, расположенной в основном одной улицей на левом высоком берегу речки Амоньки и другой – по косогору вверх от речки на запад, разделённых огромным заливным лугом, где паслись коровы, да щипали травку гуси, а мальчишки «гоняли» в футбол, и Верхней Турки, находившейся в полу-километре южнее, далеко от речной поймы, на возвышенности над ручьём, на котором в то время была сделана гать и получился настоящий пруд (у нас пруды называли «ставками») с карасями и карпами. В Нижней Турке, на склоне правобережья и располагались основные достопримечательности села: начальная школа, деревянная церковь и кладбище, на котором покоится ныне прах писателя.

Исследователь биографии писателя журналист Н.А. Шатохин в своей книге «Друг ты мой, товарищ Пимен...» пишет: «Пимен Иванович неоднократно бывал на своей родине, приезжал он незадолго и до своей кончины. О встречах с писателем до сих пор тепло вспоминает его друг, житель Амони, Михаил Харлампиевич Раков» [2, С. 7].

Дедушка мой, Михаил Харлампиевич Раков, родился в селе Амонь Рыльского уезда Курской губернии в 1894 г. Обладая хорошей памятью, даже по истечении многих десятилетий, он точно и подробно воспроизводил сюжеты и картины не только своей молодости, но и детства. Это были занимательные рассказы: о пешем паломничестве в возрасте 4-5 лет вместе с матерью, Прасковьей Михайловной, в Киево-Печерскую лавру, которое они совершили по её обету после излечения маленького Миши от оспы (дедов иммунитет, видимо, передался и мне, т.к. после прививки от оспы на предплечье у меня не оставалось характерных следов – «оспинок»); о брате-силаче Ефиме (удерживал за хвост жеребца), ушедшем из жизни в возрасте 23 лет в 1911 г. от «надрыва» и простуды, переросшей в тиф (умерла вся семья его молодой жены, могилы копали в феврале, огромные глыбы мёрзлой земли Ефим под-

нимал один); о службе в 136-м пехотном запасном полку (1915-1916 гг.) и 28 Сибирском стрелковом полку на фронте под Дорогобужем и в Восточной Пруссии (1915-1917 гг.) и т.п. Удивительно, но спустя 70 лет он по памяти воспроизводил все фамилии солдат и унтер-офицеров своего взвода, а так же номера (!) их винтовок.

Дедушка много читал, выписывал книги по садоводству, истории, различные справочные и энциклопедические издания и имел неплохую домашнюю библиотеку. В этой связи вспоминается такой эпизод. Великую Отечественную войну Михаил Харлампиевич завершил в Восточной Пруссии. Командование разрешило отправлять посылки домой с вещами из покинутых хозяевами-немцами домов (своеобразная «солдатская репарация»). И дед отослал в разорённое село, где люди нуждались в самом необходимом — одежде, обуви, домашней утвари ... юбилейное полное собрание сочинений А.С. Пушкина, которое он нашёл в полусожжённой частной библиотеке. А дома жена, Александра Осиповна, и четверо детей четырёх, семи, четырнадцати и шестнадцати лет. Александра Осиповна, получив такую посылку, сокрушаясь, сказала: «Другие, вон, парашютный шелк на платья детям шлют, ботинки, а наш ...!».

Среди прочего, Михаил Харлампиевич поведал и о своих встречах с Пименом Ивановичем Карповым. Не буду пересказывать, всё, что слышал по этому поводу, поскольку вы имеете возможность познакомиться с фрагментом воспоминаний дедушки, записанных им (по моей просьбе) в конце 1970-х гг. Остановлюсь лишь на одном эпизоде, не вошедшем в его воспоминания.

В начале 1920-х гг. (я не запомнил точную дату) Пимен Иванович в очередной раз приехал на родину в с. Турка. Это было время, когда партия большевиков и ВЧК вели системную и беспощадную борьбу с «мелко-буржуазными» партиями, прежде всего — социалреволюционерами, к числу которых принадлежал и П.И. Карпов. Он, кстати, был не рядовой фигурой в партии эсеров. Известный в литературной среде молодой писатель «из глубины», проходил по спискам партии от Рыльского уезда на выборах в Учредительное собрание в 1917 г. Появление в уезде такого важного классового врага не могло не вызвать интереса у рыльских чекистов, что в общем-то нашло скорое подтверждение.

Дедушка, узнав о приезде столичного гостя, будучи ранее знаком с ним, направился в Турку (или как в деревне говорят «пошёл», что совершенно точно соответствовало способу передвижения, благо расстояние было небольшим — 2-3 км.). Встреча с писателем состоялась, но не в хате родственников Карпова, а в доме бывшей помещицы Фатеевой, а таковых в Турке до отмены крепостного права было двое (Богговут и

Фатеева). Проживала же здесь только Фатеева. Землю у неё к тому времени уже забрали, а вот из жилья пока ещё не выселили.

Далее со слов дедушки: «Сидели. Пили чай. Вдруг, неожиданно для всех, как застучит маленькая чугунная дверца поддувала грубки (грубка использовалась для отопления жилых помещений, где отсутствовало печное отопление — В.Р.). Хозяйка тревожно сказала, что это плохой знак. Пимен Иванович сразу засобирался. Он решил, что это ему весточка. И ушел на Крупец, расположенный километров в пятнадцати от Турки. Как выяснилось позже — правильно сделал: в тот же день через некоторое время после ухода Карпова в Турку за ним на подводе прибыли чекисты из Рыльска. Но пути разминулись. Ареста удалось избежать». Впоследствии отношения писателя с советской властью также оставались сложными, особенно в 1920-1930-е гг., когда он мало публиковался.

А теперь, собственно, небольшой отрывок из воспоминаний Михаил Харлампиевича о совместной поездке с Пименом Ивановичем в Москву. Точную дату автор не указывает, но поскольку речь идёт о продналоге — это события не ранее лета 1921 г. Нами сохранена авторская стилистика и орфография.

«В одном из годов, когда я работал в волостном исполкоме, был слабо урожайный год и на волостном съезде избрали уполномоченных Ракова М.Х., Карпова П.И. и Чернышева ходатайствовать перед центральной властью об уменьшении налога, и мы не поехали по инстанциям через Рыльск, Курск, а непосредственно в Москву. В это время поставка зерна государству в ожидании результата из Москвы приостанавливается. Рыльск и Курск сообщили об этом в Москву.

Прибыли мы во Всероссийский Центральный [Исполнительный] Комитет, председателем которого был Михаил Иванович Калинин. В здании [ВЦИК] зал был полный ходоков по разным вопросам. Принимал, как сейчас помню, Рубинитейн. Мы решили: как всех [он] отпустит, тогда обратимся. Первым обратился к Рубинитейну Чернышев. Он сказал несколько слов и на него сразу обрушился Рубинитейн: «Приехали ходатайствовать! Стране хлеб нужен!». И обратил внимание на Карпова. Толи он его знал, так как Карпов проживал как писатель в Москве? «Что, — говорит ему, — поедем, там я все ходы и выходы знаю?».

Я собрался с духом: «Товарищ Рубинитейн! Позвольте к Вам обратиться — я представитель советской власти, избранный на волостном съезде, как и мои товарищи, и приехал к Вам выполнить поручение съезда. У меня вот акты обследования полей о плохой урожайности!». И подаю ему. Он взял, прочитал и написал красными чернилами: «Курскому Губпродкомиссару». А потом остановился и говорит: «Пойдёмте к тов. Калинину». И мы только подошли к кабинету Калинина, а он случайно вышел из кабинета и встретился с нами у двери. Рубинитейн тут же рассказал ему суть дела, и Калинин скороговоркой сказал: «Напишите курскому губпродкомиссару

тов. Чухрите, чтобы он разобрался с этим делом и если найдёт возможным – снять часть поставки, но с таким расчетом, чтобы это количество развёрстано было по другим волостям».

Будучи в Москве (в это время проходил съезд писателей, на котором писатель Неверов читал своё произведение), куда привёл нас Карпов, и он же нам объяснил, что, прежде чем сдать своё произведение в издательство, оно обязательно должно быть пропущено через собрание писателей. Выступало много писателей, и все выступления сводились к [необходимости] переработки сочинения, и таким образом Неверова провалили.

Уезжали из Москвы мы вдвоём с Чернышевым, а Карпов остался в Москве. Приехали в Курск, пришли в Губпродком. «Иди ты сам в кабинет, а я не пойду» —, говорит Чернышев. Я постучал в дверь и говорю: «Разрешите зайти?». Захожу в кабинет. Сидит один человек. Я говорю: «Вы будете Губпродкомиссар, тов. Чухрита?». «Нет, я секретарь, а что Вы хотите?». Я подаю ему бумажку из Москвы, Он взял, а потом достает из кармана часы и говорит: «Что это?». Я говорю: «Часы». «А если испортятся, что с ними получится?». А я говорю: «[Смотря] какая порча: могут идти неправильно и могут остановиться». «Вот так и мы, сделали развёрстку, поправлять не будем. Езжайте домой, пока не поздно».

Приезжаю домой, и мне говорят, что здесь бригада в числе семи человек, и ожидают тебя. Поставку никто не везёт. Вечером приходит ко мне сосед, Посметухов Никифор Алексеевич, у которого стоял на квартире уполномоченный тов. Седов, и говорит, что вас просит уполномоченный. Я прихожу. На столе самовар, вязка кренделей, и за столом Седов. Хозяин он. Приглашает меня на чай.

Я сел. Уполномоченный спрашивает: «Ну как ходатайство?». И я ему всё подробно рассказал. Он говорит: «Ну, знаете, что я за Вас спрашивал человек у шести, из них были даже ваши недруги, но ни один из них не сказал ни одного слова, компрометирующего Вас как человека, а также и вашей работы. Мне дан был приказ Вас арестовать, а теперь я не имею никакого права. А завтра, сколько у вас имеется зерна — нагружайте и отправляйте на Крупец. Я договорился с соседями, мне дали две подводы, и на другой день выгрузил из амбара всё зерно и отправился в Крупец. Вздвих* был невероятный, как пчёлы летят, так и подводы с зерном шли на Крупец.

Вот как оно бывает, а я-то на волостном съезде согласился представителем ходатайствовать о сложении поставок в связи с недородом, и самое главное, кстати, посмотреть Москву. Но не подумал, хотя и недород, но поставку можно выполнять, хотя, может быть, и не полностью, так как дело это большой политической важности. И я доволен не за то, что посмотрел Москву, а за урок, который в дальнейшем мне так пригодился».

_

^{* «}Вздвих» (разгвор.) – скорость движения.

Источники и литература:

- 1. Государственный архив Курской области. Ф. 217. Оп. 3. Д. 242.
- 2. Шатохин Н.А. Друг ты мой, товарищ Пимен...: Статьи. Курск, 2013.

И.О. Рожковская

АРХИТЕКТОР КАРЛ ГУСТОВИЧ ШОЛЬЦ

Усадьба «Марьино», Дом купца Филимонова в г. Рыльске, Дом Земства, Усадьба Качановка, Троицкий собор в г. Сумы — это лишь те немногие памятники архитектуры, сохранившиеся до наших дней, историческая и культурная значимость которых была и остается неоценимой. История этих уникальных зданий и парковых ансамблей — это, прежде всего, биографии тех выдающихся людей — князей, генералов, губернских землемеров, архитекторов, скульпторов, мелиораторов, к которым мы возвращаемся снова и снова, чтобы еще раз прикоснуться именно к той части истории, которая ведет нас к великолепию загородных дворянских усадеб, строительству историко-культурных заповедников и возведению величественных соборов.

Неоценимый вклад в создание архитектурных обликов всех названных сооружений и усадеб внес известный архитектор немецкого происхождения Карл Густавович Шольц (1837–1907 гг.), работавший на территории Курской, Харьковской и Черниговских губерний. Биография Карла Шольца не была столь яркой и запоминающейся, но, тем не менее, обратимся к ней и его творческой деятельности, оставившей неизгладимый след в истории.

Для работы в своих владениях знаменитые князья Барятинские активно приглашали лучших иностранных специалистов. В конце 1860-х годов Карл Густавович получил такое приглашение семейства князя Барятинского. В архивном фонде «Канцелярия Курского губернатора», в делах о выдаче билетов иностранцам мы видим тому подтверждение [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

Семья Шольца жила в с. Ивановском Льговского уезда Курской губернии. Шольцы были прихожанами лютеранской кирхи, но вместе с тем активно посещали православную Покровскую церковь с. Ивановское.

И, как свидетельство того времени в документе архивного фонда «Курская евангелическо-лютеранская кирха святых апостолов Петра и

Павла» за 1876–1885 гг., в котором среди прихожан значится Карл Шольц, а также Эрнестина Эккерт (записи на немецком языке) [8].

В середине 1870-х годов Карл познакомился с Эрнестиной Константиновной Эккерт. В 1878 г. они поженились.

Эрнестина была также частым посетителем Покровской церкви, регулярно жертвовала деньги на нужды как лютеранской общины, так и православной церкви. В семье Карла было пятеро детей: Густав Шольц (1880–1939 гг.), Юлия, Эмма, Адель и Ольга.

Карл Густавович Шольц был великолепным мастером по токарным и резным работам, имея звание и лицензию. Он открыл собственную мастерскую, основной задачей которой было снабжение собственными токарными и резными изделиями объектов своих заказчиков. Говоря о последних, их было немало. Одними из первых, были князья Барятинские. Разнообразные элементы из мастерской Шольца использовались в отделке при реконструкции усадеб Марьино, Качановка, дом Филимонова в Рыльске и т.п. Практически в каждой усадьбе, где работал Шольц, были использованы материалы его собственного производства, включая деревянные элементы интерьера и мебель.

Впоследствии в с. Ивановское Карл Шольц открыл фабрику токарных резных изделий, которая была очень успешной и поставляла продукцию в разные уголки России.

Совместно с другим известным петербургским архитектором Ипполитом Антоновичем Монигетти началась работа над реконструкцией усадьбы «Марьино». Перестройка дворца проходила в стиле неоклассицизма по проекту Монигетти. Во время работ активно использовалась продукция слесарной мастерской Шольца: была произведена резная мебель на заказ, при входе был сооружен массивный фронтон с колоннами, а также были заменены многие элементы во внешней отделке.

В письме, адресованном князю В.И. Барятинскому, И.А. Монигетти писал: «...Я покинул Ивановское, где провел добрых два дня, для того, чтобы рассмотреть и проверить работы, которые хорошо продвигаются, и решил вопросы, которые казались затруднительными. Думаю, что если не будет недостатка в средствах для господина Шольца, все подготовленные работы могут быть закончены к концу августа... Ваши апартаменты, также как госпожи княгини, целиком закончены и я нахожу их очень благоприятными и по расположению и по их пропорциям. Я сделал по Вашей просьбе указание сохранить их как отдельные апартаменты. Мы с госп. Шольцем нашли средство выгодное и простое, для того чтобы сделать лестницу и балкон связанными с кабинетом госпожи княгини и с библиотекой... Шольц, мой помощник и я не теряем ни одного мгновения без пользы... Ваш покорный слуга Ипполит Монигетти» [9, С. 37–39].

Жизнь в Ивановском была удобной во всех отношениях. Тут была и развитая инфраструктура, и близость к большим городам: Курск, Рыльск, Сумы. Тут было удобно работать для заказчиков и производить для них необходимые товары.

Еще одно творение Карла Шольца, заслуживающее особого внимания — двухэтажный дом купца Филимонова в г. Рыльске — в настоящее время памятник истории и культуры федерального значения. Над реконструкцией этого здания, его архитектурной отделкой длительное время работал Карл Густавович Шольц. Здание дома купцов Филимоновых сохранилось до сих пор и является одной из визитных карточек исторического города.

К концу XIX в. имя Карла Шольца было широко известно в Курской губернии. В соседнем Сумском уезде Харьковской губернии бурно развивается сахарная промышленность. Торговый дом Павла Ивановича Харитоненко быстро расширялся и строил заводы на территории прилегающей Курской губернии. Один из крупнейших заводов того времени был построен в с. Красная Яруга. Павел Иванович Харитоненко познакомился с Карлом Шольцем в середине 1880-х годов и привлек его, как опытного специалиста в регионе для работы над своими объектами. С тех пор и началось их долгое и плодотворное сотрудничество.

Так в 1898 году Шольц участвовал в реконструкции усадьбы Качановка, которую Павел Иванович Харитоненко в качестве свадебного подарка дочери купил у Тарновских. За два года перестройка усадьбы была осуществлена. Под руководством архитектора Шольца дворец был облицован кирпичом, увеличен купол усадьбы, реконструированы внутренние помещения и преобразованы в залы, полностью перестроены боковые флигели. Внешнее оформление приобрело черты неоклассицизма. Огромную роль в архитектурном ансамбле усадьбы отыгрывали парковые скульптуры, зимний сад, ограждения, и, конечно, сам парк. Достройки времен Харитоненко не исказили классицистический характер дома-дворца, который сохранился и поныне.

Прожив около 30 лет в с. Ивановском Льговского уезда Курской губернии, семейство Шольцев приняло предложение Павла Ивановича Харитоненко и окончательно переселилось в г. Сумы. Этот переезд был необходимым в профессиональном плане. В начале XX века Сумы очень быстро развивались, благодаря сахарной промышленности и меценатству семьи Харитоненко. Карл Густович Шольц был полностью погружен работой для Харитоненко и его объектами. Говоря о последних, отметим работу над одним из крупных проектов — Троицким собором в г. Сумы, работа над которым началась в 1901 г. Меценатом этого строительства выступил Харитоненко, пожертвовав 500 000 р. на строительство. Сам собор был расположен на улице Троицкой в непосредственной близости от усадеб Шольцев и Харитоненко. К сожалению,

увидеть законченный собор Карлу было не суждено. Примерно в 1907—1908 гг. он умер и был похоронен на Петропавловском кладбище г. Сумы. Точная дата смерти до сих пор неизвестна, т. к. документы местной кирхи были утеряны во время революции. Впоследствии в работах по завершению строительства принимал участие его сын Густав Карлович Шольц в должности городского архитектора.

Тяжелой была судьба потомков Шольца. Единственный сын и потомственный архитектор Густав Карлович Шольц после революции продолжил работу по специальности. Строил больницу в г. Красный Луч, позже работал главным инженером сухопрессовального кирпичного завода в г. Армавир. В 1938 г. был арестован, а в 1939 г. расстрелян НКВД в Луганске, как жертва сталинских репрессий. Семья Густава Шольца в 1941 г. была выслана в Казахстан. Судьба четырех дочерей Карла Густавовича Шольца неизвестна.

1 июля 2013 г. была установлена мемориальная табличка при входе в Троицкий собор. Открывали табличку потомки Карла Густавовича Шольца вместе с главным архитектором города Сумы.

Вся его жизнь была посвящена одному главному делу – делу архитектуры. Его жизнь была жизнью обычного человека, но вся его творческая деятельность, несла особый авторский почерк, который до сих пор прослеживается в сохранившихся до наших дней зданиях и сооружениях. Такие элементы внешней и внутренней отделки, как лепнина, шик, массивные колонны при входе, отделка интерьеров деревом, фронтоны, балясины, многие из которых изготовлены собственноручно, весь шик европейского стиля постройки зданий того времени не оставляет равнодушным ни одного современного человека, увидевшего это, ни одного путешественника, оказавшегося рядом специально, для того чтобы еще раз окунуться в атмосферу того времени и насладиться культурными изысками.

Источники и литература:

- 1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2321.
 - 2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2642.
 - 3. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2863.
 - 4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3144.
 - 5. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3234.
 - 6. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5256.
 - 7. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9605.
 - 8. ГАКО. Ф. 726. Оп. 1. Д. 3.
 - 9. Федоров С.И. Марьино. М., 1976.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А.И. Раздорский

ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ КУРСКА И КОРЕННОЙ ЯРМАРКИ XVIII ВЕКА

Таможенные книги являются ценным источником по социальноэкономической истории различных регионов России XVII – первой половины XVIII в. В этих документах содержатся сведения о географии торговых связей городов, ассортименте, ценах и объемах поставок товаров, привозившихся на региональные рынки, номенклатуре, правилах взимания и размерах таможенных пошлин, действовавших в том или ином населенном пункте, системе мерных и тарных единиц, бытовавших на данной территории. Имеющиеся в таможенных книгах данные о социальном и персональном составе участников торговых операций придают этим памятникам значение важного источника информации для биографических, генеалогических и просопографических разысканий. Важно подчеркнуть, что таможенные книги включают материалы по истории торговли, купечества и таможенного дела не только того города, в таможне которого они были составлены, но и других населенных пунктов, поддерживавших с этим городом торговые связи.

Рассматриваемые документы представляют собой памятники делопроизводства таможен, которые в XVI — первой половине XVIII в. располагались как вдоль пограничных рубежей России, так и в ее глубинных районах, удаленных от границ на сотни и тысячи верст. Вплоть до 1754 г. таможенные пошлины в России взимались не только с грузов, пропускаемых через государственную границу, но и с товаров, находившихся в обращении внутри страны. Таможни, имевшиеся в уездных городах, ведали сбором пошлин как в самом городе, так и в прилегающей к нему сельской округе. Городским таможням были подчинены таможни в селах, в которых функционировали рынки. На торговых путях — сухопутных дорогах и судоходных реках — были устроены таможенные заставы. Прибывали таможенники и на сельские ярмарки [9, С. 10, 17].

С января 1754 г. сбор внутренних таможенных пошлин в России был прекращен, после чего в большинстве городов прекратилось и со-

ставление таможенных книг [8, С. 947–953]. Для компенсации доходов казны были увеличены в среднем на 13,0 % пошлины в портовых и пограничных таможнях с внешнеторговых операций русских и иностранных купцов. В 1754–1755 гг. пограничные таможни из Торопца, Смоленска, Брянска, Севска, Курска и других городов были перенесены непосредственно на государственную границу и тогда же учреждены новые пограничные таможни. При этом были ликвидированы внутренние таможенные границы между Великороссией, Малороссией и Землей войска Донского, вся территория Российской империи была окружена цепью портовых и пограничных таможен. Перестройка таможенной системы была закреплена Таможенным уставом 1755 г. и протекционистским тарифом 1757 г.

В настоящее время подавляющее большинство таможенных книг сконцентрировано в различных фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве. Среди них находятся и курские таможенные книги.

За XVII в. сохранилось 18 курских таможенных и кабацких книг, относящихся к периоду с 1619 по 1677/78 г. Эти документы имеют комплексный характер: записи о сборе таможенных пошлин чередуются в них с данными о поступлении питейной прибыли. Названные источники к настоящему времени хорошо изучены. Тексты семи книг первой половины XVII в. в 1982 г. опубликованы (с купюрами записей о питейной торговле) С.И. и Н.С. Котковыми в серии «Памятники южновеликорусского наречия» [10, С. 81–245]. Материалы всех 18 курских таможенных и кабацких книг XVII в. детальным образом исследованы автором настоящей статьи. В его монографии о торговле Курска в XVII в., изданной в 2001 г., приведены регесты (документальные таблицы) таможенных приходных и расходных записей, содержащихся в этих источниках [11].

Таможенных книг XVIII столетия по Курску дошло до нас значительно меньше². Важнейшее значение из них имеет книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г., начало изучения которой положил Б.Б. Кафенгауз еще в 1950-е гг. [17, С. 294–314]. В 2007 г. она в полном объеме опубликована автором настоящей статьи, а также подробным образом изучена и прокомментирована [12]. Имеется

² Анализ имеющегося корпуса таможенных книг России XVII—XVIII вв. свидетельствует о том, что по городам, располагающим сравнительно многочисленным собранием этих документов за XVII в., аналогичных источников XVIII в. либо нет совсем, либо имеется мало. И наоборот: если есть более или менее значительное число книг XVIII в., то за предыдущее столетие их либо нет совсем, либо они сохранились лишь в небольшом количестве. По сути дела по-настоящему значительные собрания таможенных книг как XVII, так и XVIII в. имеются только по одному русскому городу — Соли Вычегодской.

также специальная работа, в которой выполнен сравнительный анализ курских таможенных и кабацких книг XVII в. и книги 1720 г. [13, С. 20–24]. Поэтому в данной статье указанный памятник нами не рассматривается. Обратимся к другим курским таможенным книгам XVIII в., известным исследователям в гораздо меньшей степени.

Наш обзор начнем с курской конской таможенной книги 1726 г. Торговые операции по купле-продаже лошадей в русских таможнях издавна были выделены в отдельное делопроизводство. В конской торговле действовала своя специфическая система таможенного обложения. Поэтому сборы пошлин с торговцев лошадьми фиксировались отдельно от записей о взимании пошлин с других товаров либо в особых разделах таможенных книг, либо в отдельных самостоятельных документах. Курская конская таможенная книга 1726 г. находится в составе сборника, хранящегося в РГАДА в фонде Камер-коллегии9. Сборник имеет формат in folio и насчитывает 448 листов. В рукопись внесена буквенная составительская фолиация. Конская книга составляет основной объем сборника и насчитывает 405 листов (Л. 1–405 об.). Помимо нее, в сборнике имеется также еще несколько синхронных курских приходных книг разного назначения: об уплате «десятой доли» (налога) с найма извозчиков (Л. 407-430), о взимании оброка с владельцев торгово-промысловых заведений Курска (Л. 431–437 об.) [14, С. 39–53], о поступлении денег за колку льда с владельцев находившихся в Курске ледников и погребов (Л. 439-441 об.), о сборе денег с курских посадских людей, промышлявших рыбной ловлей, «подымных денег» с горожан и денег «от водопою» с курян и приезжих (Л. 443–444 об.), о поступлении оброчных платежей с мостов и перевозов в Курском уезде (Л. 445–448). Необходимо отметить, что физическое состояние рукописи внушает серьезные опасения: она осыпается и нуждается в незамедлительной реставрации. В читальный зал РГАДА книга исследователям не выдается, однако в виде исключения нам все же удалось получить к ней доступ.

Документ имеет следующее заглавие: «Книга приходноя города Курска и Курского уезду и протчих городов и уездов конских пошлин збору зборшиков курчен посадцких людей Ортема Антимонова да Платона Силина с товарыщи сего 726-го году» [1, Л. 1]. Книга написана разными почерками, основной текст принадлежит, надо полагать, двум таможенным дьячкам. Структура документа проста: следом за заглавием в календарном порядке следуют записи, фиксирующие торговые операции с лошадьми. В них отмечены: 1) дата операции; 2) место жительства, социальный статус, имя и фамилия продавца; 3) категория (мерин, кобыла, жеребец), масть, особые приметы и возраст лошади; 4) место жительства, социальный статус, имя и фамилия покупателя; 5) стоимость лошади; 6) место жительства, социальный статус, имя и фа-

милия поручителя торговой операции; 7) сумма взятых таможенных пошлин; 8) собственноручная подпись участников сделки (как правило, это был человек, сам в сделке не участвовавший, но расписавшийся за ее участников «по их прошению»). Вот как выглядит, например, первая запись книги: «1726-го году генворя в 3 день курченка вдова Григорьевскоя жена Агафья Сляднева продала лошедь свою мерина темнагнеда, грива направо, правого уха немного срезоно, леты сросла, курченину Усожского стану села Жирова покровскому дьячку Фоме Иванову сыну Иванову, а ценою за оною проданою свою лошедь взяла три рубли. А порукою по ней, вдове, в очистки оной лошеди писался курской солдат Лорион Васильев сын Прокопов. И с той проданой ево лошеди з денг (так в ркп) и с шерсти пошлин по указу взято шесть алтын четыре деньги. По сей записки курченин Леон Белоусов вместо вдовы и поручика ее и купца по их прошению руку приложил» [1, Л. 1]. Следует подчеркнуть, что в большинстве записей сумма взятых пошлин не приведена, указано лишь, что «з денег и с шерсти пошлины по указу взяты».

Ставки сборов были таковы. Со стоимости лошади взималось по 5 коп. с рубля (стандартный размер общего рублевого таможенного сбора) и еще 5 коп. уплачивалось за каждую проданную или обмененную лошадь «с шерсти». Если люди, приведшие на продажу лошадей, менялись ими без доплаты, то с них взимались только деньги «с шерсти» (например, курский посадский человек Игнат Семенов сын Безходарный и ярославский посадский человек Иван Петров сын Руковичников заплатили за обмен своими лошадьми 10 коп. [1, Л. 1 об.]). Интересно отметить, что архаичный сбор «с шерсти» не только не был отменен наряду с другими дополнительными торговыми сборами в ходе проведения таможенной реформы 1653 г., но пережил и таможенную реформу 1753 г. [2, Л. 1].

В конце каждого месяца в книге 1726 г. приведены итоговые сводки о собранных с торговцев лошадьми пошлинах. Например: «Итого генворя с первого числа февроля по первое число соброно ея императорского величества денежной казны с вышеписанных с проданых и явленых и меновных лошедей з денг и с шерстей адиннатцать рублев тритцать алтын адна денга» [1, Л. 14]. В конце документа после сведений о сборе пошлин за декабрь помещена итоговая сводка за год: «Всего в 726 году генворя с первого числа генворя ж по первое число по 727 год соброно ея императорского величества денежной казны конских пошлин двесте пятьдесят адин рубль тритцать алтын четыре денги» [1, Л. 405 об.]. Заметим, что в 1720-е гг. таможенные сборы с конской торговли в Курске возросли по сравнению с XVII в. многократно. Так, например, в 1677/78 г. с торгующих лошадьми было за год собрано

всего 18 руб. 22,75 коп., т. е. в 13,8 раза меньше, чем в 1726 г. (при одинаковых ставках таможенного обложения).

Формуляр записей о купле-продаже лошадей, содержащихся в книге 1726 г., по сравнению с теми, которые приведены в книгах XVII в., в своей основной части (данные о лошади, продавце и покупателе) практически не изменился. Главное отличие состоит в том, что в книгах XVII в. никогда не указывался поручитель торговой сделки и не вносилась его подпись, в книге же 1726 г. эти элементы записи стали обязательными. На одной стороне листа в рассматриваемом документе приведено обычно две, реже – три записи. Всего, таким образом, в этом источнике содержится порядка 900 записей.

По листам рукописи проставлена скрепа протоколиста Елисея Фефилова, внесенная перед передачей документа в Московский государственный архив старых дел (существовал в 1782–1852 гг.) – одного из предшественников нынешнего РГАДА.

В РГАДА имеются также три конские таможенные книги Коренной ярмарки за июнь 1742 г. Они хранятся в фонде 829 («Таможни и кружечные дворы») [3, 4, 5]. Эти документы представляют собой остатки некогда обширного таможенного делопроизводства Коренной ярмарки, являвшейся в XVIII в. одной из крупнейших в стране. В описании Курского наместничества, составленном губернским землемером И.Ф. Башиловым в 1785 г., про этот торг сказано так: «Ярмонка в [Курском. – А. Р.] уезде бывает Коренная при Коренском Рожественском монастыре на месте явления чудотворной иконы, разстоянием от города [Курска. – А. Р.] в 27 верстах, на большой к Москве дороге, в девятую после пасхи неделю, которая составилась от времени ношения святыя иконы из Курска. <...> Купечество приезжает из Москвы, Тулы, Калуги, Казани и разных знатных российских и малороссийских городов с разными и всякими товарами в весьма довольном количестве. Лошадей приганяют так же весьма много из донских станиц и внутренних заводов. Торгуют купечество одну только неделю по притчине подходящих скоро других ярманок – Ламовской и Макарьевской» [7, Л. 35 об.].

Пасха в 1742 г. пришлась на 18 апреля, следовательно, девятая неделя после нее началась 14 июня. В конских таможенных книгах содержатся записи о купле-продаже лошадей за четыре дня — с 15 по 18 июня. В книгу 1008 внесены 183 записи с 15 по 18 июня (за 15-е — 5 записей, за 16-е — 50, за 17-е — 70, за 18-е — 58), в книгу 1009 — 135 записей (все за 18 июня), в книгу 1010-68 записей (также за 18-е).

Все три книги имеют одинаковое заглавие, приведенное перед текстом на первом листе: «Книга записная Курской Коренной ярмонки конского збору 1742 году июня месяца» (в книге 1009 пропущено слово «Коренной»). Фактически они представляют собой части одного доку-

мента – общей конской таможенной книги Коренной ярмарки. Рукописи имеют формат in folio (31x20 см), насчитывают по 48 листов (без учета ненумерованных переплетных). При этом в книге 1008 заполнены все листы, в книге 1009 - 34 листа (Л. 35-48 пустые), в книге 1010 - 30листов (Л. 31–48 пустые). Документы написаны разными почерками. В книгу 1008 внесена составительская чернильная пагинация и архивная карандашная фолиация, в книги 1009 и 1010 – чернильная составительская фолиация. Все три книги – шнуровые. Для шнура пробиты четыре отверстия в левом нижнем углу листов. Шнуры и печати красного сургуча (находятся на переплетных листах в конце книг) сохранились. Переплетов книги не имеют. На оборотах последних листов в книгах находятся одинаковые делопроизводственные записи: «В оной книге по переметке писанных и неписанных 48 листов. Регистратор Федор Львов». В документах имеются также скрепы, внесенные перед их сдачей в Московский государственный архив старых дел: в книге 1008 -«К отдаче в Московской государьственной архив крепил регистратор Василий Трубицын», в книгах 1009 и 1010 – «К отдаче в Московской государственной архив крепил регистратор Егор Сергеев».

В отличие, например, от курской конской таможенной книги 1726 г., рассматриваемые документы имеют бланковый характер. Листы книг 1742 г. разбиты на пять граф: 1) номер таможенной записи; 2) число месяца; 3) текст записи; 4–5) сумма взятых пошлин в рублях и копейках. Отдельная запись выглядит, например, так: «Курского уезду Обмяцкого стану села Долгого Курского Знаменского монастыря крестьянин Моксим Перелыгин продол кабылу гнедую, грива налево, осми лет, брянскому купцу Филипу Комареву, ценою за четыре рубли. Порукою по продавце и в очиске того ж монастыря крестьянин Степан Коврашев. По сей записки курченин Максим Скорняков вместо продовца и поруки ево (и купца) по их прошению руку приложил. Филип Коморев лошадь купил и руку приложил. С той продажи з денех и з шерсти пошлин по пяти копеяк с рубля дватцать копеяк, с шерсти пять копеяк, итого дватцать пять копеяк. Принел» [4, Л. 11].

Насколько полно отражена конская торговля на Коренной ярмарке 1742 г. в рассматриваемых источниках? Судя по всему, первые торговые операции с лошадьми были совершены 15 июня. В последующие дни их частота увеличивалась по нарастающей. Пик торговой активности на ярмарочной конской площадке пришелся на 18 июня. В этот день была зарегистрирована 261 сделка, т. е. 67,6 % от общего количества сделок, отмеченных во всех трех книгах за 15–18 июня. Резкое увеличение числа продаж лошадей 18 июня потребовало разделить ведение таможенной регистрации между несколькими должностными лицами, так как один человек с учетом сделок уже не справлялся. Повидимому, 18 июня был заключительный торговый день, поскольку

книги 1 009 и 1 010 (в отличие от книги 1 008) заполнены не полностью, в них остались пустые листы. Вероятно, в имеющихся таможенных книгах получила отражение вся конская торговля, происходившая на Коренной ярмарке в 1742 г., хотя совсем исключать существование еще одной или нескольких параллельных книг за 18 июня, не дошедших до нас, все же нельзя.

В РГАДА имеется отдельный фонд, в котором отложились документы Курской пограничной таможни (ф. 1409). В нем насчитывается 338 единиц хранения за период с 1727 по 1758 г. Состав этих документов довольно разнообразен. Так, среди них встречаются таможенные выписи за разные годы (самые ранние – за 1703 г., самые поздние – за 1749 г.), дела о правилах ведения таможенных приходо-расходных книг, о борьбе с контрабандой, о конфискации не явленных на таможне товаров, о разного рода нарушениях, допущенными представителями таможенной администрации, о выборах целовальников, разного рода указы Сената, Камер- и Коммерц-коллегий, Главного магистрата, Белгородской губернской и Курской воеводской канцелярий, Курской ратуши, касающиеся деятельности таможни и др. В фонде 1409 хранится и отрывок остававшейся неизвестной до настоящего времени курской таможенной книги 1752 г. [6]. В архивной описи фонда она датирована 1745 г., но это ошибка. В одной из таможенных записей содержится косвенное указание на время составления книги: «Курской купец Иван Трафимов сын Скорняков явил в отпуск да Троицкой крепости покупного в малоросийских городех и в слободских полках 72 куска сукон лятчин, 200 кос сенакосных, 5 фунтов королков простых, 42 выдры больших слободского лову, 48 выдр средних слободского лову, ис переделу с 4000 пар лап лисьих, 51 мех половин, да из записной статьи 14 мехов лисьих лапчетых же, 1 мех лисей ушковой из отъявки от прошлого 751 году [выделено нами. – А. Р.], 10 мехов лисьих лапчетых, 2 меха лисьих ушковых, 2 половинки сукна шлейсково, 100 кос сенакосных по цене на 911 p[уб.] 65 ко[п.]» [6, Л. 3]. Под «прошлым» в таможенных книгах в подавляющем большинстве случаев понимался именно предыдущий год.

Книга 1752 г. без начала и конца, имеет формат in folio, насчитывает 22 листа. Документ имеет бланковый характер. В отличие от конских таможенных книг Коренной ярмарки 1742 г., рукопись не прошнурована и не скреплена печатью. Скрепы в ней отсутствуют. В книгу внесена архивная карандашная фолиация.

Документ состоит из двух отрывков. Первый отрывок насчитывает 16 листов и содержит 102 записи с 27 марта по 3 мая (Л. 1–16 об.). Второй отрывок состоит из 6 листов и включает 30 записей с 5 по 7 августа (Л. 17–22 об.). (Подсчет количества записей наш, валовая нумерация записей в документе отсутствует.)

В книге зарегистрированы оптовые партии товаров, предназначенных как для продажи в Курске, так и отправленных из Курска в отпуск в другие города. Приведем для примера некоторые из таможенных записей:

«Курской купец Михайла Мелехов продол в Мясном ряду покупного в уезде 6 быков и яловиц средних и мелких по цене на 6 р[уб.] 60 ко[п.], пошлин и за уездных продавцов по 5 ко[п.] с рубля 33 ко[п.], таможенных по 5 копеек с рубля 33 ко[п.], накладных 6 $\frac{3}{4}$ [коп.], канцелярских 12 ко[п.], на содержание застав 1 $\frac{1}{2}$ ко[п.], акциденции $\frac{3}{4}$ 3 $\frac{1}{2}$ ко[п.], итого 89 $\frac{3}{4}$ [коп.]» [6, Л. 9].

«Курской купец Фока Белевцов явил покупного в уезде для продажи в Курске 2 боченка дехтю смоляку по цене на 4 р[уб.], пошлин за уездных продавцов по 5 ко[п.] с рубля 20 ко[п.], таможенных по 5 ко[п.] с рубля 20 ко[п.], накладных 4 ко[п.], на содержание застав 1 ко[п.], акциденции 2 ко[п.]. Итого 47 [коп.]» [6, Л. 13].

«Обоянского уезду слободы Павловки черкашенин Евстафей Курскаво продол $\frac{1}{4}$ пшеницы азимой, $\frac{1}{4}$ еровой, $\frac{1}{4}$ муки пшеничной озимой, $\frac{1}{4}$ еровой, $\frac{5}{4}$ овса. Той же слободы черкашенин Петр Обрамченко $\frac{2}{4}$ муки рженой, $\frac{1}{4}$ круп гречневых, $\frac{1}{4}$ просяных, $\frac{1}{4}$ семя конопного, $\frac{1}{4}$ гороху. Курского уезду Обмецкого стану деревни Жерновца крестьянин Никифор Ковалев $\frac{2}{4}$ ржи, $\frac{1}{4}$ гречи, $\frac{1}{4}$ проса, $\frac{5}{4}$ возов сена весом $\frac{40}{4}$ просения $\frac{9}{4}$ рубование $\frac{3}{4}$ ко[п.], на содержание застав $\frac{1}{4}$ ко[п.], акциденции $\frac{2}{4}$ ко[п.]. Итого $\frac{5}{4}$ [коп.]» [6, Л. 13].

«[С]ызранского купца Алексея Кондолаева работник ево Семен Тумановской явил в отпуск да Оренбурга покупного в малоросийских городах и в слободских полках 10 торб да 5 полуторб бумаги пряденой красной весом 29 пуд, 2 кипы кумачей красных уских щетом 360 кумачей, 55 штучек выбойки бумажной крымской мерою 440 ар[шин], 6 ¼ фунтов шелку грецкого плохова, 30 дюжин платчиков шелковых тоненких тофтяных малой руки по цене на 565 р[уб.] 90 ко[п.], пошлин по 5 де[нег] с рубля 21 р[уб.] 64 ¾ ко[п.], н[акладных] 2 р[уб.] 16 ½ ко[п.], н[а содержание] з[астав] 41 ¾, а[кциденции] 95 ¼ [коп.], итого 25 [руб.] $18 \frac{1}{4}$ [коп.]» [6, Л. 1].

«Таболского купца Григорья Шевырина камисионер ево, курской купец Михайла Одноряткин, явил в отпуск в Малую Росию по отпускной выписи Ирбицкой ярмонки таможни 5 130 белок чистых, 180 бел-

³ В рассматриваемом документе это слово обозначает дополнительный таможенный сбор. В «Словаре русского языка XVIII века» указано еще одно значение: «добавочная пошлина, взимаемая в таможне за нарушение таможенного устава» [16, Л. 41–42]. Однако в нашем случае такая трактовка не подходит, ибо акциденция взималась со всех товарных партий, записанных в книге 1752 г., а также с мелкого торга.

ки подпали, 1 080 горностаев чистых, 63 горностая побитых и драных, 100 горностаев чалых и драных, 240 белок серых малых чистых, 3600 белки чистой, 549 белки чистой же, 2 898 белки подпали, 450 белки шевни, 1 458 горностаев чистых, 549 горностаев чалых и драных и побитых, 7 794 белки чисто[й], 180 белки подпали, 3 060 горностаев чистых, 99 горностаев драных и побитых по цене 1428 р[уб.] 83 ко[п.], пошлин по 5 ко[п.] с рубля 71 р[уб.] 44 ¼ ко[п.], накладных 4 р[уб.] 14 ½ ко[п.], на содержание застав 1 р[уб.] 37 ко[п.], акциденции 3 р[уб.] 14 ½ ко[п.], итого 83 [руб.] 10 ¼ [коп]» [6, Л. 15].

Помимо записей о явках товаров купцами-оптовиками, в книге 1752 г. содержатся данные о сборе пошлин с участников мелкого торга, например: «Всего собрано в марте месяце в Курске в торгах в мелочной ящичной збор таможенных 6 р[уб.] 3 ½ ко[п.], накладных 60 ½ к[оп.], на содержание застав 11 ¾ [коп.], акциденции 26 ¾ [коп.]. Итого 7 [руб. 2,5 коп.]» [6, Л. 1 об.]. Кроме городского торга отмечены пошлины, взятые с торжков в Курском уезде, например: «Собрано в Курском уезде в Подгородном стану в селе Радутине с мелочной продажи таможенных 52 ¼ ко[п.], накладных 5 ¼ ко[п.], на содержание застав 1 ¼ ко[п.], акциденции 2 ½ ко[п.]» [6, Л. 12].

С правой стороны каждого листа в верхнем и нижнем углах нарастающим итогом показаны суммы собранного таможенного сбора. Нижняя цифра, перед которой написано слово «сумма», означает размер сбора с учетом пошлин, указанных в записях, приведенных на данном листе, верхняя (перед ней значится слово «транспорт»⁴) – дублирует нижнюю цифру, отмеченную на предыдущем листе. На л. 1 значится сумма 4 783 руб. 46 коп., на л. 16 об. – 5661 руб. 11 коп. (т. е. с 27 марта по 3 мая сбор составил 877 руб. 65 коп.). Первая цифра в августовском отрывке – 8 910 руб. 35,5 коп., последняя – 9 139 руб. 79 коп.⁵, т. е. с 5 по 7 августа сбор составил 229 руб. 43,5 коп. С 3 мая по 5 августа курские таможенники собрали 3 249 руб. 24,5 коп. Отметим, что высчитанные нами суммарные показатели сборов за указанные временные промежутки до некоторой степени приблизительны, поскольку нет уверенности в том, что данные о сборах за начальные и конечные дни этих временных промежутков исчерпывающе полны (сведения за 27 марта, 3 мая, 5 и 7 августа могли содержаться и на других несохранившихся листах книги).

Фрагментарность книги 1752 г. не позволяет вывести скольконибудь цельные статистические показатели, характеризующие состояние курской торговли за указанный год. И, тем не менее, этот документ

⁴ В данном случае слово употреблено в контексте «переноса» информации с предыдущего листа (от лат. transporto — перемещаю).

 $^{^{5}}$ Для сравнения: доход курской таможни за полный 1720 г. составил только 4820 руб. 40,875 коп.

все же дает определенное представление об ассортименте товаров, продававшихся в Курске и отправлявшихся через город в другие регионы страны, о направлении товарных потоков, о географическом и персональном составе торговцев, а также о размерах собиравшихся таможенных пошлин.

Надо полагать, что к началу 1750-х гг. в курской пограничной таможне, как и в других более или менее значительных таможнях страны, существовала разветвленная система отчетной таможенной документации, предполагавшая одновременное составление сразу нескольких разнотипных таможенных книг. Так, например, по документам каргопольской таможни середины XVIII в. известно, что товарные партии, доставленные в этот город по выписям других таможен, регистрировались в «явочной» книге, сборы за проданные в Каргополе товары, привезенные по выписям из других городов, отмечались в «записной» книге, а товарные партии, закупленные на местном рынке и отправленные затем в другие города, фиксировались в «отпускной» книге [15, C. 13– 19]. Отдельные таможенные записи пронумеровывались, а книги разных типов связывались между собой номерными ссылками. Например, при внесении записи о продаже товара в «записную» книгу указывался номер записи, в которой данный товар был зарегистрирован в «явочной» книге. В курской книге 1752 г. перед некоторыми записями также находятся номера, являющиеся связывающими ссылками с другими не дошедшими до нас синхронными книгами местной таможни.

Таможенные книги Курска и Коренной ярмарки 1726, 1742 и 1752 гг., рассмотренные в данной статье, остаются, к сожалению, до сих пор не изученными, не опубликованными и не введенными в научный оборот. Их комплексное исследование, сопоставительный анализ как с курскими таможенными книгами более раннего времени, так и с синхронными аналогичными документами по другим городам, а также публикация в традиционном текстуальном виде или в форме регестов представляется важной и актуальной задачей.

Источники и литература:

- 1. Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 273. Оп. 1, ч. 8. Д. 32897.
 - 2. РГАДА. Ф. 273. Оп. 10. Кн. 32854.
 - 3. РГАДА. Ф. 829. Кн. 1008.
 - 4. РГАДА. Ф. 829. Кн. 1009.
 - 5. РГАДА. Ф. 829. Кн. 1010.
 - 6. РГАДА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 162.
- 7. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18801.
 - 8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 13. № 10164.

- 9. Мерзон А.Ц. Таможенные книги XVII века: Учеб. пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957.
- 10. Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / тзд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова. М., 1982.
- 11. Раздорский А.И. Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. (Регесты: с. 409–634).
- 12. Раздорский А.И. Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии. СПб., 2007. 623 с.
- 13. Раздорский А.И. Таможенные книги Курска XVII и XVIII вв.: (Сравнительная характеристика) // Курский край в истории Отечества: Материалы научнопрактической конференции, посвященной 225-летию образования Курской губернии и 70-летию образования Курской области. Курск, 2004. Ч. 1.
- 14. Раздорский А.И. Торгово-промысловые объекты Курска по оброчной книге 1726 г. // Курский край. 2011. № 5.
- 15. Раздорский А.И. Таможенные книги Каргополя XVII–XVIII веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2013. № 4.
 - 16. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л., 1984.
- 17. Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.: (По материалам внутренних таможен). М., 1958.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аргунов Олег Николаевич – ведущий архивист отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Борисов Андрей Марксович – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет».

Бутенко Евгений Николаевич – аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет».

Вородюхин Станислав Евгеньевич – аспирант кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».

Головин Евгений Анатольевич – аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет».

Голубицкий Михаил Сергеевич – аспирант кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».

Долгов Николай Николаевич – сотрудник ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ).

Коровин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».

Ласочко Людмила Сергеевна – зам. начальника отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Лобынцев Николай Александрович – аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет».

Масуфранова Елена Александровна – преподаватель кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».

Немцев Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, государственного и муниципального управления КИСО (филиал) ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет».

Островский Илья Владиславович – аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет».

Палий Любовь Валерьевна – кандидат ист. наук, начальник отдела магистратуры, ст. преподаватель кафедры истории России КГУ.

Пилишвили Георгий Джунглович — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет».

Раздорский Алексей Игоревич – кандидат исторических наук, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Раков Виктор Владимирович — кандидат ист. наук, зам. директора-начальник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Рожковская Инесса Олеговна — научный сотрудник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Сахаров Александр Вадимович – аспирант НИУ «Белгородский государственный университет».

Сахневич Инна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет».

Харсеева Олеся Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет».

Хмелевской Александр Валентинович – аспирант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».

Холодова Елена Васильевна – кандидат архитектуры, Советник Российской Академии архитектуры и строительных наук (РААСН), архитектор.

Цуканов Игорь Павлович – кандидат ист. наук, руководитель ЦПВМ КГУ, председатель Совета КОМПОО Центр «Поиск», г. Курск.

Чубаров Алексей Игоревич – аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет».

Сборник статей

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ В ДОКУМЕНТАХ КУРСКИХ АРХИВОВ.

Выпуск XIII

Сдано в набор 29.11.2015 г. Подписано в печать 30.11.2015 г. Формат 60х84. Бумага офсетная 80 г/м 2 . Гарнитура Таймс. Тираж 100 экз. Отпечатано ООО «Центр рекламы «Лоцман» г. Курск, ул. Садовая, 13